This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

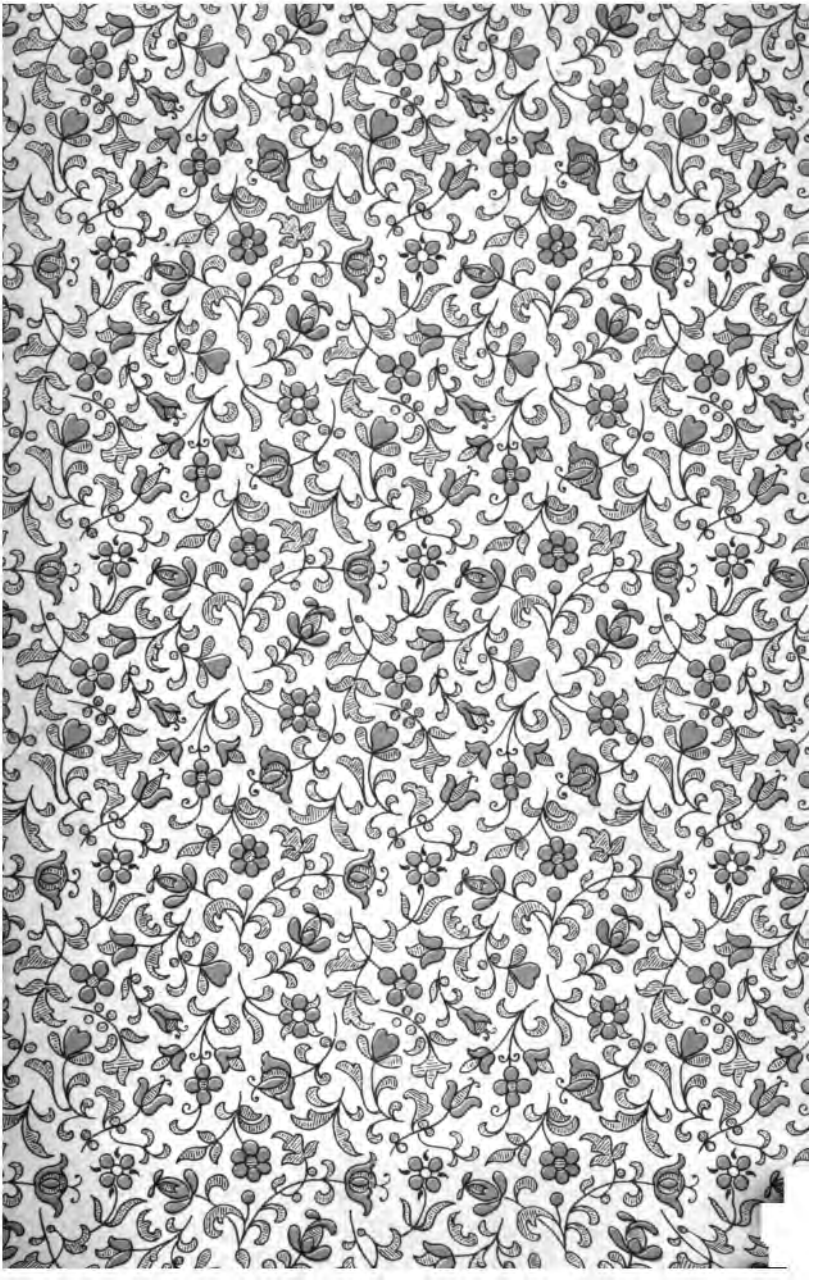
О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Сочиненія
А. Н. Майкова

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА. С.-П.-Б.

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES



ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
А. Н. МАЙКОВА.

III.

Maikov, A. N.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ А. Н. МАЙКОВА.

ИЗДАНІЕ СЕДЬМОЕ

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

Въ четырехъ томахъ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ПОЭМЫ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. Ф. МАРКСА, Измайл. просп., № 29.
1901.

PG1.3 57
N12
1791
v. 3

I.

ТРИ СМЕРТИ.

ТРИ СМЕРТИ.

Лирическая драма.

(*Посвящается Николаю Аполлоновичу Майкову*).

Поэтъ Луканъ, философъ Сенека и эпикуреецъ Люцій приговорены Нерономъ къ казни, по поводу Пизонова заговора.

Комната въ античномъ вкусѣ; посрединѣ столъ съ яствами; около него люцій, эпикуреецъ, одинъ, какъ слѣдуетъ, возлежитъ за обѣдомъ. сенека пишетъ завѣщаніе. луканъ въ глубокой задумчивости. Въ углубленіи сцены группа друзей и учениковъ Сенеки.

люцій (*омывъ послѣ ѣды руки водою въ чашѣ, поданной рабомъ говоритъ*).

Мудрецъ отличенъ отъ глупца
Тѣмъ, что онъ мыслитъ до конца.
И вотъ—я долго наблюдаю,
И нахожу, что смерть разитъ
Всего скорѣе аппетитъ.
Я цѣлый часъ жую, глотаю,

Но все безъ вкуса—и не сытъ!..
Вина попробуемъ! быть можетъ,
Живая Вакхова струя
Желудокъ дремлющій встревожитъ...
Ну, кто же пьетъ со мной, друзья?
Луканъ!.. да ты какъ въ лихорадкѣ!
Въ Сенекѣ строгій стоицизмъ
Давно разрушилъ организмъ!
И если вы въ такомъ упадкѣ—
Не мудрено, что въ этотъ часъ
Мой здравый разумъ бѣситъ васъ!

ЛУКАНЪ.

Въ часъ смерти шутки неприличны!

ЛЮЦІЙ.

Но лучше умереть шутя,
Чѣмъ плакать, рваться, какъ дитя,
Безъ пользы!

ЛУКАНЪ.

Мнѣнія различны!
Кто жизнь обжорству посвятилъ,
Тотъ потеряетъ въ ней немного!

ЛЮЦІЙ.

Э, милый! не суди такъ строго!
Я, признаюсь, еще бъ пожилъ,

И неохотно умираю...
Но, чтобы съ честью этотъ шагъ
Свершить—въ твоихъ, мой другъ, стихахъ
Себѣ отваги почерпаю.
«Посланье къ смерти» помнишь ты?
Въ немъ есть высокія черты!
Съ скелета смерти снялъ ты смѣло
Земной фантазіи цвѣты...
Ты помнишь:

(*Декламируетъ*).

«Друзья! намъ смерть страшна лишь чѣмъ?
Все кажется, что не совсѣмъ,
Не разомъ мы умремъ,

«Что будемъ видѣть мы свой трупъ.
Улыбку неподвижныхъ губъ,
Глаза съ тупымъ зрачкомъ;

«А мухи, стаей по лицу,
Безъ уваженья къ мертвецу,
И по́ лбу поползутъ;

«И съ содроганьемъ отъ тебя
Родные, близкіе, друзья
Въ испугѣ отойдутъ»...

ЛУКАНЪ.

Ужасный образъ! какъ я могъ!..

ЛЮЦІЙ.

Позволь! въ концѣ—благой урокъ.

(*Читаетъ далѣе*).

«Что даже изъ земли сырой
За рѣзвой жизнію земной
Слѣдить твой будетъ слухъ;

«И между тѣмъ, какъ надъ тобой
Весна покровъ разстелетъ свой,
И запестрѣетъ лугъ,—

«Червь на тебя ужь нападетъ
И жадно ѣсть тебѣ начнетъ
И щеки, и бока...»

ЛУКАНЪ (*перебивая его*).

Да перестань!

ЛЮЦІЙ (*продолжаетъ*).

«И будешь вѣчно рваться ты
На свѣтъ изъ душной темноты—
Да крышка-то крѣпка!

«Но, смертный, знай! твой тщетенъ страхъ,
Вѣдь, на твоихъ похоронахъ
Не будешь зритель ты!

«Вѣдь, вмѣстѣ съ дружеской толпой,
Не будешь плакать надъ собой
И класть на гробъ цвѣты;

«По смерти сталъ ты внѣ тревогъ;
Ты сталъ загадкою, какъ богъ,
И вдругъ душа твоя

«Какъ радость встрѣтила покой,
Какого въ жизни нѣтъ земной—
Покой небытія!»

Вѣдь превосходно! Эпиктетомъ
Проникнуть живо каждый стихъ!
Прошу покорно—вѣрь поэтамъ!
Мечты и вѣрованья ихъ
Подвижнѣй тучекъ золотыхъ!..
Вы всѣ на колоколъ похожи,
Въ который можетъ зазвонить
На площади любой прохожій!
То смерть зоветъ, то хочетъ жить,

То снова къ жизни равнодушенъ...
Задача, право, васъ понять!...

ЛУКАНЪ (*вспыхнувъ*).

Что̀ жь этимъ хочешь ты сказать?
Что вѣтренъ я и малодушенъ?..

СЕНЕКА (*переставая писать, удерживаетъ Лукана*).

Оставьте споръ! прилично ль вамъ
Безумнымъ посвящать рѣчамъ
Свои послѣднія мгновенья!
Смерть—шагъ великій! (*Къ Люцію*). Вѣрь, мой другъ,
Есть смыслъ въ Платоновомъ ученьѣ—
Что это мигъ перерожденья.
Пусть здѣсь убьетъ меня недугъ—
Но, какъ мерцаніе Авроры,
Какъ лилій чистый ѳиміамъ,
Какъ лиръ торжественные хоры,
Иная жизнь насъ встрѣтитъ—тамъ!
Въ душѣ, за симъ земнымъ предѣломъ,
Проснутся, выглянутъ на свѣтъ
Иныя чувства, роемъ цѣлымъ,
Которымъ органа здѣсь нѣтъ.
Мы—боги, скованные тѣломъ,
И въ этотъ дивный переломъ,

Когда я покидаю землю,
Я прежній образъ свой пріемлю,
Вступая въ небо—божествомъ!

ЛЮЦІЙ.

Я спорить не хочу, Сенека!
Но отчего такъ созданъ свѣтъ,
Что гдѣ хоть два есть человѣка—
И два есть взгляда на предметъ?
Твое, какъ молотъ, сильно слово—
Но убѣждаюсь я въ иномъ...
Существованія другого
Не постигаю я умомъ!
Взгляни на лавры вѣковые—
Ихъ листья, каждый въ свой чередъ,
Перемѣняются что годъ—
Одни спадутъ, взойдутъ другіе,
А лавръ все зеленъ, вѣчно свѣжъ,
И листья будто вѣчно тѣ жь...
Вотъ такъ и мы—Луканъ, Сенека
Слуга покорный вашъ—умретъ...
Отпадшій листъ! но заживетъ,
Какъ прежде, племя человѣка!
Иной появится пѣвецъ,
Другіе будутъ жить и вздорить,

Страдать, любить, о томъ же спорить,
О чемъ и мы съ тобой, мудрецъ!..
Но пусть по смерти жить мы будемъ!
(Тебѣ готовъ я уступить!)
А все себя мы не принудимъ
Безъ сожалѣнья кончить жить!
Намъ непріятна перемѣна.
Вотъ что́ мнѣ кто-то говорилъ:
На островѣ какомъ-то жилъ
Философъ секты Діогена.
Онъ въ бѣдномъ рубищѣ ходилъ,
Спалъ гдѣ пришлось прилечь къ сараю,
Босой, съ клюкой, нужда кругомъ...
Какимъ ужь случаемъ, не знаю,
Всему вдругъ вздумалося краю
Его избрать своимъ царемъ.
Что́ жь? Царскій пурпуръ одѣвая
И тряпки ветхія скидая,
О нихъ вздохнулъ онъ тяжело,
И пожалѣлъ удѣлъ убогій,
Сказавъ: вѣдь было же тепло
Подъ сей циническою тогой!
Не то же ль съ жизнію земной?
Достигши вѣчнаго предѣла,
Жалѣешь бросить это тѣло—

Покровъ убогій и худой!
Ты говоришь, что мы одною
Съ богами жизнью заживемъ?
Да лучше ль намъ? Ну, какъ порою,
Смотря какъ мы свой вѣкъ ведемъ,
Богини съ грозными богами,
Какъ волки, щелкаютъ зубами!
Смотря какъ смертный ѣстъ и пьетъ,
И съ смертной тѣшится любезной,
Они, быть можетъ, безполезно
Крѣпясь, облизываютъ ротъ!
Что̀ мнѣ въ ихъ жизни безъ волненій?
Мірами что ли управлять?
Въ нихъ декораціи мѣнять,
И, вмѣсто всякихъ развлеченій,
Людьми какъ шашками играть,
И какъ актерами плохими
Отнюдь не увлекаться ими,
Ни скучной пьесой!.. Нѣтъ! Клянусь,
Я въ боги вовсе не гожусь...

ЛУКАНЪ.

Нѣтъ! не страшатъ меня загадки
Того, что будетъ впереди!
Жаль бросить славныхъ дѣлъ начатки,

И все, что̀ билося въ груди,
Что̀ было мнѣ всего дороже,
Чему всю жизнь я посвятилъ!
Мнѣ страшно думать—для чего же
Во мнѣ кипѣло столько силъ?
Зачѣмъ же сила эта крѣпла,
Росла, стремилась къ торжествамъ!
Титанъ, грозившій небесамъ,
Ужели станетъ горстью пепла!
Не можетъ быть! гдѣ жь смыслъ въ богахъ?
Гдѣ высшій разумъ? Провидѣнье?
Вдругъ человѣка взять въ лѣсахъ,
Возвысить въ мірѣ, дать значенье,
И вдругъ—разбить безъ сожалѣнья,
Какъ форму глиняную въ прахъ!..
Ужели съ даромъ пѣсенъ лира
Была случайно мнѣ дана?
Нѣтъ, въ ней была заключена
Одна изъ силъ разумныхъ міра!
Народовъ мысли—образъ дать,
Ихъ чувству—слово громовое,
Вселенной душу обнимать
И говорить за все живое—
Вотъ мой удѣлъ! вотъ власть моя!
Когда для правды безпріютной,

Въ сердцахъ людей мелькавшей смутно,
Скую изъ слова образъ я,
И тутъ враговъ слѣпая стая
Его подхватитъ, злясь и лая,
Какъ псы обглоданную кость,—
Все, что̀ отвергнуто толпою,
Все веселилося со мною,
Смотря на жалкую ихъ злость!..
А злоба мрачныхъ изувѣровъ,
Ханжей, фигляровъ, лицемѣровъ,
Съ которыхъ маски я сбивалъ?
Дитя—ихъ мучилъ и пугалъ!
Столповъ отечества заставить
Я могъ капризамъ льстить моимъ—
Тѣмъ, что я ихъ стихомъ однимъ
Могъ вознести иль обезславить!
Съ Нерономъ спорить я дерзалъ—
А кто же спорить могъ съ Нерономъ!
Онъ ногти грызъ, онъ двигалъ трономъ,
Когда я вслѣдъ за нимъ читалъ,
И въ залѣ шопотъ пробѣгалъ...
Что̀ жь? не былъ я его сильнѣе,
Когда, не властвуя собой,
Онъ опрокинулъ тронъ ногой
И вышелъ—полотна бѣлѣе?

Вотъ жизнь моя! и что́ жь? ужель
Вдругъ умереть? и это—цѣль
Трудовъ, великихъ начинаній!..
Побѣдный лавръ, вѣнецъ желаній!..
О, боги! нѣтъ! не можетъ быть!
Нѣтъ! жить, я чувствую, я буду!
Хоть чудомъ—о, я вѣрю чуду!
Но долженъ я и—буду жить!

(*Входитъ центуріонъ со свиткомъ въ рукѣ*).

ЛЮЦІЙ (*указывая на центуріона*).

Вотъ и спаситель! Ну! покуда
Тутъ нѣтъ еще большого чуда.

(*Къ центуріону*).

Какія новости?

ЦЕНТУРІОНЪ (*подавая ему свитокъ*).

Декретъ
Сената.

ЛЮЦІЙ.

Други! шлетъ привѣтъ
Сенатъ къ намъ! уваженье къ власти!

ЛУКАНЪ.

Читай!

ЛЮЦІЙ.

Стой! кто рѣшитъ впередъ —
Жизнь или смерть? закладъ идетъ?

ЛУКАНЪ.

Я бъ разорвалъ тебя на части
За эти шутки!

(*Вырываетъ свитокъ и читаетъ декретъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано, что Цезарь, въ неизреченной милости своей, избавляетъ ихъ отъ позорной казни, даруетъ имъ право выбрать родъ смерти и самимъ лишить себя жизни; сроку до полуночи. Центуріонъ обязанъ наблюсти за исполненіемъ декрета, и о послѣдующемъ донести*).

ЛЮЦІЙ.

Не дуренъ слогъ. Писать умѣютъ.

ЛУКАНЪ.

Злодѣи! изверги!

ЛЮЦІЙ.

Притомъ
Приличье тонко разумѣютъ —
Что одолжаться палачомъ
Неблагородно человѣку... (*Къ центуріону*).
Но что ты смотришь на Сенеку?

ЛУКАНЪ.

Ты тронутъ! ты потупилъ взглядъ!
Въ твоемъ лицѣ слѣды смущенья!
О, вѣрь мнѣ, то боговъ внушенье!
Спаси намъ жизнь! благословятъ
Тебя народы! Предъ тобою
Мудрецъ съ маститой сѣдиною —
Онъ чистъ какъ дѣва, какъ Сократъ!

ЦЕНТУРІОНЪ.

Мой долгъ...

ЛУКАНЪ.

Твой долгъ! а жить безъ славы!
Для дикой прихоти губя
Людей, отечество, себя,
Прожить слѣпцомъ въ грязи кровавой!
О, если долгъ въ твоей груди
Не все убилъ, то — отведи
Меня въ Сенатъ! Какъ съ поля битвы
Предъ смертью ратнику, сказать
Дай мнѣ послѣднія молитвы!
Дай мнѣ предъ смертью завѣщать
Безъ лжи, передъ лицомъ вселенной,

Все, что̀ привыкъ я неизмѣнной,
Святою истиной считать!

(Центуріонъ, не обращая вниманія на Лукана, удаляется въ глубину комнаты. Луканъ продолжаетъ въ сильномъ волненіи).

Я имъ скажу — въ нихъ чести нѣтъ!
Въ нихъ умъ какой-то мглой одѣтъ!
Для нихъ отечество и слава —
Рѣчей напыщенныхъ приправа!
Величіе народа въ томъ,
Что̀ носитъ въ сердцѣ онъ своемъ;
Убивъ въ немъ доблести величье,
Заставивъ въ играхъ и пирахъ
Забыть добра и зла различье,
Въ сердца вселяя только страхъ,
Отъ правды казнью ограждаясь,
И предъ рабами величаясь,
Они мечтаютъ навсегда
Избѣгнуть кары и суда...
Я имъ скажу — готовятъ сами
Свой приговоръ себѣ они!
Что упоенные льстецами
И мысля въ мірѣ жить одни,
Себѣ статуи воздвигаютъ
Какъ божества на площадяхъ...

Но вѣкъ ихъ минетъ: разломаютъ,
Съ проклятіемъ растопчутъ въ прахъ
Отцовъ статуи ихъ же дѣти!
Дѣтей проклятій рядъ столѣтій
Не сниметъ съ головы отцовъ...

СЕНЕКА.

Луканъ! оставь, оставь слѣпцовъ!

ЛЮЦІЙ.

Пришла жь охота на циклоповъ,
На двуутробокъ и сорокъ
Взглянуть предъ смертью! взять урокъ
У нихъ дилеммъ, фигуръ и троповъ!

ЛУКАНЪ.

Но какъ безъ боя все отдать!..
Хотя бъ къ народу мнѣ воззвать!
Пѣвецъ у Рима умираетъ!
Сенека гибнетъ! и народъ
Молчитъ!.. Но нѣтъ, народъ не знаетъ!
Народу милъ и дорогъ тотъ,
Кто спать въ немъ мысли не даетъ!

ЛЮЦІЙ.

Да, милъ, какъ бабочка ночная,
Покуда крыльевъ не ожжетъ,

Черезъ огонь перелетая...
Народъ твой первый же потомъ
И назоветъ тебя глупцомъ.

ЛУКАНЪ (*закрывъ лицо руками*).

Но Цезарь!.. мы вѣдь съ нимъ когда-то
Росли, играли, какъ два брата!
Онъ вспомнитъ время дѣтскихъ игръ,
И приговоръ свой остановитъ...
Въ немъ сердце есть... вѣдь онъ не тигръ...
Римъ часто пò-пусту злословитъ...
Чтò я ему, мои мечты
Да пѣсни — всѣ мои заботы!..

ЛЮЦІЙ.

Мой бѣдный мальчикъ, съ жизнью счеты
Еще не кончилъ видно ты!

(*Одинъ изъ учениковъ Сенеки входитъ въ комнату. Съ нимъ рабъ. Онъ говоритъ шепотомъ*).

УЧЕНИКЪ.

Друзья, — чуръ тише — я съ надеждой!

ЛУКАНЪ.

Прощенье?..

УЧЕНИКЪ.

Въ домѣ выходъ есть;
Со мной двѣ женскія одежды.

Пробраться къ Тибру, въ лодку сѣсть,
И въ Остію! бѣги съ Луканомъ,
А я останусь здѣсь съ рабомъ.
Луканъ съ нимъ сходенъ видомъ, станомъ,
Я сѣдъ, гляжу ужь старикомъ...
Бѣгите! время есть до срока.
И вы ужь будете далеко,
Какъ насъ найдутъ здѣсь поутру.

ЛУКАНЪ.

Я говорилъ, что не умру!

СЕНЕКА.

Бѣги, Луканъ! Мнѣ съ сѣдиною
Нейдетъ ужь бѣгать отъ враговъ.

ЛЮЦІЙ.

А жаль! Я бъ посмотрѣлъ, каковъ
Ты въ юбкѣ!..

УЧЕНИКЪ.

Гибель предъ тобою!
Смерть въ каждомъ домѣ! Цѣлый Римъ —
Что циркъ. Людей травятъ звѣрями.

Постумъ убитъ рабомъ своимъ;
Пизонъ вскрылъ жилы. Подъ досками
Раздавленъ Кай. Чего жь вамъ ждать?

СЕНЕКА.

Мой другъ, не дважды умирать!
Разъ — это праздникъ!

УЧЕНИКЪ.

Но съ тобою
Погибнетъ все! ты много намъ
Не досказалъ!

СЕНЕКА.

Найдешь и самъ
Все, что̀ осталося за мною, —
Лишь мысли, истину любя,

ЛУКАНЪ.

Учитель! я молю тебя!

УЧЕНИКЪ.

Вѣдь ты послѣдняя лампада
Во мракѣ лжи!

СЕНЕКА.

Оставь меня.
Ни просьбъ, ни лести мнѣ не надо.
Вѣрь, каждый шагъ свой — знаю я!

УЧЕНИКЪ.

Я это зналъ... я зналъ тебя!
О, горе! что же будетъ съ нами!..
Жить въ мракѣ, плача и скорбя,
Что свѣтъ мелькнулъ передъ глазами —
И скрылся!.. Ты душой высокъ!
Ты недоступенъ намъ, Сенека!
Ахъ! правда! въ сердцѣ человѣка
Есть нѣчто высшее, есть богъ!..
Сейчасъ я видѣлъ — и смущеньемъ
Я пораженъ какъ мальчикъ былъ...
Я черезъ форумъ проходилъ.
Съ какимъ-то дикимъ изумленьемъ
Народъ носилки окружилъ.
Въ носилкахъ трупъ Эпихариды...
(Подъ видомъ праздниковъ Киприды
Пизонъ друзей сбиралъ къ ней въ домъ).
Вчера она, подъ колесомъ,
Въ жестокихъ мукахъ, не винилась,

И никого не предала!..
Трещали кости, кровь текла...
Въ носилкахъ петлю изловчилась
Связать платкомъ — и удавилась.
Воскликнулъ самъ центуріонъ:
«Въ рабынь вселился духъ Катоновъ!»
А Римъ? Сенатъ? весь обращенъ
Иль въ палачей, или въ шпіоновъ!

ЛУКАНЪ.

Эпихарида!

УЧЕНИКЪ.

Да, она —
Душа безумныхъ сатурналій!

ЛУКАНЪ.

И ты хотѣлъ, чтобъ мы бѣжали!

ЛЮЦІЙ.

Бываютъ точно времена
Совсѣмъ особеннаго свойства.
Себя не трудно умертвить,
Но жизнь понявъ, остаться жить —
Клянусь, не малое геройство!

ЛУКАНЪ.

И смерть въ рукахъ ея была
Для цѣлой половины Рима —
И никого не предала!
А жить бы въ золотѣ могла!
На площадяхъ боготворима
Въ мѣди бъ и въ мраморѣ была,
Какъ мать отечества!.. О, боги!
Сенека! и взглянуть стыжусь
На образъ твой какъ совѣсть строгій!
Да развѣ могъ я жить, какъ трусъ?
Нѣтъ, нѣтъ! Клянусь, меня не станутъ
Геройствомъ женщинъ упрекать!
Послѣднихъ Римлянъ въ насъ помянутъ!
Ну, Римъ! тебѣ волчица — мать
Была! я вѣрю... въ сказкѣ древней
Есть правда... Ликторъ! я готовъ...
Я здѣсь чужой въ гнилой харчевнѣ
Убійцъ наемныхъ и воровъ!
Смерть тяжела лишь для рабовъ!
Намъ — въ ней тріумфъ.

(Обнимаетъ Сенеку и друзей и говоритъ, поднявъ глаза къ небу).

О, боги! боги!
Вы обнажили предо мной

Видѣнья древности сѣдой
И Олимпійскіе чертоги —
Затѣмъ, чтобъ стихъ могучій мой
Ихъ смертнымъ былъ провозвѣщатель!..
Теперь стою я, какъ ваятель
Въ своей великой мастерской.
Передо мной — какъ исполины
Недовершенныя мечты!
Какъ мраморъ, ждутъ онѣ единой
Для жизни творческой черты...
Простите жь пышныя мечтанья!
Осуществить я васъ не могъ!..
О, умираю я, какъ богъ
Средь начатого мірозданья!

(Луканъ, обнявъ Сенеку и Люція, уходитъ, сопровождаемый ликторами).

СЕНЕКА *(хочетъ за нимъ слѣдовать, но останавливается на движеніе бросившихся къ нему учениковъ и, проведя рукою по челу, говоритъ тихо и торжественно).*

Одну имѣлъ я въ жизни цѣль,
И къ ней я шелъ тропой тяжелой.
Вся жизнь моя была досель
Нравоучительною школой;
И смерть есть новый въ ней урокъ,

Есть буква новая, средь вѣчной
И дивной азбуки, залогъ
Науки высшей, безконечной!
Творецъ мнѣ разумъ строгій далъ,
Чтобъ я вселенную извѣдалъ,
И что̀ въ себѣ и въ ней позналъ, —
Въ науку бъ позднимъ внукамъ предалъ;
Послалъ онъ въ встрѣчу злобу мнѣ,
Развратъ чудовищный и гнусный,
Чтобъ я, какъ дубъ на вышинѣ,
Средь бурь, окрѣпъ въ борьбѣ и́скусной,
Чтобъ въ массѣ подвиговъ и дѣлъ
Я образъ свой напечатлѣлъ...
Я все свершилъ. Мой образъ вылитъ.
Еще рѣзца послѣдній взмахъ —
И гордо встанетъ онъ въ вѣкахъ.
Рѣзецъ не дрогнетъ. Не осилитъ
Мнѣ руку страхъ. Здѣсь путь свершенъ,—
Но духъ мой, жизнію земною
Усовершенъ и умудренъ,
Вступаетъ въ вѣчность... Предо мною
Открыта дверь — и вижу я
Зарю иного бытія...

(Друзья съ воплями обнимаютъ колѣна философа. Смотря на нихъ, онъ продолжаетъ).

Жизнь хороша, когда мы въ мірѣ
Необходимое звено,
Со всѣмъ живущимъ заодно;
Когда не лишній я на пирѣ;
Когда, идя съ народомъ въ храмъ,
Я съ нимъ молюсь однимъ богамъ...
Когда жь толпа, съ тобою розно,
Себѣ воздвигнувъ божество,
Слѣдитъ съ какой-то злобой грозной
Движенья сердца твоего;
Когда указываетъ пальцемъ,
Тебя завидѣвъ далеко, —
О, жить отверженнымъ скитальцемъ,
Друзья, повѣрьте, нелегко:
Остатки лучшихъ поколѣній,
Съ ихъ древней доблестью въ груди,
Проходимъ мертвые, какъ тѣни,
Мы какъ шуты на площади!
И незамѣтно вѣтеръ крѣпкій
Потопитъ насъ среди зыбей,
Какъ обезсмысленныя щепки
Побѣдоносныхъ кораблей...

Нашъ вѣкъ прошелъ. Пора намъ, братья!
Иные люди въ міръ пришли;

Иныя чувства и понятья
Они съ собою принесли...
Быть можетъ, вѣруя упорно
Въ преданья юности своей,
Мы леденимъ, какъ вихрь тлетворной,
Жизнь обновленную людей.
Быть можетъ... истина не съ нами!
Нашъ умъ ея уже нейметъ,
И ослабѣвшими очами
Глядитъ назадъ, а не впередъ,
И свѣта истины не видитъ,
И вопіетъ: «спасенья нѣтъ!»
И, можетъ быть, иной пріидетъ,
И скажетъ людямъ: «вотъ гдѣ свѣтъ!»
Нѣтъ! намъ пора!.. Открой мнѣ жилы!..
О, величайшее изъ благъ —
Смерть! ты теперь въ моихъ рукахъ!..
Сократъ! учитель мой! другъ милый!
Къ тебѣ иду!..

(*Уходитъ сопровождаемый учениками*).

ЛЮЦІЙ.

Ты кончилъ хорошо, Сенека!
И славно выдержалъ!.. Ну, вотъ —
Героемъ меньше!.. Злость беретъ,

Какъ поглядишь на человѣка!
Что жь изъ того, что умеръ ты?
Что духомъ до конца не падалъ?
Для болтовни, для клеветы
Ты Риму разговоровъ задалъ
Дня на два! Вотъ и подвигъ твой!

(Смотритъ въ окно на небо и дальнія горы).

Какъ тамъ спокойно! Горы ясны...
Вотъ такъ и боги безучастно
Съ небесъ глядятъ на родъ людской!
Да что и видѣть?..

(Оглядывается въ комнату).

Здѣсь ужасно
И жить, не только умирать!
А жить осталося не много...
Что жь пользы Немезидѣ строгой
Часъ лишній даромъ отдавать?
Для дѣлъ великихъ отдыхъ нуженъ,
Веселый духъ и — добрый ужинъ...
По смерти слава — намъ не въ прокъ!
И что за счастье, что когда-то
Укажетъ риторъ бородатой
Въ тебѣ для школьниковъ урокъ!..
До тайнъ грядущихъ — нѣтъ мнѣ дѣла!
И — здѣсь ли кончу я свой вѣкъ,

Иль будетъ жить душа безъ тѣла —
Все буду я — не человѣкъ!..
Ну, а теперь, пока я въ силѣ,
Съ почетомъ отпустить могу
Я тѣло — стараго слугу...
Эй, рабъ!

(*Входитъ рабъ*).

ЛЮЦІЙ.

Въ моей приморской виллѣ
Мнѣ лучшій ужинъ снаряди,
Въ амфитеатрѣ, подъ горами.
Мнѣ ложе убери цвѣтами;
Балетъ вакханокъ приведи,
Хоръ фавновъ... лиры и тимпаны...
Да хоръ не такъ, какъ въ прошлый разъ:
Пискунъ какой-то — первый басъ!..
Въ саду открой вездѣ фонтаны;
Вотъ ключъ — тамъ, въ дальней кладовой
Есть кубки съ греческой рѣзьбой —
Достань. Да разошли проворно
Рабовъ созвать друзей... Пускай,
Кто живъ, тотъ и придетъ. Ступай
Къ Марцеллу самъ. Проси покорно,
Хранится у него давно

Гораціанское вино.
Скажи, что господинъ твой молитъ
Не отказать ему ни въ чемъ,
Что нынче — умирать изволитъ!
Ну, все... ты вѣрнымъ былъ рабомъ,
И не забытъ въ моей духовной.

(*Рабъ упадаетъ къ его ногамъ*).

Да не торгуйся, не скупись —
Чтобъ ужинъ вышелъ баснословный!...
Да! главное забылъ... Стучись
Въ палаты Пирры беззаботной!
Снеси цвѣтовъ корзины ей,
И пусть, смѣяся безотчетно,
Она ко мнѣ, весны свѣтлѣй,
На ужинъ явится скорѣй.

(*Рабъ уходитъ*).

И на колѣняхъ дѣвы милой,
Я съ напряженной жизни силой
Въ послѣдній разъ упьюсь душой
Дыханьемъ травъ, и моремъ спящимъ,
И солнцемъ, въ волны заходящимъ,
И Пирры ясной красотой!.
Когда жь пресыщусь до избытка,
Она смертельнаго напитка,
Умильно улыбаясь, мнѣ,

Сама не зная, дастъ въ винѣ,
И я умру шутя, чуть слышно,
Какъ истый мудрый сибаритъ,
Который, трапезою пышной
Насытивъ тонкій аппетитъ,
Средь ароматовъ мирно спитъ.

1852.

II.

СТРАННИКЪ.

СТРАННИКЪ.

(*Посвящается Ѳ. И. Тютчеву*).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Гриша, двадцати лѣтъ.
Странникъ, сорока пяти лѣтъ.
Нищій.

Страннопріимная келья при купеческомъ раскольничьемъ домѣ, на фабрикѣ, близъ большого села. Въ кельѣ столъ, лавки, образа стараго письма, лампадка.

Гриша (*одинъ стоитъ въ раздумьи*).

Какъ онъ войдетъ, то прямо объявлюся:
«Азъ грѣшный, молъ, во тьмѣ заблудшій, свѣту
«Желающій!.. Отверзи мнѣ источникъ
«Премудрости твоей, бо алчу, отче,
«Я твоего учительскаго слова...»
Такъ и скажу ему, какъ затвердилъ!
А тутъ пока прибраться...

(*Оглядываетъ келью*).

Ишь, подушку
Откинулъ онъ и положилъ полѣнце...
Голубчикъ! снялъ вѣдь и соломку съ лавки!
Пошелъ съ своей посудинкой на рѣчку...
Вотъ слишкомъ двѣ недѣли: всю-то ночь
На правилѣ стоитъ, а днемъ читаетъ...
И какъ себя-то соблюдаетъ строго!
Разъ отдохнуть прилегъ: вдругъ ѣдетъ тройка,
Да съ пѣснями, — и кинулся молиться,
Да часъ иль два поклоны клалъ земные...
Что̀ если бъ зналъ онъ, что я тутъ же, подлѣ,
Изъ каморы своей смотрю все въ щелку?
Что̀ жь! развѣ я то дѣлаю для худа?
Томлюся я, что Даніилъ во рву...
Горѣ всечасно обращаю очи —
Не явится ль Господень свѣтлый ангелъ!
Да нѣтъ, не сходитъ!..

(*Поправляетъ лампадку на полкѣ, гдѣ видитъ книги*).

Вотъ книги-то его!..
Евѳиміевъ *Цвѣтникъ*... Да нешто онъ
Изъ бѣгуновъ?.. А это Аввакума
Посланія... Ка̀къ вѣдь писалъ, страдалецъ!

(*Открываетъ книгу и читаетъ*).

«У Грековъ такожде пропала вѣра.
Съ поганымъ Туркомъ потурчали: пьютъ
Табакъ, приходятъ въ церковь въ шапкахъ; жены
Того скверней; имъ церковь, яко мѣсто
Соблазна: груди голы, очи дерзки.
Самъ патріархъ браду обрилъ и съ Туркомъ
Ѣстъ рафленыхъ курей съ едина блюда.
Нѣтъ, Русачки мои не таковы!
Въ огонь скорѣе, миленькіе, внидутъ,
А благовѣрія не предадутъ».
Во истину сказалъ: «не предадутъ!»

(Перевертываетъ нѣсколько страницъ и читаетъ).

«Къ тебѣ, о царь, предъ смертью изъ темницы,
Я, какъ изъ гроба, нынѣ вопію:
Опомнися! Покайся!.. Изболѣло
Мое все сердце по тебѣ, царю!
О душенькѣ своей попомни, милый!
Слукавили лгуны передъ тобою!
Какіе жь мы еретики, помысли!
Порушили ль мы гдѣ уставы церкви?
Вели престать насъ звать бунтовщиками:
Мы предъ твоимъ величествомъ, голубчикъ,
Ниже въ малѣйшемъ неповинны! Токмо

Что о душѣ печемся, Бога ради»...

(Слыша шаги, поспѣшно кладетъ книгу на мѣсто и становится къ стѣнѣ. Входитъ странникъ, несетъ буракъ съ водою; проходитъ мимо Гриши, не замѣчая его и продолжая богомысліе).

СТРАННИКЪ.

Изъ глубины паденья моего,
О, Господи, къ Тебѣ взываю, грѣшный!
Вонми моимъ рыданіямъ и призри
Съ высотъ Твоихъ, есмь немощенъ и шатокъ,
И духъ мой, аки валъ морской, всечасно
То въ небеса предъ свѣтлый ликъ Твой рвется,
То падаетъ во адъ кромѣшный паки!..

(Ставитъ буракъ на столъ, достаетъ мѣдный складень и готовится стать на правило).

ГРИША *(робко подходя къ нему).*

Не прогнѣвись, благоутробный отче:
Азъ грѣшный... азъ учительскаго слова
Изъ устъ твоихъ желающій услышать...

СТРАННИКЪ.

Охъ, что̀ ты, сыне?.. Мнѣ ль учительское слово
Кому держать! и самъ бы поучился
Отъ мудраго! самъ возлюбилъ бы плеть
Духовную отъ праведнаго мужа!

ГРИША.

Позволь съ тобой на правило мнѣ стать!

СТРАННИКЪ.

Нельзя!

ГРИША.

Я тоже старой вѣры, отче!

СТРАННИКЪ.

Что̀ жь старой? Всѣ вы нынче — нестряки!

(*Садится*).

Да! благодать давно взята на небо!
Вселенная пуста, и стадо вѣрныхъ
День ото дня въ міру оскудѣваетъ!..
Ты грамотный?

ГРИША.

Почитываю книги,
Да одному не все-то въ нихъ понятно!..
У насъ народъ на фабрикѣ все буйный,
И токмо что рекутся старовѣры.
Вотъ иногда у постояльцевъ спросишь,—
Да знающихъ немного между ними.

СТРАННИКЪ.

Коль грамотенъ еси, ты прочиталъ ли
И помнишь ли, что̀ писано о вѣрныхъ?

(*Читаетъ наизусть*).

Что о душѣ печемся, Бога ради»...

(Слыша шаги, поспѣшно кладетъ книгу на мѣсто и становится къ стѣнѣ. Входитъ странникъ, несетъ буракъ съ водою; проходитъ мимо Гриши, не замѣчая его и продолжая богомысліе).

СТРАННИКЪ.

Изъ глубины паденья моего,
О, Господи, къ Тебѣ взываю, грѣшный!
Вонми моимъ рыданіямъ и призри
Съ высотъ Твоихъ, есмь немощенъ и шатокъ,
И духъ мой, аки валъ морской, всечасно
То въ небеса предъ свѣтлый ликъ Твой рвется,
То падаетъ во адъ кромѣшный паки!..

(Ставитъ буракъ на столъ, достаетъ мѣдный складень и готовится стать на правило).

ГРИША *(робко подходя къ нему).*

Не прогнѣвись, благоутробный отче:
Азъ грѣшный... азъ учительскаго слова
Изъ устъ твоихъ желающій услышать...

СТРАННИКЪ.

Охъ, что̀ ты, сыне?.. Мнѣ ль учительское слово
Кому держать! и самъ бы поучился
Отъ мудраго! самъ возлюбилъ бы плеть
Духовную отъ праведнаго мужа!

ГРИША.

Позволь съ тобой на правило мнѣ стать!

СТРАННИКЪ.

Нельзя!

ГРИША.

Я тоже старой вѣры, отче!

СТРАННИКЪ.

Что̀ жь старой? Всѣ вы нынче — пестряки!

(*Садится*).

Да! благодать давно взята на небо!
Вселенная пуста, и стадо вѣрныхъ
День ото дня въ міру оскудѣваетъ!..
Ты грамотный?

ГРИША.

Почитываю книги,
Да одному не все-то въ нихъ понятно!..
У насъ народъ на фабрикѣ все буйный,
И токмо что рекутся старовѣры.
Вотъ иногда у постояльцевъ спросишь, —
Да знающихъ немного между ними.

СТРАННИКЪ.

Коль грамотенъ еси, ты прочиталъ ли
И помнишь ли, что̀ писано о вѣрныхъ?

(*Читаетъ наизусть*).

Егда Христосъ пріидетъ паки въ міръ,
Обрящетъ ли свою онъ вѣру чисту?
Онъ пріидетъ въ великіе хоромы
Съ златымъ шатромъ, съ подзоры и убрусы;
Покои жь багрецомъ наряжены;
И въ тѣхъ покояхъ возсѣдятъ мужи,
Во ферезяхъ, сырцомъ и златомъ шитыхъ;
А на столѣ и лебедь, и журавль,
И сахары, и всякое печенье,
И жемчугомъ унизаны, подносятъ
Вина имъ, въ серебряныхъ сосудахъ, жены,
И поклоняются имъ, и лобзаютъ,
Грѣховной срамоты не убояся,
Усты въ уста. Онъ скажетъ: «Блудодѣи
Вси суть они, и не мои суть овцы!»
Онъ пріидетъ къ властямъ, къ архіереямъ;
Узритъ: единъ съ блистаніемъ на митрѣ
И злата, и жемчужныхъ херувимовъ,
И бархатомъ на мантіи кичася,
На башмакахъ же крестъ Христовъ имѣя,
Чтобъ скверными топтать его ногами;
И вкругъ синклитъ его, попы и мнихи,
И римскіе пѣвцы, партеснымъ пѣньемъ
Не Божью, а его поющи славу;
И всѣ думцы его въ парчахъ и камняхъ,

Окрестъ его сѣдяще полукругомъ;
И купно всѣмъ соборомъ измышляютъ
Погибель христіанству, наказуя
По всей странѣ противящихся имъ
Во срубахъ жечь и вѣшать на крюки,
И зарывать живыхъ по перси въ землю;
Онъ скажетъ: «се не пастыри, а волки!»
Въ пустыняхъ лишь, въ лѣсу, забѣгшихъ въ горы
Найдетъ подвижниковъ: имъ же молитва —
Кормленье, слезы — утоленье жажды,
И бѣса посрамленіе — веселье
Гоненіе — сговоръ, а смерть — невѣста...
И скажетъ Онъ: «со Мною вы пребысте,
И съ вами Азъ, отнынѣ и вовѣки».

ГРИША (*въ умиленьи*).

Ты наизусть святыя книги знаешь!
Вотъ, всю бы ночь, кажись, тебя прослушалъ!

СТРАННИКЪ.

Великій змій вселенную обвилъ
И царствуетъ... Про змія-то читаемъ:
«И было зримо, како по ночамъ,
Сей змій, уста́ червлены, брюхо пестро,

Ко храминѣ царевой подползалъ,
И царское оконце отворялось.
Царь у окна сидѣлъ, а змій, вздымаясь
По лѣстницѣ клубами, подымался
Вверхъ до окна и голову свою
Великому Царю клалъ на плечо.
(И такъ онъ былъ огроменъ, что лежалъ
По лѣстницѣ всѣмъ туловищемъ темнымъ,
А хвостъ еще изъ патріаршей сѣни
Не вылѣзалъ). И такъ, къ цареву уху
Припавъ, шепталъ онъ лестныя слова:
«Не слушай честныхъ старцевъ, о царю!
«И старыхъ книгъ, владыко, боронися!
«Бо тѣсноты они тебѣ хотятъ!
«А полюби, царь, Никоновы книги:
«Въ нихъ обрѣтешь пространное житье,
«И по средамъ и пятницамъ всеястье,
«И тѣлесамъ твоимъ во услажденье
«Всѣ радости мірскія и утѣхи».

ГРИША.

Про змія, отче, я читалъ и знаю.
Изшелъ изъ ада онъ и днемъ являлся
Подъ видомъ Никона лжепатріарха,
А ночью принималъ опять видъ змія.

Про Никона написано еще:
Его видали, какъ въ златой палатѣ
Отъ многихъ онъ бѣсовъ былъ почитаемъ.
Они его садили на престолъ,
Вѣнчали, какъ царя, и лобызали,
И кланялись ему, и говорили:
«Ты большій братъ нашъ и любезный другъ,
И намъ поможешь крестъ Христовъ сломити».
Но это все стоитъ про Никоньянцевъ,
И въ ихъ-то вѣру змій пустилъ свой ядъ.

СТРАННИКЪ.

Во всѣ! во всѣ!.. Отъ змѣя народились
Змѣеныши; чуть вылѣзли изъ яицъ —
И выросли, и стали жрать другъ друга,
И своего отца грызутъ, — и всѣ
Въ единый клубъ свились, дышащи злобой,
И лютости огнемъ распалены.
Въ писаніи стоитъ вѣдь явно: «внидутъ
Въ селенья праведныхъ и сластолюбцы,
И блудники, и тати, аще добрымъ
Очистятся постомъ и покаяньемъ,
Но въ оное не внидетъ ни богатый,
Ни еретикъ». А вашъ Андрей Денисовъ
Что̀ сотворилъ? — Когда явился Петръ —

То былъ ужь самъ Антихристъ во плоти:
Одѣлъ себя и весь свой полкъ звѣриный
Въ нѣмецкіе кафтаны, и по царству
Ихъ разослалъ ниспровергать законы
Отечески и свой регламентъ ставить;
И позавелъ онъ раздѣленье въ людяхъ,
И сваръ, и бой, и брань междуусобну:
И вывезъ клеймы онъ изъ римскихъ странъ,
И сталъ клеймить вездѣ себѣ людей:
А на кого ужь то клеймо легло —
Такъ на весь родъ пойдетъ: и отрекутся
Отеческихъ святынь, преданій, даже
Гробовъ отцовъ, и будутъ, что чужіе!
Ужасно есть сіе помыслить токмо!
Пойдутъ дружить со всякимъ вражьимъ духомъ,
Противъ всего, что сотворили древле
Великіе цари, митрополиты
Московскіе, Іона, Алексѣй, —
Ихъ же трудами собрана земля
Россійская, и ихъ цвѣла нарядомъ.
А славный вашъ Андрей Денисовъ съ онымъ
Антихристомъ, еже Петръ Первый есть,
Хлѣбъ-соль водилъ, копалъ ему руду
На цѣпи, и съ важнѣйшими его
Персонами братался; блудно жилъ,

Да блудно такъ и померъ: дѣвка,
Ишь, приворотнымъ зельемъ опоила!
Онъ всю-то жизнь Антихристу работалъ,
Въ Имперіи торги-то разводя.
Съ него вотъ и пошли купцы-тузы:
Первѣйшіе въ Москвѣ — все ихъ хоромы!
Въ хоромахъ-то картины и статуи
Поганскія; какъ балъ-то зададутъ,
По окнамъ-то не стекла — зеркала;
Зажгутъ такіе бѣлые шары,
Что солнца свѣтятъ! плясъ и музыканты!
Передъ крыльцомъ-то конная все стража!
Каретъ, каретъ-то! Все князья да графы,
И всѣхъ наукъ бѣсовскихъ хитрецы!
Вотъ, братъ, цвѣты какіе распустились
Изъ сѣмени Андреева! ликуютъ,
А васъ-то, дурней, держатъ въ кабалѣ,
Иконами да лестовкой морочатъ!
Я побывалъ и у Таганья Рога,
На Иргизѣ, и въ Керженцѣ, на Выгѣ,
И въ Питерѣ, Москвѣ, въ Казани, Ржевѣ:
Вездѣ одно! Обозъ идетъ: анъ чей?
Чьи тамъ плоты рѣку загородили?
Чьи баржи тянутъ огненною силой,
Да караванъ за караваномъ? Сало,

Пенька ли, хлѣбъ — спроси ты только, чьи?
А пристани по городамъ, буяны?
А въ Нижнемъ кто ворочаетъ дѣлами?
Все вѣры древлія благочестивцы,
И всѣмъ-то имъ заводчикъ — вашъ Андрей!
А на кого трудятся? Нешто Богу?
Антихристъ-то имъ нешто врагъ? Поди-ко,
Царю листы какіе восписуютъ —
«Всѣ за тебя, молъ, животы положимъ!»
Вотъ каково! и погоди маленько,
Какъ ужь совсѣмъ гоненье поутихнетъ
Да потѣснѣй спознаются другъ съ другомъ,
Да льготъ дадутъ, — всѣмъ міромъ подъ *большіе*
Колокола пойдете и съ попами
Всѣ въ голосъ запоете! Тако будетъ!
Поширь вамъ только!

(*Опускаетъ голову и задумывается*).

Деньги, сыне, деньги!
Погибель вся отъ нихъ! Онѣ и есть
Мошна въ сѣти, въ которую, что рыбу,
Васъ дьяволы шестами загоняютъ,
А вервія другіе бѣсы тянутъ
Ко брегу, онъ же адъ, а сатана
Въ аду-то у окна сидитъ и радъ,

Что тяжело идетъ треклятый неводъ,
Что бѣсы-то потѣютъ и пыхтятъ
Отъ бремени!

ГРИША.

Ужель нельзя спастися?

СТРАННИКЪ.

Здѣсь, въ мірѣ? нѣтъ! Но милосердьемъ Божьимъ
Спасенья путь оставленъ узкій, токмо
Немногіе идутъ по немъ.

ГРИША.

Кто грѣшенъ,
Тотъ ужь ступить на оный путь не можетъ?

СТРАННИКЪ.

А ты на совѣсти имѣешь грѣхъ
Особенный?

ГРИША.

Имѣю грѣхъ великій!
Такъ и лежитъ на сердцѣ... такъ и мучитъ...
Ахъ, отче, я великій грѣшникъ!

СТРАННИКЪ.

Если
Довѣріе имѣешь, то откройся!
Пооблегчитъ.

ГРИША.

Я знаю, полегчало бъ!
И это въ мысляхъ я имѣлъ... Вотъ видишь...
Я разскажу тебѣ ужь все, какъ было...
Къ божественному былъ я склоненъ смлада.
И какъ былъ взятъ въ привратники сюда,
Отъ странниковъ былъ въ вѣрѣ наставляемъ
По древнему закону. Только странникъ
Вѣдь поживетъ, да и уйдетъ потомъ.
А сколько ихъ притомъ непутныхъ бродитъ!..
И соблюдать себя я началъ строго;
Кремнями, стеклами постель усыпалъ,
Отъ всякихъ яствъ отсталъ, питался быльемъ,
Во дни же постные совсѣмъ не ѣлъ.
Тутъ надо мной кругомъ смѣяться стали,
И я возмнилъ, что есмь единъ безгрѣшенъ,
И смѣхъ ихъ былъ мнѣ въ сладость... Началъ
Ужь помышлять, что самъ меня нечистый
Не побѣдитъ. «Не одолѣешь, бѣсе!»
Твержу, а онъ зоветъ на вечерницу;
«Тамъ власть свою яви ты надо мною —
И поклонюсь тебѣ»... я и пошелъ..

СТРАННИКЪ.

Пошелъ? Ну, что жь?

ГРИША.

И... одолѣлъ лукавый...

СТРАННИКЪ.

Ну, какъ же онъ къ тебѣ тамъ подступился?
Во образѣ жены?

ГРИША.

Нѣтъ, ужь уволь!
Что говорить!..

СТРАННИКЪ.

Стыдѣніе имѣешь.

(*Подумавъ*).

Охъ, сыне, сыне! растлѣна земля
Людьми уже на тридцать саженъ внизъ!
И къ Господу всечасно вопіетъ,
Да попалитъ огнемъ ее Господь,
И отъ грѣховъ и всякихъ сквернъ очиститъ!
Твой грѣхъ не есть еще великій грѣхъ...
Грѣхи бываютъ, сыне, потягчае...
Примѣромъ — кровь, непутное житье
Съ разбойники и тати, и блудницы...
Но ты сего еще не разумѣешь,

И дай Господь не разумѣть во вѣки!
Съ людьми толчешься, что по рынку ходишь:
Шумъ, гамъ! купцы те за́ полы хватаютъ
И въ лавки тащутъ, и товаръ свой суютъ,
«Купи, купи, почтенный! вовсе даромъ!..»
Ты и берешь, и невдомекъ, что эти
Купцы-то — переряженные бѣсы,
Товары — смертные грѣхи, а платишь
За нихъ душой, оно и выйдетъ даромъ,
Она бо есть невидима, душа-то!..
Охъ, миленькій! въ пустыньку бъ Богъ сподобилъ
Укрытися! Тамъ райское-то есть
Веселіе! Поютъ тебѣ тамъ пташки!
Пустынька вся нарядится цвѣтами!
Студенъ ручей съ горы крутой падетъ...
Сиди надъ нимъ!.. а кругъ — густыя ели...
Олень, аль прочій звѣрь придетъ напиться...
И пташка тутъ на камешекъ же сядетъ
И крылушки полощетъ... Такъ-то любо!
И такъ душа исполнится твоя
Величіемъ Господнимъ... и восплачетъ
Умильными и тихими слезами...
Вотъ тамъ помолишься!.. да, братъ Григорій,
Велико дѣло есть пустыня!

ГРИША.

Отче,
А какъ же тамъ зимой-то жить?

СТРАННИКЪ.

А славно!
Сидишь ты словно въ свѣтозарномъ царствѣ,
Какъ зорьки-то играютъ на снѣгу...

ГРИША.

Ты, можетъ, отче, и живешь въ пустынѣ
И ради нѣкихъ нуждъ изшелъ?

СТРАННИКЪ.

Живалъ...
Да токмо гладомъ нудимъ былъ изыти.
Не одолѣлъ плотскаго человѣка,
И плоть еще не омерзила вдосталь;
А можетъ, Богъ назначилъ и страданье,
И муки претерпѣть мнѣ, чтобы душу
Очувствовать... но я умру въ пустынѣ!
Святые тоже вѣдь не всѣ родились
Во святости... зато потомъ, смотри,
Какое житіе прешли, смывая
Съ души своей грѣховныя-то пятна!

Въ огнѣ молитвы душу, яко въ горнѣ
Заржавое желѣзо, распаляли,
И правиломъ духовнымъ, яко млатомъ
Ее сгибали, да пріемлетъ видъ,
Какой ей данъ былъ въ помыслѣ Творца,
И искривленъ потомъ житейской нужей.
Прочти, вотъ, о святыхъ мужахъ, о нашихъ.

(*Достаетъ книгу; перевертываетъ листы и даетъ Гришѣ*).

Вотъ объ отцѣ Савватіи стоитъ:

ГРИША (*читаетъ*).

«И бысть еще сожженъ отецъ Савватій:
Въ писаніи искусенъ; просвѣтленъ
Безмолвіемъ. Когда молился онъ,—
То былъ ли шумъ, смятенье ль между братій,—
Ни душу къ нимъ, ни ухо, ни глаза
Не обращалъ: но въ Бозѣ пребывая,
Стоялъ что столпъ недвижимъ, въ небеса
Молитвенной цѣвницей ударяя»...

СТРАННИКЪ (*беретъ у него книгу и перевертываетъ нѣсколько страницъ*).

А вотъ еще о Гуріи читай.

ГРИША (*читаетъ*).

«А также отъ земнаго бытія

И Гурій отошелъ. Блаженствомъ житія
Былъ чуденъ: день и ночь молитвословилъ,
И правила келейнаго впередъ
На тридцать лѣтъ началъ и наготовилъ.
Жилъ въ Бозѣ онъ, и егда нощь придетъ,
И егда день. И оттого блистала
Душа его премудростью Творца,
Какъ солнцемъ озаренное зерцало».

СТРАННИКЪ (*беретъ книгу*).

Вотъ, сыне,—свѣтъ, на оный и грядемъ!

ГРИША.

Такъ, отче... да!.. но какъ же къ симъ мужамъ
Приблизиться? они, вѣдь, яко звѣзды,
Надъ нами въ высотѣ небесъ сіяютъ!

СТРАННИКЪ.

А отъ земли пошли!

ГРИША.

Что жь надо дѣлать?

СТРАННИКЪ.

А что они творили? Подъ начало
Сперва къ мужамъ достойнымъ поступали,
И пріобыкнувъ волю ихъ творить,
Ужь Господу потомъ трудились сами.

ГРИША.

Возьми меня на послушанье, отче...

СТРАННИКЪ (*какъ бы въ испугѣ*).

Охъ! что ты! что ты! Богъ тебя храни!
И не моли! объ этомъ и не мысли!
Я не гожусь!.. Наставника бъ обоимъ
Жестокаго найти намъ и въ пустыню
Укрыться—да!

ГРИША.

Да отчего же, отче?

СТРАННИКЪ.

Не говори объ этомъ... ты не знаешь.

ГРИША.

Аль чѣмъ тебя я прогнѣвилъ?

СТРАННИКЪ.

Молчи!
Не человѣкъ есмь—скотъ, и хуже, хуже!

(*Слышенъ стукъ въ окно*).

Голосъ НИЩАГО (*нараспѣвъ*).

Мы здѣсь ни града, ни села не знаемъ!
Подайте милостыньку, христіане!

(*Гриша отворяетъ окно*).

СТРАННИКЪ (*вздрогнувъ*).

Вотъ адовы-то цѣпи!

ГРИША.

Это—нищій.
Я сбѣгаю за хлѣбомъ къ пекарямъ.

(*Уходитъ*).

СТРАННИКЪ (*оглядываясь и подходя къ окну, сурово*).

Чего пришелъ?

НИЩІЙ (*высовывая голову въ окно*).

А что ты, чортъ, пропалъ?
Вѣдь двѣ недѣли! Отъ артели посланъ—
Чего жь валандаться? аль ужь попался,
Мы думали—да Ѳенька угадала—
Ужь человѣкъ такой непостоянный:
Тамъ, молъ, сидитъ, навѣрно замолился,
Вздыхаетъ по пустынѣ.

СТРАННИКЪ.

И въ пустыню бъ
Ушелъ—то вамъ какое дѣло?

НИЩІЙ.

Волки—
Не мы, братъ, нѣтъ! въ артель не примутъ! Такъ-то

Въ пустынѣ жить—животъ сведетъ. Да полно!
Кончай скорѣе, да иди въ Акулькинъ
Кабакъ. Ужь встрѣчу приготовимъ. Разомъ
Отдóхнешь отъ поста-то... вольный воздухъ,
Веселыя головушки!.. Слышь, Ѳенька
Ругается: «иди, молъ, безпремѣнно,
Да не пустой. Гулять хочу съ нимъ», баитъ;
Не то, смотри, гулять пойдетъ съ Отпѣтымъ.

СТРАННИКЪ (*глухо*).

А что тебѣ за дѣло съ кѣмъ гуляетъ?

НИЩІЙ.

Да мнѣ-то что? Ты зарычишь, не я.

СТРАННИКЪ.

Я зарычу?.. какъ я-то зарычу—
Всѣ у меня оглохнете вы, сволочь!
Анаѳемы! Да что вы? слать приказы
Мнѣ вздумали?.. Мнѣ токмо Богъ законъ!
Самъ сатана не можетъ надо мною
Возобладать! ужь думаетъ, что держитъ,
Ужь поборолъ, ужь ухватилъ подъ горло,
И говоритъ мнѣ: «отрекися Бога»—
И не отрекся я!.. А вы?.. да съ вами
Когда я по землѣ иду, такъ лѣсу

Стоячаго и облака я выше
Ходячаго!.. И, что хочу, творю!
Хочу, у васъ живу, хочу, уйду:
А восхощу мученій, самъ явлюсь
Къ мучителямъ, и буду я спасенъ
Чрезъ муки добровольныя... а вы,
Кроты въ норахъ живущіе, вы, черви,
Во адъ попадаете всѣ, какъ соръ,
Что баба выметаетъ за порогъ!

НИЩІЙ.

Ну, полно, дядя, больно осерчалъ!

СТРАННИКЪ.

Проваливай!

(*Отходя*).

«Гулять хочу съ нимъ»... аспидъ!
Иродіада! вздумала пугать!
Ну, нѣтъ! еще постой, ты мнѣ, голубка,
Поклонишься, мнѣ руки цѣловать,
Ехидна, будешь!.. знаю васъ я!..

(*Входитъ Гриша; подаетъ нищему хлѣба*).

ГРИША (*въ окно*).

Можетъ,
Поотдохнуть ты, дяднька, желаешь?

НИЩІЙ.

Нѣтъ, родненькій, спасибо! Тутъ дорога
Большая. Побреду. Господь съ тобою!

ГРИША (*затворяетъ окно*).

Что жь, отче? не возьмешь на послушанье?

СТРАННИКЪ (*глядя пристально на Гришу*).

Возьму.

ГРИША.

Ахъ, отче, то-есть, вотъ какъ буду
Служить тебѣ!

СТРАННИКЪ (*въ сторону*).

Антихристова челядь!

ГРИША.

Когда же мы пойдемъ?

СТРАННИКЪ.

Когда пойдемъ...
Да ты тутъ у хозяйки какъ живешь?
Ты по дому ей нуженъ?.. и она
Тебѣ во всемъ, вѣдь, вѣритъ!.. ты и ночью
Въ моленной поправлять лампадки ходишь?

ГРИША.

Хожу.

СТРАННИКЪ.

А тамъ и сундуки стоятъ,
И деньги, въ особливомъ сундукѣ?

ГРИША.

И деньги.

СТРАННИКЪ.

Такъ. И не великъ сундукъ?

ГРИША.

Да, не великъ.

СТРАННИКЪ.

Спохватится, и станутъ
Искать тебя.

ГРИША.

Да я жь уйду нетайно.

СТРАННИКЪ (*запальчиво*).

А я бъ тебѣ сказалъ: пойдемъ сейчасъ!
Не знаешь, что такое послушанье?
Ты долженъ все оставить и идти.
Наставникъ—голова, а ты—рука!
Сказала голова, рука и дѣлай!
А ладно ли, не ладно ли велѣнье—
Не разбирай! Иди себѣ и дѣлай!

ГРИША.

Все знаю, отче! все какъ есть, исполню!

СТРАННИКЪ.

А если ты окажешь противленье?

ГРИША.

Зачѣмъ же противленье? Буду вѣчно,
Какъ рабъ твой

СТРАННИКЪ.

Ну, смотри, завѣтъ свой помни!
Пріемлю тя подъ длань свою.

(*Гриша становится на колѣни, странникъ кладетъ ему руку на голову*).

Помилуй
Насъ, Господи Іисусе, Сыне Божій!

ГРИША (*цѣлуя его руку*).

Аминь!

(*Встаетъ*).

Ухъ! словно отлегло отъ сердца!

СТРАННИКЪ (*пройдясь по комнатѣ и обращаясь съ важнымъ видомъ*).

Такъ вотъ же, чадо, вотъ тебѣ теперь
И первое велѣнье: пой мнѣ пѣсню
Бѣсовскую!

ГРИША (*въ изумленіи*).

Бѣсовскую пѣть пѣсню?

СТРАННИКЪ.

Пой пѣсню — ну, хоть «дядя Селифанъ!»
Пой и пляши!

ГРИША (*тревожно*).

Да что ты, отче, какъ же?
Все говорилъ такое... а теперь...

(*Смотритъ пристально на странника и въ ужасѣ отступаетъ*).

А если онъ не человѣкъ!.. а тоже,
Какъ и тогда... такое жь навожденье
Отъ дьявола... какъ запою — и схватитъ,
И унесетъ!..

(*Хватаясь за голову, и жмурясь, и пятясь, кричитъ*).

Отыди въ мѣсто пусто,
Безводно! князь бѣсовскій! запрещаю
Тебѣ крестомъ! исчезни!.. сгинь!.. исчезни!..

(*Въ безсиліи опускается на скамью*).

СТРАННИКЪ (*смѣясь съ укоризной*).

Не выдержалъ и перваго искуса!

(*Подходя къ нему*).

Да что ты, сыне, ты совсѣмъ сомлѣлъ?..

(*Въ испугѣ отходя отъ него на авансцену*).

Аль чистая душа его-то чуетъ
Другого господина моего...
Не поборолъ! острожное исчадье!
Непостоянный, аки листъ древесный!
Отыди! сгинь! заклятіе младенца
Не повернуло все нутро твое?
Отыди, звѣрь, во дебри и вертепы!..
Тамъ обрости струпьемъ и волосами,
Чтобъ въ ужасѣ и звѣрь, и человѣкъ
Тебя бѣжалъ...

(*Падаетъ на колѣни*).

О, Господи! спаси!
И вся мірская злая, — яко бурю
На озерѣ Генисаретскомъ словомъ
Утишилъ, — укроти въ душѣ моей!
Да съ миромъ изъ сего изыду дому!..

(*Къ Гришѣ*).

Очнися, сыне! что ты? Богъ съ тобою!
Садись со мной и облегчитъ Господь!

ГРИША (*вырываясь отъ него, живо*).

Я знаю, что̀ мнѣ дѣлать: утоплюсь!
Такъ что за жизнь? тамъ словно свѣтъ какой,
А тутъ, вблизи — все темное! все рои
Бѣсовскіе... кувыркаются, скачутъ,

По лѣстницѣ бѣгутъ передо мною,
Согнувшися, что свиньи... хари, морды...
Такъ жить нельзя! ужь гибнуть, такъ ужь сразу!

СТРАННИКЪ.

Ну, полно! не хули ты даръ Господень!
Противъ бѣсовъ молитва есть... я тоже,
Егда былъ младъ, то въ очію ихъ видѣлъ,
И далъ отъ нихъ заклятіе мнѣ старецъ.
Съ горъ, сказывалъ, Кирилловыхъ явился...
Кирилловы-то горы знаешь?

ГРИША (*разсѣянно*).

Что тамъ,
Какія горы!

СТРАННИКЪ (*съ негодованіемъ*).

Эхъ, Григорій! мало жь
Ты просвѣтленъ! А христіане тоже!
Въ Ерусалимъ небесный, вишь, пошли,
Да въ полпути, куда пошли, забыли!
Кирилловы-то горы! даже власти,
Прослыша, знать хотѣли, что за горы
Чудесныя, какіе, молъ, тамъ старцы
Скрываются? кругъ всей бродили Волги.
И двадцать разъ чрезъ самую обитель

И мимо самыхъ старцевъ проходили,
А токмо лѣсъ и видѣли, да камень:
Бо старцы и обитель зримы токмо
Для вѣрныхъ. Такъ Господь сіе устроилъ.
Но ты сего вмѣстить еще не можешь
И многаго, идѣже благодать
Господня есть и дѣйствуетъ понынѣ,
Спасая, аки праведнаго Ноя
Съ семьей среди великаго потопа,
Немногое число избранныхъ вѣрныхъ.

ГРИША.

Не гнѣвайся, а отпусти мнѣ, отче,
Вину мою! Со мной ужь было это
Отъ бѣса омраченье... Вотъ какъ было.
Тому теперь недѣли три, сошлися
Къ намъ странники, да трое, разныхъ вѣръ.
И спорили, и всякъ хвалилъ свою,
Да таково ругательно и блазно!
Какъ улеглись, я тоже легъ на одръ.
И такъ-то у меня заныло сердце;
И мысленно я сталъ молиться Богу:
«Дай знаменье мнѣ, Господи, какая
Передъ Тобой есть истинная вѣра?»
И не заснулъ — вотъ какъ теперь смотрю:

Вдругъ въ келью дверь тихонько отворилась.
И старичокъ такой лѣпообразный
Вошелъ и сѣлъ на одръ ко мнѣ, и началъ
Бесѣдовать, да ладно такъ и складно!
Всѣ хороши, молъ, вѣры передъ Богомъ;
Зритъ на дѣла, молъ, главное, Господь;
А что когда, молъ, знать желаешь больше,
Такъ приходи къ соборному попу...
И, какъ сказалъ онъ только: «попъ» — я вздрогнулъ,
Вскочилъ и крикнулъ: *Да воскреснетъ Богъ!*
Онъ и пропалъ — ну, видѣлъ я — во прахъ
Разсыпался... Съ тѣхъ поръ и опасаюсь...

СТРАННИКЪ (*вполнѣ вѣря*).

И слѣдуетъ. Напущено отъ змія.

ГРИША.

Что я не спалъ, то вѣрно!

СТРАННИКЪ.

Вѣрно, вѣрно!

ГРИША.

А что же, отче, ты про старцевъ началъ?

СТРАННИКЪ.

Про старцевъ?.. Да, великое то дѣло!..
Вотъ прочитай изъ книжицы, увидишь

Какіе это старцы, какъ живутъ...

(Достаетъ книгу и отыскиваетъ мѣсто).

Единаго отъ нихъ тутъ есть посланье
Ко братіи... Отсель: «а обо мнѣ...»

ГРИША *(читаетъ).*

«А обо мнѣ вы не скорбите, братья!
Живу я въ мѣстѣ истинно спокойномъ.
Живу я со отцы святыми. Мужи
Сіи цвѣтутъ, что финики, что крины,
Что кипарисы въ тихомъ, злачномъ мѣстѣ.
Отъ устъ ихъ непрестанная исходитъ
Къ Всевышнему сердечная молитва,
Что мѵро добровонное, что ладанъ,
Что сладкій дымъ звенящаго кадила.
И, егда нощь, сія молитва зрима:
Изъ устъ ихъ огненнымъ столбомъ восходитъ
Она на небеса, и всей странѣ
Въ то время свѣтъ бываетъ отъ нея,
И можно честь безъ свѣщнаго сіянья.
И Богъ сіе имъ далъ, что возлюбиша
Всѣмъ сердцемъ Господа, и Самъ Господь
Ихъ возлюби; и все даетъ, что просятъ.
А просятъ же они не благъ житейскихъ,
Не временныхъ, прелестныхъ здѣшнихъ благъ,

А тишины и радости духовной,
Дабы, когда судить живымъ и мертвымъ
Пріидетъ Онъ во славѣ и сіяньѣ,
За подвиги великіе имъ воздалъ
Веселіемъ во царствіи небесномъ».

(*Останавливается и смотритъ на странника въ тихомъ изумленіи*).

Ужели есть теперь такіе старцы?

СТРАННИКЪ.

Ну, и куда бъ еще дѣваться имъ?
Вѣдь сказано, что будутъ пребывать
Незримы до пришествія Христова!

ГРИША.

Такъ... такъ... Ну, а молитва ихъ и нынѣ
На небѣ огненнымъ столбомъ видна?

СТРАННИКЪ.

Видать-то всѣ видаютъ, да не знаютъ,
Отколь столбы?

ГРИША.

А гдѣ же это будетъ?

СТРАННИКЪ.

Гдѣ? и въ Поморьи... и на Бѣломъ морѣ...

Тамъ съ карбаса, идя на рыбный промыслъ,
Видали. Паче же — на Волгѣ, мѣсто
Надъ Балахной, въ странѣ Нижегородской:
Тамъ горы-то Кирилловы и есть!
И мимо ихъ судовъ проходитъ много.
Коль на судахъ народъ благочестивый,
То, что врата, разверзнутся вдругъ горы,
И другъ за другомъ старцы тѣ выходятъ,
И кланяются судоходцамъ въ поясъ,
И просятъ ихъ свезти поклонъ ко братьямъ,
Живущимъ внизъ по Волгѣ, въ Жигуляхъ;
И подойдетъ расшива къ Жигулямъ,
И судоходцы кличутъ громкимъ гласомъ:
«Гой, старцы жигулевскіе! вземъ
Мы вамъ поклонъ съ Кирилловой горы!»
И разступаются тутъ паки горы,
И алебастръ разверзнется и камень,
И другъ за другомъ выступаютъ старцы,
И за поклонъ пловцовъ благословляютъ.
И полетитъ тогда въ Низовье судно,
Ограждено отъ бурь и непогоды
Напутствіемъ боголюбивыхъ старцевъ.
А вотъ еще другое мѣсто есть:
Есть цѣлый градъ, стоящій многи вѣки
Невидимый, при озерѣ. И было

Сіе вотъ такъ: Егда на Русь съ Татары
Пріиде лютый царь Батый, и грады
Вся разорялъ, и убивалъ людей,
И, аки огнь, потекъ по всей странѣ,
Противъ него великій князь Георгій
Ходилъ съ полки свои, и былъ побитъ,
И побѣжалъ во славный Китежъ-градъ —
Его же сотвори во славу Божью;
И погнались Татарове за нимъ;
И бысть во градѣ плачъ; и прибѣгоша
Во храмы люди, умоляя Бога, —
И Богъ яви Свою надъ ними милость
И сотвори неслыханное чудо:
Егда Татары кинулись на приступъ,
Внезапу градъ содѣяся невидимъ!
И по ся дни стоитъ незримъ, и токмо
На озерѣ, когда вода спокойна,
Какъ въ зеркалѣ, онъ кажетъ тѣнь свою;
И видны стѣны съ башнями градскими,
И терема узорчаты, часовни
И церкви съ позлащенными главами...
Пречудное то зрѣлище! и явно —
Все на тѣни: какъ люди идутъ въ церковь,
И старицы и старцы, въ черномъ платьѣ,
По старинѣ одѣтые... и слышенъ

Оттуда гулъ колоколовъ... и тамо
Жизнь безпечальная, подобно райской!
А виденъ градъ всѣмъ жителямъ побрежнымъ,
Кругъ озера по утренней зарѣ,
Иль въ тихіе вечерніе часы, —
Но внити въ оный можетъ токмо тотъ,
Кто путь прейдетъ, ни на минуту Бога
Изъ мысли не теряя; бо сей путь,
«Батыева тропа» рекомый, страхи
И чудищи различными стрегомъ!
Претерпишь хладъ и гладъ. Звѣрь нападетъ,
И зміи на тебя. Возстанетъ буря.
И бѣсы на тебя наскочутъ, съ песьей
Главою, съ огненными языками,
И эѳіопы черные, какъ уголь!
Ты все жь иди впередъ и богомысли!
И побѣдишь всѣ дьявольскіе страхи,
Ни хладъ тебя, ни гладъ не остановитъ,
Ни звѣрь, ни змій, ни сатанинскій таборъ
Нигдѣ тебѣ въ пути не воспретитъ —
Тебѣ врата отверзнутся во градѣ;
И выйдутъ старцы другъ за другомъ, съ пѣснью
Пріемлющи сподвижника и брата.

ГРИША.

О, Господи Іисусе! *(Живо).*

Вотъ что, отче: —
Что хочешь я исполню! все, что хочешь!
А покажи хоть тѣнь святаго града!..
Какъ древніе ходили человѣки...
И звонъ-то, звонъ колоколовъ послушать...

СТРАННИКЪ.

А звонъ у нихъ серебряный и чистый,
И словно какъ не колоколъ гудитъ,
А ровно что небесная лазурь
Сама звенитъ.

ГРИША (*въ изумленіи*).

Хрустальное-то небо!

СТРАННИКЪ.

Сіе все вамъ, въ міру живущимъ, чудно,
Бо въ тьмѣ пребысте, а чудесъ не мало
Есть на Руси. Градъ Китежъ не одинъ.
Есть церкви, перешедшія въ пустыню
Изъ людныхъ мѣстъ, съ попами и съ народомъ.
Съ Суры рѣки изъ града Василя
Шелъ крестный ходъ въ Перепловеньевъ день.
И люди тѣ такъ Богу угодили,
Что церковь вдругъ пошла предъ крестнымъ ходомъ,
И крестный ходъ за ней! за ней!.. и горы

Равнялися, и разступались рѣки, —
Все шелъ народъ съ хоругвями и пѣньемъ,
Доколѣ въ Керженскихъ пустыняхъ церковь
Не стала, и взошли въ нее всѣ люди,
И до сихъ дней стоятъ въ ней и пребудутъ,
До страшнаго пришествія Христова,
Святой канонъ пасхальный воспѣвая.
Повѣдаю о семъ я благовѣстье
Тебѣ за то, что возлюбилъ тебя,
И что твою неопытность жалѣю;
Богъ дастъ найдешь кого изъ добрыхъ старцевъ
И подъ его началомъ укрѣпишься:
Бо добрая еси ты почва; сѣмя
Не на песокъ онъ кинетъ, не на камень;
Прозябнетъ и, быть можетъ, плодъ подастъ,
И вкусишь ты отъ благодати...

(Со вздохомъ).

Я же
Еще свершу здѣсь нѣкакій обѣтъ
И удалюсь безмолвствовать въ пустыню.
Прощай пока.

ГРИША *(упадая на колѣни).*

Я, отче, не отстану —
Возьми меня.

СТРАННИКЪ.

Нѣтъ, миленькій, оставь!

ГРИША.

Не погуби! возьми! возьми съ собой!
Ужь говорю, все сотворю. На смерть
Пойду! На муки! Ни единой мыслью
Не усумнюсь! Всѣмъ существомъ твой буду!
Возьми!.. Имѣю рвенье, отче... только
Возьми меня!

СТРАННИКЪ (*въ сторону*).

Ну, вотъ, вѣдь: самъ толкаетъ!
Самъ лѣзетъ!.. Аль ужь съ нимъ пойти... Какъ знать?
Мнѣ, окаянному, Господь, быть можетъ,
Въ семъ отрокѣ спасенье посылаетъ...

ГРИША (*встаетъ и живо*).

Пѣть повелишь мнѣ пѣсню и плясать?

(*Подпираетъ руки въ боки. Слышно, какъ проѣзжаетъ телѣга съ колокольчикомъ и пѣснями*).

СТРАННИКЪ (*вскакивая*).

Гуляютъ...

ГРИША.

Повелишь?

(*Другая тройка; женскій голосъ слышнѣе прочихъ*).

СТРАННИКЪ (*въ сторону*).

Съ Отпѣтымъ катитъ!..
Ишь залилась! чтобы ей пусто было!
(*Къ Гришѣ, сурово*).
Ну, что ты вздумалъ пѣть... вонъ тѣ орутъ...
А намъ съ тобой не это надо...

ГРИША.

Что же?
Что́ повелишь — все сдѣлаю.

СТРАННИКЪ (*рѣшительно*).

А вотъ что:
Взаправду ли готовъ ты всяко бить
Антихриста: еретики бо суть!..

ГРИША (*горячо*).

Еретика убить вѣдь можно?

СТРАННИКЪ.

Нѣтъ ужь,
Что убивать! а если убивать —
Хозяйку-то убей ты сундукомъ...
Тотъ, съ деньгами, подымешь ли?

ГРИША.

Могу.

СТРАННИКЪ.

Ну, такъ поди, неси его сюда!
Затопимъ печь и запалимъ! иди!

(Толкаетъ его къ двери. Гриша уходитъ).

СТРАННИКЪ.

Вотъ я жь вамъ дамъ ломаться надо мною!
Блудница вавилонская! да стерли б
Ей черти черныя-то брови! Змѣи бъ
Ей высосали ясны очи!

(Затапливаетъ печь, кидаетъ дровъ и соломы передъ печью; надѣваетъ суму, шапку-треухъ, охабень. Начиная собирать книги, останавливается передъ ними).

А грѣхъ-то сдѣланъ...

(Энергически).

Ну, въ послѣдній разъ!

(Выходя на авансцену).

Все замолю! все замолю! Зарокъ
Даю! Ты благъ, Господь! Ты милосердъ!
Разбойнику, блудницѣ Ты простилъ...
Изыдутъ у меня слезами очи!
Къ ногамъ Твоимъ паду — и ужь не встану —
Доколѣ не простишь! Спасу и мальца...
Надѣну власяницу. Плоть растлилъ —
Ожесточу!..

ГРИША (*приноситъ сундукъ, блѣдный, дрожащій*).

Вотъ, отче.

СТРАННИКЪ.

Ладно, ладно.

(*Кладетъ ему руку на плечо*).

Какъ только нѣчто справимъ здѣсь — въ пустыню!
Теперь постой же.

(*Достаетъ изъ кармана связку отмычекъ и отпираетъ сундукъ*).

ГРИША.

Ровно какъ въ туманѣ!

СТРАННИКЪ (*выбирая бумаги*).

Тутъ векселя... бумаги именныя —
Въ огонь, въ огонь!.. а это взять покамѣстъ.

(*Суетъ въ сумку пачки денегъ*).

Ну, зажигай!

(*Зажигаетъ солому*).

Да надѣвай шубенку!
Чего стоишь, Григорій!.. Заруби же:
Что бъ ты ни увидалъ теперь — не блазнись!
Наутріе въ пустыню! ну, скорѣе!

(*Толкаетъ его передъ собой. Уходятъ. Пожаръ разгорается*).

III.

ИЗЪ АПОКАЛИПСИСА.

Гл. IV — X.

ИЗЪ АПОКАЛИПСИСА.

(Гл. IV).

Видѣнье было мнѣ: внезапно небо
Разверзлося и гласъ трубѣ подобный,
Подобный шуму многихъ водъ падущихъ
Мнѣ рекъ: взойди сюда и виждь что будетъ.
И я узрѣлъ — престолъ. На немъ Сѣдящій
Сіялъ какъ аспидъ-камень или сардисъ.
И радугой смарагдовой престолъ
Былъ окруженъ и двадесять четыре
Вокругъ него другихъ престола было,
И двадесять четыре возсѣдало
На оныхъ старца, въ бѣлыхъ одѣяньяхъ,
И со златыми на главахъ вѣнцами.
И отъ престола исходили громы
И молніи, и гласы, и горѣли

Семь огненныхъ свѣтильниковъ предъ нимъ.
И предъ престоломъ было словно море
Стеклянное, и вкругъ него четыре
Животныхъ, испещренныя очами.
И первое — подобно было льву;
Тельцу — другое; третье же имѣло
Ликъ человѣческій, а остальное —
Летящаго орла имѣло видъ.
И по шести они имѣли крылъ,
И день и ночь взывали: «святъ, святъ, святъ
Господь Богъ Вседержитель нынѣ, присно
И во вѣки вѣковъ». Когда жь взывали —
Съ своихъ престоловъ поднимались старцы,
И покланялися, и полагали
Свои вѣнцы передъ большимъ престоломъ,
И говорили: «Ты еси достоинъ,
Господь, пріяти славу, честь и силу,
Бо сотворилъ Ты все и все содержишь,
И волею Твоей все существуетъ».

V.

И видѣлъ я: Сѣдящій держитъ книгу,
И книга та исписана снаружи
И извнутри. И семь на ней печатей.
И громкимъ гласомъ ангелъ вопросилъ:

«Кто оную открыть достоинъ книгу,
И сняти съ оной седмь ея печатей?»
И никого достойныхъ не явилось
Ни на землѣ, ни нà небѣ, и плакалъ
Я, что достойныхъ нѣтъ ее открыть.
Тогда одинъ изъ старцевъ мнѣ сказалъ:
«Не плачь: се левъ, исшедшій изъ колѣна
Іудина и корени Давида,
Чтò побѣдилъ,—Онъ разогнути книгу
И сняти седмь ея печатей можетъ».
И я взглянулъ,—и видѣлъ: межь престола
И четырехъ животныхъ и средь старцевъ
Стоитъ какъ бы закланный агнецъ, седмь
Роговъ и седмь имѣющій очесъ.
Онъ, подошедъ, взялъ книгу изъ десницы
Сѣдящаго,—и пали передъ агнцемъ
Животныя и старцы, каждый гусли
Держащіе и золотыя чаши,
Изъ коихъ ѳиміамъ курился (а то были
Святыхъ мольбы). И новую они
Воспѣли пѣснь: «достоинъ взять Ты книгу
И снять съ нея печати: былъ заклàнъ
И искупилъ своей насъ кровью, всѣхъ,
Изъ всякаго колѣна и народа,
И племени, и языка, и стали

Мы Господу іереи и цари,
И на землѣ Тобою воцаримся».
И видѣлъ я, и слышалъ голосъ многихъ
Окрестъ престола ангеловъ, животныхъ
И старцевъ (ихъ число же бысть тьмы темъ),
И возглашали всѣ: «достоинъ агнецъ
Закланный честь пріять, премудрость, силу,
Богатство, славу и благословенье!»
И всякое созданіе на небѣ
И на землѣ, и подъ землей, и въ морѣ,
Вся сущая въ нихъ говорили: «слава
И честь, и крѣпость, и благословенье
Отъ всѣхъ Тебѣ, Сѣдящій на престолѣ,
И Агнцу нынѣ, присно и во вѣки!»
И изрекли животныя: «аминь»,
И двадесять четыре старца пали
И поклонились Сущему во вѣки.

VI.

И видѣлъ я, что первую печать
Снялъ Агнецъ,—и одно изъ четырехъ
Животныхъ мнѣ сказало громкимъ гласомъ:
«Иди и виждь». И видѣлъ я: конь бѣлъ.
На ономъ всадникъ держитъ лукъ, и данъ

Ему вѣнецъ, и шелъ какъ побѣдитель,
Чтобъ побѣждать.

Вторую снялъ печать Онъ:
Второе мнѣ животное сказало:
«Иди и виждь!» И видѣлъ я: конь рыжъ.
На ономъ всадникъ посланъ былъ, чтобъ миръ
Съ земли унесть,—да убіютъ другъ друга.
И данъ ему большой былъ мечъ.

И третью
Онъ снялъ печать, и третье мнѣ сказало
Животное: «иди и виждь». И—се:
Конь вороной. Держалъ мѣрило всадникъ.
И слышалъ я среди животныхъ голосъ:
«Хениксъ*) пшеницы за денарій. Три
Хеникса ячменя—денарій тоже.
Елея жь и вина не повреждай».

Четвертую печать Онъ снялъ, и мнѣ
Четвертое животное сказало:
«Иди и виждь». И я взглянулъ: конь блѣденъ.
На ономъ всадникъ—Смерть. И цѣлый адъ

*) Мѣра.

За нею шелъ. Ей власть была дана
Надъ четвертью земли, чтобъ умерщвлять
Людей мечомъ, и голодомъ, и моромъ,
И всякими звѣрьми земными.

Снялъ
Онъ пятую печать, и я увидѣлъ
Подъ алтаремъ за слово Божье души
Побитыхъ, возопившія: «Доколѣ,
Святый Владыко Истинный, не судишь
За нашу кровь живущихъ на землѣ!»
И бѣлыя даны имъ были ризы,
И сказано, да почіютъ, покуда
Сотрудники и братья ихъ не примутъ
Такую жь смерть, и тѣмъ число пополнятъ.

Шестую снялъ печать Онъ, и я видѣлъ:
Восколебалася земля. И солнце,
Что вретище, потускло. И луна
Кровавой стала. Звѣзды съ небеси
Посыпались, какъ сорванные вѣтромъ
Незрѣлые плоды со смоковницы,
И небо скрылось, свившися, какъ свитокъ,
Съ великимъ шумомъ. Всякая гора
И островъ сдвинулися съ мѣстъ своихъ,

И всѣ цари земные и вельможи,
Богатые и бѣдные, рабы
И вольные—укрылися въ пещеры,
И слезно говорятъ горамъ и камнямъ:
«Разсыпьтеся на насъ, вы, горы! Скройте
Насъ отъ лица Сѣдящаго на тронѣ
И гнѣва Агнца! Се грядетъ день страшный,
День гнѣва и суда! Кто устоитъ!»

VII.

И четырехъ я ангеловъ узрѣлъ
На четырехъ концахъ земли стоящихъ,
И держащихъ земныхъ четыре вѣтра,
И власть имѣвшихъ оными вѣтрами
Морскую хлябь и сушу истязать.
И пятый ангелъ отъ страны восточной
Восшелъ и кликнулъ имъ: «Не повреждайте
Ни древъ, ни травъ, ни моря, ни земли,
Доколь мы на чело рабовъ Господнихъ
Печати не положимъ!..» И число
Запечатлѣнныхъ слышалъ я: сто сорокъ
Четыре тысячи отъ всѣхъ колѣнъ
Израиля; и сверхъ того, несчетно
Людей изъ всѣхъ племенъ земныхъ стояло

Передъ престоломъ и предъ Агнцемъ, въ бѣлыхъ
Одеждахъ, съ вѣтвями отъ пальмъ въ рукахъ.
И восклицали всѣ: Хвала Тебѣ,
Сѣдящій на престолѣ! Слава Агнцу,
Бо чрезъ Него имѣемъ мы спасенье!»
И ангелы, которые стояли
Вокругъ престола, старцевъ и животныхъ,
На лица пали, поклонясь престолу
Господнему, и изрекли: «аминь!
Благословеніе, и честь, и слава,
Благодаренье, сила и премудрость,
И крѣпость Богу нашему во вѣки».
И обратясь ко мнѣ единъ изъ старцевъ
Спросилъ: «Кто эти въ бѣлыхъ одѣяньяхъ,
Откуда изошли?» Я отвѣчалъ:
«Тебѣ знать, господине!» И сказалъ онъ:
«Сіи пришли черезъ велики скорби;
И одѣянія свои омыли
И убѣлили честной кровью Агнца;
Чрезъ то стоятъ передъ престоломъ Божьимъ;
И служатъ день и ночь Ему во храмѣ;
И Онъ Собой ихъ какъ шатромъ покроетъ;
И ужь они не взалчутъ и не взжаждутъ;
Не попалитъ ужь ихъ ни зной, ни солнце;
Бо Агнецъ ихъ пасти бездремно будетъ,

И на источникъ водъ живыхъ водить,
И всякую слезу сотреть съ очей ихъ».

VIII.

Седьмую Агнецъ разломилъ печать —
И сдѣлалось безмолвіе на небѣ
Какъ бы на полчаса. И видѣлъ я:
Семь ангеловъ стоятъ передъ престоломъ,
И имъ дано семь трубъ. И кромѣ ихъ,
У алтаря еще, съ златымъ кадиломъ,
Былъ ангелъ. Оному данъ ѳиміамъ,
Чтобы его съ молитвами святыхъ
Онъ возложилъ на жертвенникъ Господень.
И дымъ восшелъ отъ жертвенника къ Богу.
Онъ взялъ потомъ кадило, и наполнилъ
Огнемъ отъ алтаря, и опрокинулъ—
И въ воздухѣ раздались гласы, громы.
И молніи взвились, и потряслась
Отъ нихъ земля; семь ангеловъ же, трубы
Поднявши, приготовились трубить.
И первый ангелъ вострубилъ—и долу
Палъ градъ и пламя, смѣшанные съ кровью—
И третья часть земли и древъ отъ нихъ,
И вся трава зеленая—сгорѣли.
И вострубилъ второй: какъ бы гора

Огнемъ горящая низверглась въ море—
И моря третья часть вдругъ стала кровью,
И третья часть созданій въ немъ живущихъ,
И третья часть судовъ на немъ—погибли.

И третій ангелъ вострубилъ—и пала
Звѣзда, свѣчѣ подобная, на землю,
На третью часть источниковъ и рѣкъ—
«Полынь» звѣздѣ сей имя, и полынью
Ихъ воды потекли, и умирали
Всѣ пившіе отъ сихъ прогорьклыхъ водъ.

И вострубилъ потомъ четвертый ангелъ:
И третья часть луны, и звѣздъ, и солнца
Затмилась, и отъ дня и ночи свѣту
Убавилось на треть. И видѣлъ я:
По небу ангелъ полетѣлъ, взывая
Къ землѣ: «о горе, горе, горе всѣмъ
Отъ остальныхъ трехъ трубныхъ голосовъ
Трехъ ангеловъ имѣющихъ трубить».

IX.

И пятый вострубилъ. И видѣлъ я:
Упала съ неба нà землю звѣзда.
Ей данъ былъ ключъ, чтобъ кладезь бездны вскрыть,—

И вскрылся кладезь бездны, и изшелъ
Изъ оной дымъ какъ изъ печи, и солнце
И небеса отъ онаго потускли.
И выпала съ тѣмъ дымомъ саранча,
И сказано ей было—не вредить
Ни травъ, ни древъ, ни злаковъ,—но людей,
Печатью Бога не запечатлѣнныхъ,
Язвить и жалить, аки скорпіоны,
И мучить ихъ пять мѣсяцевъ, но токмо
Не убивать. И взжаждутъ смерти люди,
Пойдутъ искать ея—и не найдутъ...
Та жь саранча подобна съ виду кòнямъ
На битву снаряженнымъ. Голова
Какъ бы съ златымъ вѣнцомъ. Лицо жь ея—
Какъ человѣческія лица. Зубы—
Подобны львинымъ. Косы какъ у женщинъ.
На тѣлѣ словно какъ стальныя брони,
А шумъ отъ крылъ какъ стукъ отъ колесницъ
На брань везомыхъ множествомъ коней;
Хвосты же, какъ у скорпіоновъ, съ жаломъ.
И, яко царь, ее велъ ангелъ бездны,
Зовомый, по-еврейски, Аввадонъ,
По-гречески жь Аполліонъ (губитель).
Се первое минуло горе. Вслѣдъ
За нимъ грядутъ еще два новыхъ, горшихъ.

Шестой Господень ангелъ вострубилъ.
И я услышалъ громкій гласъ изъ рога,
Единаго изъ четырехъ роговъ,
Которыми снабженъ алтарь былъ Божій.
Онъ ангелу трубившему изрекъ:
«Четыре ангела стоятъ и ждутъ,
Окованные, при рѣкѣ Евфратѣ:
Сними съ нихъ узы». И разбилъ онъ узы.
И—ждавшіе сего часа, и дня,
И мѣсяца, и года—устремились
Четыре ангела, чтобъ третью часть
Людей убить. И было двѣ тьмы темъ,—
Сіе число я слышалъ,—съ ними войска.
То были всадники въ горящихъ броняхъ,
Имѣвшихъ цвѣтъ огня, и гіацинта,
И сѣры. Кони жь съ львиной головой.
Изъ пасти ихъ огонь, и дымъ, и сѣра
Клубами исходили, а хвосты
Кончались змѣями,—и гибли люди
Отъ змѣй и дыма, пламени и сѣры,—
И треть изъ нихъ симъ образомъ погибла.

Которые жь осталися, и зрѣли
Сіи бичи,—пребыли яко слѣпы;
И не покаялись въ дѣлахъ своихъ;

И кланялись, попрежнему, бѣсамъ
Серебрянымъ, и золотымъ, и мѣднымъ,
И каменнымъ, и всякимъ истуканамъ,
Руками сотвореннымъ, не могущимъ
Ни видѣти, ни слышать, ни ходить;
И не покаялись въ своихъ убійствахъ,
Ни въ блудѣ, ни въ татьбѣ, ни въ волхвованьѣ.

X.

И се, низшелъ еще отъ неба ангелъ...
Какъ облако его клубились ризы;
Надъ головою радуга блистала;
Лицо жь, что̀ солнце, у него, а ноги,
Какъ огненные два столба, горѣли;
Въ рукѣ держалъ развернутую книгу;
И правою ногой ступилъ на море,
А лѣвою на землю, и воскликнулъ
Онъ грознымъ гласомъ, какъ рыкаетъ левъ.
Когда жь воскликнулъ, семь громовъ тогда
По̀ всей вселенной подали свой голосъ.
Когда же громы подали свой голосъ,
Хотѣлъ писать я, но услышалъ съ неба
Гласъ говорившій: «скрой и не пиши
«Того, что седмь громовъ проговорили».

И ангелъ—тотъ, котораго я видѣлъ
Стоящимъ на морѣ и на землѣ,
Воздвигъ десницу нà небо, и клялся
Сотворшимъ небо и чтò въ немъ, и землю
И чтò на ней, и море и чтò въ немъ,—
Что времени отсель уже не будетъ...

IV.

БАЛЬДУРЪ.

БАЛЬДУРЪ.

Пѣснь о солнцѣ, по сказаніямъ Скандинавской Эдды.

I.

Ночь и буря снѣжная въ пустынѣ,
Вьюги ревъ неистовый и хохотъ...
Лишь на мигъ проглянетъ блѣдный мѣсяцъ,
И освѣтитъ мутнымъ свѣтомъ камни,
Между камней вѣковыя ели,
И мелькнетъ, какъ тѣнь, на горномъ гребнѣ
Темный образъ всадника... То Конунгъ,
На пути застигнутъ бурей, ѣдетъ.
Вѣтеръ треплетъ волосы сѣдые,
Рветъ съ могучихъ плечъ медвѣжью шубу:
Конунгъ бури яростной не слышитъ.
Добрый конь идетъ не оступаясь
По корнямъ древеснымъ и по камнямъ;
Для него привыченъ путь пустынный:
Тамъ въ горахъ живетъ маститый старецъ,

А къ нему не только люди, — боги,
Въ видѣ смертныхъ странствуя по свѣту,
На совѣтъ заходятъ и бесѣду.

Мрачны своды въ темномъ подземельѣ.
По изломамъ ихъ идетъ далеко
Съ очага колеблющійся отблескъ.
Вѣщій старецъ и великій Конунгъ
У огня сидятъ въ глубокой думѣ.
Тѣнь отъ нихъ едва дрожитъ на сводахъ.

Сынъ погибъ у Конунга — послѣдній
Изъ троихъ, и съ нимъ погасъ могучій
Гальфовъ родъ, изшедшій отъ Одина.
Девять дней среди пустыхъ чертоговъ
Взаперти сидѣлъ великій Конунгъ.
Наконецъ коня спросилъ и молча
Въ горы къ старцу вѣщему поѣхалъ;
Издали за нимъ слѣдили слуги;

Пышетъ пламя все свѣтлѣй и выше,
Но сидитъ, потупивъ очи, Конунгъ:
И теперь, и дома, и какъ ѣхалъ,
У него повсюду, неотступно,
Атли трупъ безмолвный предъ очами.

Вдругъ возникъ — какъ бы сходящій съ неба —
Лучъ предъ нимъ и тихо проплываетъ,
А въ лучѣ рядъ Конунговъ брадатыхъ.
На верху, далеко — нѣкто свѣтлый.
Ниже — лица Конунгу знакомы:
Прадѣдъ, дѣдъ, отецъ; послѣдній — самъ онъ,
И за нимъ ужь лучъ какъ бы обрѣзанъ.
Сдвинулись его густыя брови...
Но видѣнье проплыло и скрылось;
Понемногу снова предъ глазами
Атли трупъ безмолвный выступаетъ...

Вотъ изъ тьмы опять выходитъ словно
Поле битвы. Вѣтеръ гонитъ тучи.
Между тучъ просвѣчиваетъ мѣсяцъ.
Дѣвы битвъ, Валкиріи, возводятъ
Падшихъ въ небо: Конунговъ межь ними
Средній сынъ. Видѣніе сокрылось...
Тьма опять кругомъ; передъ очами
Снова трупъ безмолвный выступаетъ —
Но не Роббертъ, а все тотъ же Атли.

Вотъ изъ тьмы плыветъ блестящій городъ.
Корабли причаливаютъ съ моря.

Приступъ. Люди на стѣнахъ, самъ Конунгъ.
Вдругъ въ глазахъ его валится мертвый
Старшій сынъ... И все опять умчалось.
Снова тьма кругомъ; передъ очами
Трупъ опять безмолвный выступаетъ —
Но не Вилли, а все тотъ же Атли.

Бурный мысъ — скалистый дикій берегъ.
Сонмъ проклятыхъ душъ, — убійцъ и татей,
Бѣдняковъ озлобленныя души, —
Вылетаютъ вдругъ изъ-за ущелій,
Корабли разбрасываютъ, топятъ;
Вотъ самъ Конунгъ — держится за мачту...
Вдругъ волна. Корабль захлеснутъ. Конунгъ
Борется средь пѣнящейся бездны, —
А вверху, надъ нимъ простершій руки,
Необъятный, во все небо, образъ,
Но лица, какъ на тѣни, не видно...
Проплыло видѣніе и скрылось,
Выступаетъ снова тѣло Атли —
Но надъ нимъ остановился образъ
Необъятный, безъ лица и темный,
И схватить руками тѣло хочетъ...

Въ этотъ мигъ заговорилъ вдругъ вѣщій:

«Боги — въ небѣ, въ мірѣ — человѣки,
Въ темномъ адѣ — яростная Гелла;
Надо всѣмъ — Судьба, лица которой
Н видалъ никто во всей вселенной.
Какъ слѣпцы, мы бродимъ въ этомъ мірѣ;
Жребій всѣмъ дается при рожденьи,
И его не только люди, боги
Измѣнить не властны».

Головою
Покачалъ, не отвѣчая, Конунгъ.

Ужь огонь на очагѣ слабѣетъ,
И горой лежитъ горячій уголь,
Словно дышитъ золото живое.
И еще длиннѣе и темнѣе
Отъ сидящихъ протянулись тѣни.

«Сынъ былъ у Одина Бальдуръ» — снова
Молвилъ вѣщій старецъ: «тщетно боги,
Тщетно вся вселенная стенала:
Жертву смерть не отдала; и боги
Сами ждутъ судьбы своей покорно».

Поднялъ Конунгъ противъ воли очи.

«Я тебѣ о Бальдурѣ, о Конунгъ,
Разскажу». И — словно мірозданья
Глубина предъ нимъ открылась — вѣщій
Устремилъ въ пространство взоръ и началъ:

II

«Мракъ былъ въ мірѣ. Вдругъ орлы вскричали,
Съ горъ небесныхъ пролилися воды,
Грянулъ громъ и свѣтъ въ пространство брызнулъ:
Народился Бальдуръ златокудрый!
Народился и помчался въ небѣ,
Сыпля стрѣлы въ недруговъ бѣгущихъ,
Юный, свѣтлый, въ панцырѣ и шлемѣ,
Въ колесницѣ съ бѣлыми конями.
Кликъ и пѣнье въ воздухѣ раздались,
Восклицали всѣ народы: Слава!
Восклицали боги въ небѣ: Слава!
Слава свѣту родшемуся, слава!
Слава родшимъ — Фриггѣ и Одину!

«Такъ потомъ — на Бальдуровой свадьбѣ
Вдохновитель пѣсень, свѣтлый Брагги,
Пѣлъ ему съ заздравнымъ кубкомъ славу.
Да! тогда божественный не думалъ,

Что придется скоро пѣснь иную
Спѣть ему на Бальдуровой тризнѣ...

«Ужь въ тотъ мигъ какъ онъ родился, Фригга
Слышитъ — воронъ ворону прокаркалъ:
«Чую, чую, народился Бальдуръ,
Радость въ небѣ, да и пиръ у Геллы».
У подножья міроваго дуба,
У ключа медвянаго, такъ Норны
Въ то же время предрекли Одину:
Вѣкъ недолгій Бальдуру назначенъ;
Онъ умретъ — все въ мірѣ пошатнется,
И настанетъ общее крушенье.
Вдругъ струя медвяная изсякнетъ,
Отъ которой съ каждою зарею
Боги пьютъ и почерпаютъ силу,
Блескъ и юность вѣчную, и крѣпость,
И они внезапно посѣдѣютъ,
А на древѣ жизни свянутъ листья.
Всѣ враги, которыхъ лишь сковавши,
Боги міръ создать могли, возстанутъ.
Лютый Змѣй, на дно морское ими
Вкругъ земли поверженный въ оковахъ,
Встрепенется; пламенемъ и смрадомъ
Небеса наполнитъ, потрясая

И земли и неба твердь, а воды
Отъ его ударовъ расплеснутся,
И съ земли, окромѣ горъ, все смоютъ.
Волкъ Фенриръ, которому насилу
Увязали боги пасть — онъ путы
Разорветъ и челюсти раскроетъ,
А когда раскроетъ, то коснется
До земли одной, другой до неба —
А ужь онъ однимъ льдянымъ дыханьемъ
Убиваетъ все, что̀ встрѣтитъ. Солнце
И луну проглотитъ онъ, и боги —
Кто пойдетъ съ нимъ въ бой, окаменѣетъ;
Свѣтлый Азградъ рушится, и смертный
Мракъ и хладъ вселенную постигнетъ.

«Вотъ что̀ Норны мрачныя сказали
При рожденьи Бальдура Одину,
Отчего у міродержца разомъ
На челѣ тогда жь запечатлѣлись
Двѣ бразды, да такъ ужь и остались.
Всѣ съ тѣхъ поръ творенія и боги
Устремили къ Бальдуру лишь очи,
И когда задумчивый онъ выйдетъ
Иль совсѣмъ не явится на небо, —
По вселенной трепетъ и смятенье.

III.

«Но о смерти и не думалъ Бальдуръ;
Не давалъ мечу въ ножнахъ заржавѣть,
Сыпалъ щедро золотыя стрѣлы,
Избавляя страны и народы
Отъ чудовищъ, населявшихъ землю.
Неудачу только разъ онъ встрѣтилъ:

«Выѣзжалъ онъ міръ смотрѣть, и видитъ —
Чудные на сѣверѣ чертоги.
Къ золотымъ вратамъ подходитъ дѣва,
Подымаетъ руку, чтобъ щеколду
Отодвинуть, а отъ рукъ внезапно
Воздухъ, воды и весь міръ чудеснымъ
Озарились свѣтомъ, а на землю
Вдругъ цвѣты посыпались и жемчугъ.
Удержалъ коней невольно Бальдуръ.
На него черезъ плечо взглянувши,
Дѣва словно замерла. Вдругъ слышенъ
Точно звѣря ревъ: бѣжитъ косматый
Великанъ — и закричалъ, затопалъ,
Сталъ грозить на Бальдура, а дѣву
Вмигъ жезломъ серебрянымъ ударилъ,

И она, какъ мертвая, упала.
На плечо ее косматый вскинулъ
И ушелъ съ ней въ горы, тамъ и скрылся;
Бальдуръ отыскать не могъ и слѣду,
Какъ ни бился. Наконецъ, ударилъ
По конямъ — и прискакалъ въ Валгаллу.
Пышетъ гнѣвомъ; шлемъ и панцырь сбросилъ,
Заперся въ свой теремъ, повторяя,
Что ему лишь умереть осталось.

«Всполошились боги и послали
Собирать со всей вселенной вѣсти.
И вернулись вѣстники, сказали:
Великанъ тотъ — чародѣй великій,
Побѣжденъ былъ нѣкогда Одиномъ
И ушелъ на сѣверъ; тамъ построилъ
Изо льдовъ дворецъ себѣ чудесный
И сидитъ тамъ, дожидаясь часа.
Дѣва — дочь его. Ей имя Нанна.
И жезломъ ее ударивъ, старый
Не убилъ, а въ сонъ повергъ глубокій,
И въ горахъ на самую крутую
Положилъ, ту гору вплоть до неба
Окруживъ живымъ огнемъ, какъ тыномъ.

«Другъ за другомъ полетѣли боги
И пытались проскочить сквозь пламя —
Но напрасно! Пламя такъ и воетъ!
То сробѣетъ конь, а то и всадникъ.
Слышитъ Бальдуръ: вдругъ поднялся съ ложа,
Панцырь, шлемъ, и — на коня! и только
Боги въ страхѣ видѣли, какъ пламя
Взволновалось и за нимъ закрылось.
Онъ прорвался.

«А прорвавшись, Бальдуръ
Видитъ — теремъ; входитъ — рядъ покоевъ.
Тишина глубокая. Изъ оконъ
Полосами падая, играетъ
На столбахъ хрустальныхъ красный отблескъ.
Вотъ въ послѣднемъ наконецъ покоѣ
Видитъ онъ: въ тяжелой бронѣ, въ шлемѣ,
Спитъ его красавица. Тихонько
Снялъ онъ шлемъ — разсыпалися кудри;
Распоролъ мечомъ ремни на бронѣ —
И открылась грудь дѣвичья; вскрикнулъ, —
Тихо очи спящая открыла...
И чрезъ мигъ ужь съ нею мчался Бальдуръ,
И встрѣчали радостно ихъ боги.
Пиръ вѣнчальный закипѣлъ на славу:

Изъ Валгаллы раздавались громы,
Дождь златой блистая падалъ съ неба,
Молодая сыпала на землю
Полной горстью и цвѣты, и жемчугъ.

«Вотъ съ тѣхъ поръ и началось то время,
Что̀ потомъ всѣ золотымъ назвали.
Всюду жертвы Бальдуру дымились,
Всюду пѣсни въ честь его гремѣли.
Боги стали даже прорицанье
Забывать — какъ вдругъ оно возстало
Въ полнотѣ ужасной передъ ними.

IV.

«Утромъ — разъ сошлись они на завтракъ —
Вдругъ вбѣгаетъ Нанна, и въ колѣни
Бросясь къ Фриггѣ, вся въ слезахъ, вскричала:
«Скоро Бальдуръ нашъ умретъ». Вскочили
Боги съ мѣстъ, едва не расплеснувши
Медъ изъ чашъ своихъ. «Ему приснилось,
Говорила Нанна, — что въ глубокой
Онъ сидитъ темницѣ; рвется, рвется
И никакъ ужь вырваться не можетъ.
Хочетъ крикнуть — крику нѣтъ... и началъ

Задыхаться... и еще рванулся—
И глаза открылъ. Вскочилъ. На ложѣ
Весь въ поту сидитъ... Все это — къ смерти!»
Побѣжать хотѣла Фригга къ сыну,
Но Одинъ ей повелѣлъ остаться,
На боговъ кругомъ сурово глянулъ,
Сдѣлалъ знакъ невѣсткѣ и съ ней вмѣстѣ
Вышелъ въ спальню къ Бальдуру. Шептаться
Стали боги, знаками являя,
Что недобрый это сонъ. Вернулся
Царь Одинъ и сѣлъ на тронѣ, молча
И чело нахмуря. Фригга, Герда
На него взглянувши, испустили
Вопль такой пронзительный и сильный,
Что на полкахъ зазвенѣли чаши.
Вслѣдъ за ними — кто вопить и плакать,
Кто кричать, чтобы унять тревогу,
Кто молить — но ужь никто не слушалъ,—
Споръ и крикъ, какихъ и не бывало,
Поднялся въ обители блаженныхъ.

«Но между богами только Локки
Не упалъ одинъ, казалось, духомъ.
Братъ Одину — красотой съ нимъ сходный,
Гордо онъ держалъ себя съ богами,

Помнилъ всѣ ихъ промахи и радъ былъ
Иногда въ ихъ медъ влить каплю яду.
Вѣчно съ новой выдумкой, онъ часто
И вводилъ ихъ въ тяжкія напасти,
И спасалъ порой отъ бѣдъ великихъ.
Между тѣмъ какъ вкругъ его кричали,
Онъ, глазами упершися въ землю
И поднявши плечи, началъ — точно
Самъ съ собою — говорить; лишь послѣ,
Увидавъ, что начинаютъ слушать
И смолкать, къ нему тѣсняся, боги,
Постепенно возвышалъ свой голосъ
И съ обычнымъ говорилъ искусствомъ.
Онъ сказалъ, что, можетъ быть, напрасны
Всѣ тревоги. Не всегда правдивы
Сны бываютъ. Иногда напротивъ:
Страшный сонъ провозвѣщаетъ радость.
Прорицаньямъ тоже онъ не очень
Довѣряетъ: «Вѣщія тѣ жены
Ужь давно покоятся въ могилахъ,
А изъ словъ ихъ не сбылось доселѣ
Ничего. Да и откуда можетъ,
Въ самомъ дѣлѣ, быть для насъ опасность?
Тѣ враги, которыхъ мы когда-то
Заковали въ цѣпи, — тѣ не могутъ

Двинуться, пока живъ будетъ Бальдуръ;
Стало быть, бѣда прійдетъ отъ твари,
Иль отъ насъ, боговъ. Но боги — кто же
На себя подыметъ руки? Твари, —
А — отъ тварей взять бы можно клятву,
Чтобъ хранили, какъ зѣницу ока,
Дорогого Бальдура; не смѣли бъ
Повредить ему никакъ, ни ранить,
Ни язвить, ни напускать болѣзни.
Отъ огня, воды, отъ рудъ и камней,
Отъ ехиднъ и змѣевъ, зелій, ядовъ,
Отъ деревъ и травъ, отъ всѣхъ взять клятву,
И дадутъ всѣ, рады будутъ. Бальдуръ
Всѣмъ имъ милъ. Тогда чего жь бояться?»

«Осторожны были боги съ Локки,
Но при этой рѣчи, видя ясно,
Что коварства нѣтъ въ ней никакого,
Стали духомъ веселѣть. И вправду,
Разсудить нельзя бъ, казалось, лучше!
Локки самъ доволенъ былъ; высоко
Тотчасъ поднялъ голову; а боги
Повторяли дружно: «ай да Локки!»
И рѣшили тотчасъ же исполнить,

Что сказалъ онъ, и самой же Фриггѣ
Въ міръ пуститься за всеобщей клятвой.

«Фригга, вздѣвъ пернатую сорочку,
Обернулась лебедью и тотчасъ
Въ міръ стрѣлой помчалась изъ Валгаллы.

V.

«Но Одинъ, отецъ и мироздатель,
Изъ собранья, съ золотого трона,
Поднялся, не просвѣтлѣвши ликомъ.
Осѣдлалъ коня онъ и поѣхалъ
Въ темный адъ. Тамъ, близь чертоговъ Геллы,
Былъ курганъ изъ дикихъ камней сложенъ;
Подъ курганомъ тѣмъ была могила,
А въ могилѣ этой схоронили
Валу, ту изъ вѣщихъ женъ, что много
Мудростью и даромъ прорицанья
Помогла Одину въ оно время.
Съ ней теперь онъ пожелалъ бесѣды
И изъ тьмы ее рѣшился вызвать.

«Загремѣло и загрохотало
Вдругъ по темнымъ адскимъ подземельямъ

Какъ влетѣлъ въ него огнедышащій
И скакалъ по камнямъ конь Одиновъ.
Адскій песъ съ разинутою пастью,
Грудь и шея облитыя кровью,
Ринулся схватить его за горло —
Но тотчасъ же сшибленный копытомъ,
Съ громкимъ визгомъ покатился наземь.
У могилы богъ остановился
И, съ коня спрыгнувъ, не медля началъ
Вызывать покойницу изъ гроба:
Спѣлъ сперва, какую надо, пѣсню
И сказалъ слова; потомъ ударилъ
По землѣ жезломъ, на сѣверъ глядя,
И трикраты громко крикнувъ: «Вала!»
Повелѣлъ возстать ей изъ могилы.

Изъ могилы поднялася Вала.

И о томъ, что ими говорилось,
Такъ въ старинныхъ сказываютъ пѣсняхъ.

ВАЛА.

«Кто дерзнулъ мой вѣчный сонъ нарушить?
«Много лѣтъ въ землѣ сырой лежу я.
«Надо мною бушевали вьюги,

«Дождь мочилъ, роса меня кропила.
«Я мертва была. Кто ты? Что надо?»
Кто онъ — скрыть хотѣлося Одину,
Онъ назвался смертнымъ человѣкомъ.

ОДИНЪ.

«Смертный я — и странствую по свѣту.
«Я — свѣтъ бѣлый, ты — міръ темный знаешь.
«Для кого жь, о вѣщая изъ вѣщихъ,
«Разскажи, у васъ въ подземномъ царствѣ
«И скамью, и ложе золотое,
«Кольцами украшенныя, ставятъ?

ВАЛА.

«Въ чашѣ медъ кипитъ, щитомъ покрытый,—
«Бальдуръ будетъ пить. Скамья и ложе
«Для него жь. Но прекрати разспросы,
«Страшныя ты спрашиваешь тайны.
«По неволѣ говорю я. Будетъ!

ОДИНЪ.

«Погоди, скажи еще мнѣ, Вала!
«Знать еще хочу я: кто изъ смертныхъ,
«Кто лишитъ наслѣдника Одина?
«Отъ кого погибнетъ свѣтлый Бальдуръ?

ВАЛА.

«Годръ слѣпой — не смертный. Онъ откроетъ
«Къ адской Геллѣ Свѣтлому дорогу.
«Страшныя ты спрашиваешь тайны.
«По неволѣ говорю я. Будетъ!

ОДИНЪ.

«Погоди, скажи еще мнѣ, Вала,
«Я желаю знать: не отомщеннымъ
«Бальдуръ быть не можетъ. Мстить кто будетъ?

ВАЛА.

«У Одина будетъ сынъ отъ Ринды.
«Онъ волосъ чесать, мыть рукъ не будетъ,
«Не отмстивъ виновному. Довольно.
«По неволѣ говорю я. Будетъ!

ОДИНЪ.

«Погоди, еще скажи мнѣ, Вала!
«Я еще желаю знать: какъ имя
«Той жены, что не захочетъ плакать,
«Какъ по Бальдурѣ всѣ плакать будутъ,
«И покрова съ головы не сниметъ?
«Прежде чѣмъ заснуть опять — скажи мнѣ.

ВАЛА.

«Ты все знаешь самъ, давно я вижу,
«Но желалъ бы лучше ошибиться,
«Чѣмъ все знать. Одинъ, отецъ вселенной!
«Удались — и можешь похвалиться,
«Что меня не вызоветъ изъ мрака
«Съ сей поры уже никто, — до часа
«Какъ прійдетъ всемірное крушенье».
И въ могилу опустилась Вала.
Ускакалъ Одинъ еще мрачнѣе.
Такъ въ старинныхъ говорится пѣсняхъ.

VI.

«Фригга, взявъ отъ всѣхъ твореній клятву,
Чтобъ не ранить Бальдура ни въ сердце,
Ни въ сырую кость, ни въ ясны очи,
Ни во все живое бѣло тѣло,
Чтобъ хранить его отъ всякой боли,
Всякой скорби, всяческой напасти,
Воротилась въ Азградъ, и всѣ боги
Были рады, высыпали на̀ лугъ —
Съ Бальдуромъ играть и забавляться.

Всѣ кругомъ красавца оступили,
И давай метать въ него, кто стрѣлы,
Кто каменья; съ копьями, съ мечами
Нападали на него съ разбѣгу;
Но каменья, стрѣлы мчались мимо,
Копья и мечи по немъ скользили,
И стоялъ въ кругу неуязвимый
И еще свѣтлѣй чѣмъ прежде Бальдуръ,
Боги шумно радовались, глядя;
У богинь вокругъ счастливой Фригги,
Издали слѣдившей за игрою,
Былъ и смѣхъ, и говоръ; только Нанна
Не могла смѣяться и сидѣла,
Точно лань пугливая, тревожно
Провожая взоромъ каждый камень
И стрѣлу, что въ Бальдура летѣли.
Отовсюду восхваленья Локки
Раздавались у боговъ; но Локки,
Одержимъ какой-то новой мыслью,
Устремилъ орлиный взглядъ на Фриггу;
Улучивъ минуту, вдругъ онъ принялъ
Образъ старой Фриггиной служанки
И подсѣлъ къ ней, межъ богинь пробравшись.
«Отчего, владычица, спросилъ онъ,
«Отчего такъ разыгрались боги?»

Улыбаясь отвѣчала Фригга:
«Тѣшитъ ихъ, что нашъ красавецъ Бальдуръ
«Сталъ теперь неуязвимъ ни стрѣламъ,
«Ни каменьямъ, ничему на свѣтѣ.
«Я взяла со всѣхъ твореній клятву,
«Что вредить ему никто не будетъ».
—«Да отъ всѣхъ ли отбрала ты клятву,
«И кого, смотри, не позабыла ль?»
—«Всѣ клялися!—отвѣчала Фригга,
«Развѣ только у воротъ Валгаллы
«Мелкій есть кустарникъ — можжевельникъ,
«Ну, да онъ такъ малъ и такъ незначущъ,—
«Чѣмъ, кому онъ можетъ быть опасенъ?
«Что̀ съ него, я думала, брать клятву!
«А то всѣ — и дубъ, и кедръ клялися!»

Локки тотчасъ изъ воротъ Валгаллы;
Можжевельникъ срѣзалъ, сдѣлалъ стрѣлку,
И — назадъ. Стоялъ вдали отъ прочихъ
Годръ, и не игралъ съ богами: слѣпъ былъ.
—«Что жь ты, крикнулъ Локки,—не стрѣляешь?»
—«Я, увы! и Бальдура не вижу»,
Отвѣчалъ слѣпой со вздохомъ, — «гдѣ мнѣ!»
Локки жь: «Эхъ, на радости попробуй,
«Только такъ, хоть для одной потѣхи!

«Вотъ стрѣла и лукъ, и вонъ гдѣ Бальдуръ,
«Становись, а я стрѣлу направлю».
Боги, видя Годра тоже съ лукомъ,
Вкругъ него столпилися, смѣяся.
Бальдуръ самъ слѣпому улыбался
И къ нему оборотился грудью.
Локки Годру помогалъ прицѣлить;
И взвилась стрѣла и полетѣла—
Прямо въ сердце Бальдуру: шатнулся
И на землю палъ онъ мертвый. Нанна
Въ то жь мгновенье бросилася къ мужу,
И со страшнымъ, но короткимъ крикомъ,
Замертво упала на супруга.
Прибѣжали боги, смотрятъ, кличутъ,
Трогаютъ то Бальдура, то Нанну,—
Оба мертвы!.. Сами словно въ камни
Обратились, и стоятъ—не въ силахъ
Молвить слова, блѣдными зрачками
Упершись другъ другу очи въ очи.
Годръ—убійца—онъ за слѣпотою
Не видалъ, не понималъ, что сдѣлалъ,
И стоялъ вдали отъ всѣхъ. Какъ только
Первый ужасъ отошелъ, рыданьемъ
Неудержнымъ разразились боги.
Самъ отецъ Одинъ, хоть зналъ, что̀ будетъ,

Но когда свершилось, омрачился
Пущей скорбью, лучше всѣхъ провидя,
Сколько зла отъ Бальдуровой смерти
И богамъ, и людямъ приключится.
Фригга—та не вѣрила, что Бальдуръ
Навсегда отъ нихъ сокрылся: Гелла
Возвратитъ его, не сомнѣвалась,
Въ новомъ видѣ и еще прекраснѣй,—
И къ богамъ не медля обратилась:
«Кто-нибудь скорѣй ступайте къ Геллѣ,
«И какой угодно будетъ выкупъ,
«Я, скажите, дамъ ей; только бъ тотчасъ
«Отпустила Бальдура на небо».

Сынъ Одиновъ, Гермодъ быстроногій
Побѣжалъ на вызовъ и въ минуту
На конѣ отцовскомъ въ адъ ужь мчался.

VII.

«Боги жь тѣло Бальдурово взяли
И снесли на берегъ синя-моря.
Срубленъ былъ корабль и въ море сдвинутъ,
И на немъ костеръ устроенъ. Тѣло
Па костеръ возложено. И Нанну

Тоже подлѣ мужа положили.
Привели коня покойникова, тоже
На костеръ возвесть, и всѣ при этомъ
Залилися новыми слезами.
Сто рабовъ и сто рабынь убитыхъ
На костеръ уложено; оружье
И монеты, кольца, все какъ должно;
Домочадцы, слуги и служанки
Пѣли пѣсни жалостныя, слезно
Причитали. Наконецъ, когда ужь
Все готово было, громовержецъ
Торъ свой молотъ всеразящій бросилъ—
Грянулъ громъ и молнія сверкнула,
И костеръ мгновенно объялъ пламень,
И корабль, пылая, поплылъ въ море.
Вслѣдъ за нимъ по воздуху громадный
Потянулся похоронный поѣздъ.

«Похоронъ такихъ ужь не бывало
Ни потомъ, ни прежде, и не будетъ!
Всѣ на нихъ присутствовали боги.
Былъ Одинъ на колесницѣ съ Фриггой:
Впереди—орелъ, простерши крылья;
За орломъ неслися съ воемъ волки:
Надъ главою вороны кружились,

Но когда свершилось, омрачился
Пущей скорбью, лучше всѣхъ провидя,
Сколько зла отъ Бальдуровой смерти
И богамъ, и людямъ приключится.
Фригга—та не вѣрила, что Бальдуръ
Навсегда отъ нихъ сокрылся: Гелла
Возвратитъ его, не сомнѣвалась,
Въ новомъ видѣ и еще прекраснѣй,—
И къ богамъ не медля обратилась:
«Кто-нибудь скорѣй ступайте къ Геллѣ,
«И какой угодно будетъ выкупъ,
«Я, скажите, дамъ ей; только бъ тотчасъ
«Отпустила Бальдура на небо».

Сынъ Одиновъ, Гермодъ быстроногій
Побѣжалъ на вызовъ и въ минуту
На конѣ отцовскомъ въ адъ ужь мчался.

VII.

«Боги жь тѣло Бальдурово взяли
И снесли на берегъ синя-моря.
Срубленъ былъ корабль и въ море сдвинутъ,
И на немъ костеръ устроенъ. Тѣло
На костеръ возложено. И Нанну

Тоже подлѣ мужа положили.
Привели коня покойникова, тоже
На костеръ возвесть, и всѣ при этомъ
Залилися новыми слезами.
Сто рабовъ и сто рабынь убитыхъ
На костеръ уложено; оружье
И монеты, кольца, все какъ должно;
Домочадцы, слуги и служанки
Пѣли пѣсни жалостныя, слезно
Причитали. Наконецъ, когда ужь
Все готово было, громовержецъ
Торъ свой молотъ всеразящій бросилъ—
Грянулъ громъ и молнія сверкнула,
И костеръ мгновенно объялъ пламень,
И корабль, пылая, поплылъ въ море.
Вслѣдъ за нимъ по воздуху громадный
Потянулся похоронный поѣздъ.

«Похоронъ такихъ ужь не бывало
Ни потомъ, ни прежде, и не будетъ!
Всѣ на нихъ присутствовали боги.
Былъ Одинъ на колесницѣ съ Фриггой:
Впереди—орелъ, простерши крылья;
За орломъ неслися съ воемъ волки:
Надъ главою вороны кружились.

А вокругъ блестящей колесницы,
На воздушныхъ коняхъ, въ свѣтлыхъ латахъ,
Дѣвы битвъ, Валкиріи; за ними,
Тоже всѣ въ блистающихъ доспѣхахъ,
Безконечнымъ полчищемъ герои,
Съ поля битвъ восшедшіе на небо.
Въ колесницѣ тоже, запряженной
Кабаномъ, красавецъ Фрейръ и Герда;
На козлахъ золоторогихъ дальше
Ѣхалъ Торъ, на плечи вскинувъ молотъ;
Тамъ—другіе боги и богини,
На оленяхъ, лебедяхъ и рысяхъ;
А за ними карлы, великаны,
Духи въ видѣ чудищъ и драконовъ—
Безъ конца тянулся пышный поѣздъ!

«Изъ боговъ тамъ не былъ только Локки.
Онъ—когда свалился Бальдуръ мертвый,
Испугался больше всѣхъ: руками
Ухватившись за голову, мигомъ
Убѣжалъ изъ Азграда. По правдѣ
И не думалъ онъ, что все такъ выйдетъ,
И когда его хватились боги,
Онъ, дрожа, сидѣлъ ужь въ самыхъ темныхъ,
Въ самыхъ страшныхъ пропастяхъ подземныхъ.

VIII.

«Гѐрмодъ въ адъ спускался девять сутокъ
По глубокимъ рытвинамъ, во мракѣ.
И достигъ до адской онъ рѣшетки.
Тамъ увидѣлъ: блѣдный свѣтъ, палата,
Длинный столъ, и на почетномъ мѣстѣ,
Между тѣней Бальдуръ возсѣдаетъ.
Обратился Гѐрмодъ съ просьбой къ Геллѣ:
—«Отпусти ты брата снова въ небо;
«Всѣ о немъ жестоко плачутъ боги
«И какой угодно предлагаютъ
«За него тебѣ богатый выкупъ».
Отвѣчала адская богиня:
—«Отпущу, пожалуй, но съ условьемъ:
«Если всѣ, что только есть на свѣтѣ,
«Существа по Бальдурѣ заплачутъ,
«Бальдуръ въ небо снова возвратится.
«Если жь нѣтъ, и хоть одинъ найдется,
«Кто о немъ не будетъ плакать, Бальдуръ
«Никогда на свѣтъ уже не выйдетъ».

IX.

«Воротился Гѐрмодъ снова въ Азградъ
И привезъ отвѣтъ свирѣпой Геллы.

Какъ отвѣтъ тотъ услыхала Фригга,
Призываетъ тотчасъ буйныхъ Вѣтровъ,
Говоритъ имъ: «Полетите, Вѣтры,
«Вы во всѣ концы по бѣлу-свѣту,
«И скажите всякой божьей твари,
«Синю-морю, мѣсяцу и звѣздамъ,
«Темну лѣсу, всякой мелкой пташкѣ,
«И большимъ звѣрямъ, и человѣкамъ,
«Что скончался Бальдуръ, молъ, пресвѣтлый,
«Чтобъ молили, да отпуститъ Гелла
«Всѣмъ опять его на радость въ небо».
Понеслись по бѣлу-свѣту Вѣтры,
Съ лютой вѣстью каждой божьей твари,—
И поднялся стонъ со всей вселенной:
Взвыли Вѣтры, море заревѣло,
И лѣса завыли, заскрипѣли,
Люди, звѣри, у кого есть голосъ,
Возопили; у безгласной твари жь,
У металловъ, и у горъ и камней,
Слезы вдругъ безмолвныя, такія,
Какъ весной ліютъ они, встрѣчая
Послѣ хлада и мороза солнце
(Но тогда на радость, тутъ отъ скорби).
Потекли обильными струями...
Но была въ горѣ одна пещера.

Тамъ, покровъ свой бѣлый не скидая
Никогда, сидѣла великанша
(Нѣкогда она царила въ мірѣ,
Но была побѣждена Одиномъ
И въ пещерѣ темной укрывалась):
Та на слово вѣстниковъ небесныхъ
Изъ скалы угрюмо отвѣчала:
«Я съ сухими развѣ лишь глазами
«О красавцѣ Бальдурѣ заплачу:
«Будь онъ живъ иль мертвъ,—онъ мнѣ не нуженъ!
«Пусть его сидитъ себѣ у Геллы!»

Такъ у Геллы и остался Бальдуръ».

X.

Кончилъ вѣщій старецъ. Слушалъ Конунгъ
И еще поникъ главою ниже.
Сквозь золу едва мерцали угли.
Въ забытьи склонился вѣщій старецъ.
По утру открылъ онъ очи: Конунгъ
Такъ же все сидитъ на томъ же мѣстѣ;
Чуть свалилась съ плечъ медвѣжья шуба,
Блѣдный лучъ скользилъ кой-гдѣ по складкамъ

Золотой истершейся одежды,
Освѣщая грозный обликъ, съ длинной
Бородой, съ нависшей бровью. Конунгъ
Былъ ужь мертвъ. Судьбы его свершились.

1870.

V.

ПУЛЬЧИНЕЛЛЬ.

ПУЛЬЧИНЕЛЛЬ.

Въ Неаполѣ, — когда еще Неаполь
Былъ самъ собой, былъ раемъ ладзароновъ —
— Философовъ и практиковъ-бандитовъ,
Бандитовъ всякихъ — рѣжущихъ, казнящихъ,
Съ тонзурою иль безъ тонзуры — въ этомъ
Неаполѣ временъ минувшихъ, жилъ
Чудесный карликъ... Маленькій, горбатый,
Со львиною огромной головой,
И съ ножками и ручками ребенка.
Онъ былъ похожъ какъ разъ на мальчугана
Въ комической, большой античной маскѣ:
Такихъ фигуръ въ помпейскихъ фрескахъ много.
Его мама́ и померла отъ горя,
Въ уродствѣ сына видя наказанье
Господне «за грѣхи отцовъ...» Отецъ же —

Онъ былъ мудрецъ съ Вольтеровскимъ оттѣнкомъ,
Хоть волею судебъ и занимался
Сомнительной профессіей (знакомилъ
Онъ съ красотой живой Партенопеи
Пріѣзжихъ иностранцевъ) — онъ объ сынѣ
Судилъ не такъ. Онъ говорилъ, что эта
Наружность — даръ фортуны: Пеппо съ нею
Навѣрно будетъ первымъ маіордомомъ
У герцоговъ, пажомъ у короля,
И комнатной игрушкой королевы.
Онъ такъ и умеръ въ этомъ убѣжденьѣ.
Но не сбылось пророчество: бѣдняга
Не въ практика родителя сложился.
Кормился переписываньемъ ролей,
Былъ вхожъ въ театръ чрезъ это, за кулисы,
А весь свой день сидѣлъ въ библіотекѣ.
И что прочелъ онъ — Богу лишь извѣстно,
Равно какъ то, чего бы не прочелъ онъ!
Все изучалъ: историковъ, поэтовъ,
Особенно жь — трагическій театръ
Италіи. Душой онъ погрузился
Въ міръ Клеопатръ, Ассуровъ, Митридатовъ,
И этихъ-то сценическихъ гигантовъ
Размахъ усвоилъ, страсть, величье, паѳосъ;
Онъ глубоко прочувствовалъ, продумалъ

Всѣ положенья, всѣ движенья сердца,
Весь смыслъ, всю суть трагедіи постигъ,—
Такъ что когда, въ кругу своихъ кліентовъ,
Оборванныхъ такихъ же бѣдняковъ,
Читалъ онъ,—эти всѣ гиганты
Все становились меньше, меньше—но
За то росло въ размѣрахъ колоссальныхъ
Одно лицо,—безъ образа и вида
И безъ рѣчей—которое безмолвно,
Неудержимо, холодно ихъ губитъ,
И что въ трагедіи зовется Рокомъ.
И этому безличному Молоху—
Какъ говорилъ одинъ аббатъ, любившій
Его послушать, Пеппо особливо
Сочувствовалъ. Аббатъ въ восторгѣ
Говаривалъ не разъ: «ты, caro mio,
Навѣрно былъ бы величайшимъ въ мірѣ
Трагическимъ актеромъ, если бъ только
Въ размѣрахъ былъ обыкновенныхъ созданъ,
Безъ важныхъ недостатковъ и излишествъ;
При этихъ же особенностяхъ,—годенъ
Не болѣе, какъ къ роли—Пульчинелля».

Что жь дѣлать! Бѣдность и—пожалуй—жажда,
Какъ говорилъ онъ, сцены и подмостковъ,

Его судьбу рѣшили, — и Неаполь
Въ немъ пріобрѣлъ такого Пульчинелля,
Какихъ еще не видывалъ отъ вѣка!
Въ театрѣ — давка. Ѣздитъ знать и дворъ.
Тройныя цѣны. Импрессарій — пляшетъ,
И въ городѣ лишь рѣчь — о Пульчинеллѣ.
Такого смѣха у своихъ подножій
Не слыхивалъ конечно ужь Везувій
Съ тѣхъ самыхъ дней, какъ вѣчною угрозой
Надъ городомъ онъ сталъ, и повторяетъ
Ежеминутно людямъ: «веселитесь
И смѣйтеся, пока даю вамъ время!»

А тайна смѣха вотъ въ чемъ заключалась:
Пеппино никогда смѣшить не думалъ!
И въ колпакѣ дурацкомъ Пульчинелля
Все такъ же роль свою игралъ серьезно
Какъ будто роль Аякса иль Ахилла.
Онъ бросилъ фарсъ, далъ душу Пульчинеллю
(Къ тому же былъ импровизаторъ чудный
И въ роль вставлялъ горячія тирады
Высокаго исполненныя чувства,
И паѳоса, и образовъ гигантскихъ,
Достойныхъ кисти лишь Микель-Анджело!),
Онъ искренъ былъ, язвителенъ, былъ страстенъ, —

Но это все — при страшной образинѣ,
При заплетавшихся кривыхъ ногахъ,
При маленькихъ ручонкахъ, при горбѣ —
Въ партерѣ вызывало — взрывы смѣха!
Онъ забывалъ себя, весь отдавался
Потоку чувствъ и вдохновенной мысли,
И ожидалъ въ отвѣтъ восторга, слезъ,
Всеобщаго, быть можетъ, покаянья, —
А тутъ дурацкій смѣхъ, шальные крики!
Полиція — и та не возмущалась,
Когда вѣщалъ онъ въ пламенныхъ стихахъ
О благородствѣ, о «святой» свободѣ!
Бывало съ грустью, съ жалостью онъ смотритъ
Въ партеръ, какъ въ пропасть съ тысячами гадовъ
Хохочущихъ — и эта грусть и жалость
Такою въ немъ гримасой выражалась,
Что кликъ и смѣхъ въ партерѣ удвоялся...
Не выдержитъ, и кинется онъ къ рампѣ,
И въ ярости грозить начнетъ, ругаться:
«О! пошлости клокочущая бездна!
«Чудовища! нѣтъ! я бъ свое уродство
«Не промѣнялъ на ваше», — онъ кричитъ, —
И — пуще смѣхъ!.. Тогда, на зло глупцамъ —
Онъ пустится кувыркаться и прыгать,
И ужь конца рукоплесканьямъ нѣту!

А упадетъ лишь занавѣсъ — директоръ
Его въ объятья: «такъ, maestro, такъ!
«Ругайте ихъ, и плачьте! плачьте больше:
«Тѣмъ лучше: сборъ — невѣроятный! Мы —
«Мы мильонеры будемъ!» Не успѣетъ
Директору въ лицо онъ кинуть: «porco!»
Какъ сотни рукъ его ужь подымаютъ,
И какъ онъ тамъ ни бейся, ни лягайся,
А съ пѣснями, при факелахъ, несутъ
Его до самой до его локанды,
Гдѣ, наконецъ, освободясь отъ плѣна,
На бѣдное бросается онъ ложе
И горячо и горько, горько плачетъ!

Неаполь былъ въ восторгѣ. Говорятъ,
Изъ инквизиціи тихонько члены
Въ закрытыхъ ложахъ хаживали часто
Имъ любоваться и, какъ всѣ, смѣялись
Отъ сердца, самымъ добродушнымъ смѣхомъ.
Но онъ — кумиръ толпы и божество,
Въ душѣ возненавидѣлъ и Неаполь,
И сцену, и давно бъ ее сставилъ,
Когда бъ она ему не доставляла
Возможности — въ глаза ругать толпу,
Твердить и повторять ей, что она

Одно лишь понимаетъ, поглощаетъ
И обожаетъ — это макароны!..

Такъ говорилъ онъ самъ; а впрочемъ
Еще былъ узелъ тайный, но могучій,
Его привязывавшій къ сценѣ, — это
Прелестная, какъ ангелъ — Коломбина,
Прекрасный тоже, истинный талантъ.
Онъ эту Коломбину и сыскалъ
Въ Санъ-Карло, межь простыхъ статистокъ, взялъ
И сталъ учить, образовалъ и, словомъ,
Какъ говорится, создалъ. Коломбина
По временамъ одна не замѣчала
Его уродства: чудныя мгновенья!..
Она — полулежитъ на оттоманкѣ,
А онъ читаетъ: комната, по малу
Въ чертогъ преобразуясь, наполнялась
Героями, царицами, царями;
Стихійное иль божеское нѣчто
Блистаетъ въ нихъ величьемъ колоссальнымъ
Надъ сумракомъ обыкновенной жизни;
И вдругъ средь этихъ исполинскихъ силъ
Послышится ей родственное что-то —
Любовь, какъ голубь рѣющій надъ бездной...
У ней отъ страха сердце замираетъ,

Она глядитъ, и, точно въ лихорадкѣ
Слѣдя за нимъ, чтеца уже не видитъ...
И лишь когда онъ кончитъ, — понемногу
Разсѣется блистательный миражъ,
Уйдетъ страстей клокочущее море;
И вмѣсто блеска, красоты, величья,
Она увидитъ вдругъ передъ собой,
Какъ будто этимъ кинутаго моремъ,
Какого-то нелѣпѣйшаго карлу —
Тогда изъ устъ ея — какъ будто бы со скорбью
И сожалѣньемъ — вырвется невольно:
«Ахъ, Пеппо, для чего такой ты гадкій!»

— «Рокъ» — отвѣчаетъ онъ.

Да! страшный рокъ!
Онъ чувствовалъ, что разъ не удержись,
А отъ себя, отъ своего лица
Скажи свое живое чувство, — въ страхѣ
И омерзеньѣ вскрикнетъ Коломбина
И отъ него отпрянетъ, какъ отъ гада!
Онъ понялъ, что совсѣмъ лишь стушевавшись
Могъ быть при ней, — и сдѣлался ей, точно,
Необходимъ: наставникомъ былъ, другомъ,
Былъ чичисбеемъ, шаль за ней носилъ,

По порученьямъ бѣгалъ; даже больше,
Служилъ ей горничной — при туалетѣ
Присутствовалъ, затягивалъ корсетъ,
Ей обувалъ изящнѣйшую ножку,
Сносилъ ея мигрень, капризы, словомъ,
Былъ для нея онъ тѣмъ же, чѣмъ Неаполь
И импрессарій для него, и также бъ
Могъ звать ее онъ «злою Коломбиной»,
Какъ называли всѣ его «злымъ карлой»;
Въ него летали точно такъ же вѣеръ
И башмаки, какъ отъ него каменья
На улицѣ, или слова на сценѣ —
Такія, что иного стоютъ камня!
И отъ нея онъ все переносилъ
Съ покорностью, чуть-чуть не съ наслажденьемъ, —
Такъ наконецъ, что всѣ его страданья
По сценѣ — отошли на задній планъ.
Перенести не могъ онъ одного —
Одной фантазіи своей царицы,
И всѣ вражды свои сосредоточилъ
На арлекинѣ. Этотъ арлекинъ
Былъ — тѣмъ же рокомъ! — одаренъ красивой
Наружностью, небрежностью изящной,
Къ артисту такъ идущей, и всегдашнимъ
Высокимъ мнѣньемъ о своей особѣ.

Всѣ женщины по немъ съ ума сходили:
Изъ-за него маркизы, герцогини
Дрались, чтобъ съ нимъ въ блестящемъ фаэтонѣ
По Кьяйѣ прокатиться... Это впрочемъ
Все бъ ничего! но этотъ херувимъ
И видѣлся, и снился Коломбинѣ!
Напрасно ей твердитъ несчастный карло,
Что арлекинъ — бездарный фатъ, хвастунъ,
Глупъ — колоссально глупъ!.. «Ты лишь послушай,
«Какъ онъ поетъ! Гдѣ ставитъ ударенья?
«О, ужасъ! на предлогахъ и союзахъ!
«Не ясно ли, что у него нѣтъ сердца!
«Что льнетъ къ тебѣ онъ, diva, потому,
«Что отъ тебя Неаполь безъ ума,
«Что — ты царица въ немъ, и что готовы
«Мильонныя разстроить состоянья
«Съ тобою дуки, нобили, банкиры». —
Все тщетно! страсть ей не даетъ покоя!
Его не слушаютъ; ему велятъ,
Какъ тѣнь, вездѣ слѣдить за арлекиномъ;
Ей доносить, гдѣ былъ онъ, что онъ дѣлалъ,
Съ кѣмъ говорилъ, устраивать имъ встрѣчи,
И третьимъ быть лицомъ при этихъ встрѣчахъ!
Ахъ! это время жилъ онъ постоянно
Подъ страхомъ бури... Если онъ, бывало,

Недобрыя къ ней вѣсти принесетъ, —
«Ты лжешь, ты лжешь!» кричала Коломбина;
«Вы всѣ противъ меня, уроды, черти!
«Я задушу, чудовище, тебя!
«Прочь съ глазъ моихъ!» и diva, какъ тигрица,
Кидается на Пеппо. «Вонъ, бездѣльникъ!»
За нимъ бѣгутъ, выталкиваютъ въ двери,
И съ лѣстницы бросаютъ въ спину туфлю...
Онъ, впрочемъ, зналъ, внизу стоялъ въ портонѣ,
Зналъ, что за нимъ пошлютъ,—и появлялся:
Мракъ въ комнатѣ; лежитъ въ постели diva,
Готовая сейчасъ же умереть
Въ жестокихъ спазмахъ: стоны и рыданья;
«Вотъ—говорятъ ему,—ты до чего
«Меня доводишь, каменное сердце!»
И какъ собака, чувствуя провинокъ,
Къ хозяину ползетъ, вертя хвостомъ
И голову понуря, пробирался
Онъ къ ней тихонько и просилъ прощенья,
Садился на скамейку, утѣшалъ,
Молилъ ее на жизнь не покушаться
Оправдывалъ невѣрнаго и клялся,
Что самъ онъ лгалъ, что онъ всему виною,
Что онъ сейчасъ пойдетъ за нимъ, отыщетъ
И приведетъ... И diva возвращалась

Къ сознанію... рыданья утихали,
Къ нему протягивалась ручка... онъ
Бѣжалъ искать красавца, приводилъ —
И diva ихъ встрѣчала—ужь здорова,
Кокетливо одѣта, и красою
Сіяя, точно солнце послѣ бури, —
И Пеппо долженъ былъ сіять съ ней вмѣстѣ.

Былъ, наконецъ, и день назначенъ свадьбы,
Вся труппа въ ней участье принимала.
Все, что̀ смѣшитъ Неаполь—все смѣялось;
Но Пульчинелль былъ самымъ шумнымъ гостемъ.
За молодыхъ пилъ тосты, сочинилъ
И прочиталъ имъ въ честь эпиталаму,
Смѣялся, но—съ гостями уходя,
Отъ нихъ скользнулъ въ какой-то переулокъ,
Направо шелъ, налѣво, какъ, куда
Не думая, не видя въ темнотѣ,
И вышелъ вдругъ къ клокочущему морю.
И тамъ, у шумныхъ волнъ остановился...
Что̀ дѣлалъ тамъ онъ?—то, буквально, мракомъ
Покрыто: ночь темна была, какъ гробъ.
Во мракѣ слышенъ былъ лишь грохотъ моря;
Изъ Африки дулъ раскаленный вѣтеръ,
И словно тысячи бѣсовъ иль фурій

Рвались въ дома, деревья гнули, выли,
И на подмогу имъ изъ нѣдръ земли
Изъ кратера Везувія летѣли
Въ фонтанѣ пламени и въ клубахъ дыма
Безчисленныя демонскія силы...
Вкругъ ладзарони въ ужасѣ бѣжали
Съ своихъ ночлеговъ, по всему побережью,
И долго помнили объ адской ночи,
Notte d'inferno: слышались имъ стоны
И страшныя проклятья въ ревѣ бури,
Ихъ сохранило только заступленье
Пречистой Дѣвы... Что̀ же дѣлалъ Пеппо —
Тамъ на террасѣ, выходящей въ море?
Онъ никогда и самъ не могъ сказать...
Какъ будто духъ его тогда носился
Въ пространствѣ, въ этихъ африканскихъ вихряхъ
И землю разорвать хотѣлъ и море,
И только къ утру въ маленькое тѣло
Вернулся и взглянулъ вокругъ себя, —
А вкругъ ладьи разбитыя лежатъ,
И травъ морскихъ по необсохшимъ камнямъ
И на сыромъ пескѣ торчатъ лохмотья.
Стихаетъ море. Съ сѣвера прохладой,
Исполненной благоуханій чудныхъ
Съ полей и виллъ цвѣтущихъ Позилиппа,

Повѣяло, и серебристой дымкой
Подернулися городъ, даль и небо...

Когда подъ крикъ ословъ и продавцовъ
Неаполь пробудился и пилъ кофе —
Смѣющійся явился съ поздравленьемъ
Къ счастливой Коломбинѣ первый—Пеппо,
Съ огромнѣйшимъ букетомъ. День прошелъ
Какъ праздникъ. Были гости. На обѣдъ
Поѣхали на Капри. Пеппо точно
Торжествовалъ великую побѣду...
Потомъ все потекло своимъ порядкомъ,
Какъ прежде. Онъ для Коломбины сталъ
Пожалуй, что еще нужнѣе въ трудныхъ
Заботахъ по хозяйству и по мужу;
Онъ у нея дѣтей крестилъ и няньчилъ...
Но, какъ ни бился, счастья милой доннѣ
Создать не могъ; худѣла все, худѣла
И наконецъ совсѣмъ она слегла.
Не ладно велъ себя ея супругъ.
Остепениться онъ не могъ, и въ бракѣ
Не видѣлъ узъ для нѣтренаго сердца.
Почти и не жилъ дома. При больной
Безвыходно сидѣлъ лишь Пульчинелль...
Разъ ночью стало ей ужь очень худо.

Съ усильемъ обратясь къ нему, она
Сказала: «ты дѣтей моихъ не кинешь?»
И руку подала, и улыбнулась...
Да! улыбнулась такъ она ему,
Какъ никогда! Быть можетъ, началò
У ней въ глазахъ уже мутиться зрѣнье,
И ужь не карло—нѣтъ! его душа
Ея очамъ духовнымъ предстояла—
И бѣдный Пеппо чуть не задохнулся
Отъ счастья... Но—о Боже!.. вотъ ея рука
Въ его рукѣ хладѣетъ... взоръ недвиженъ...
Молчаніе... онъ ждетъ... она ни слова...
Свѣтъ лампы такъ лежитъ спокойно, тихо
На матовомъ лицѣ... не шевельнется
Ни волосокъ, ни локонъ, въ безпорядкѣ
Разсыпавшихся на подушкѣ косъ.
Проворно пульсъ онъ щупаетъ; подноситъ
Къ устамъ ей зеркало... дыханья нѣтъ!
И нѣтъ сомнѣнья больше! Коломбина,
Жизнь, слава, божество его—скончалась!
И онъ вскочилъ, какъ бѣшеный. Свирѣпый
Какой-то вопль изъ груди испустилъ,
И бросился направо и налѣво
Все опрокидывать, все разбивать,
Все—канделябры, зеркала, сервизы,

И наконецъ среди опустошенья
Остановился передъ хладнымъ трупомъ,
И заломивъ въ отчаяніи руки,
Вдругъ прокричалъ: «Какъ я тебя любилъ!»
И тутъ, въ ногахъ же у ея постели,
Упалъ безъ чувствъ,—и найденъ былъ ужь мертвымъ.

Неаполь плакалъ, но потомъ по-малу
Всѣ успокоились, когда наука
Рѣшила, что скончались: Коломбина —
Отъ «phthisis», онъ же — отъ «ruptura cordis».

1871.

VI.

КНЯЖНА.

КНЯЖНА ***.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ОКТАВАХЪ.

«Какъ наши годы-то летятъ!»

I.

Давно ль, давно ль, на траурныхъ коняхъ,
Подъ балдахиномъ съ княжеской короной,
Богатый гробъ въ гирляндахъ и цвѣтахъ
Мы провожали... Поѣздъ похоронный
Былъ безъ конца... всѣ въ лентахъ и звѣздахъ,
Посланники, придворныя персоны,
И духовенство высшихъ степеней,
И во главѣ его—архіерей...

Мы крестимся всегда при видѣ гроба,
Прощаемся, молясь за упокой,
Будь то бѣднякъ, будь важная особа...
Обычай полный смысла, глубиной

И злѣйшаго плѣнявшій руссофоба...
И тутъ прощалась съ чьею-то душой
И дальше шла толпа... Но въ высшемъ свѣтѣ
Событьемъ были похороны эти...

Княжна... Но нѣтъ! письму я не предамъ,
Нѣтъ, не предамъ я новому злословью
Фамиліи извѣстной съ дѣтства намъ!
Въ войну и миръ, и разумомъ и кровью,
Служилъ сей родъ отчизнѣ и царямъ.
И встарь почтенъ народной былъ любовью...
Онъ въ наши дни, съ достоинствомъ, одной
Представленъ былъ покойною княжной.

И видомъ—ахъ! теперь какъ исполины
Предъ нами тѣ герои старины!..
Видали ль вы временъ Екатерины
Ея штатсъ-дамъ портреты?.. Всѣ, полны
Величія полунощной Аѳины
И геніемъ ея осѣнены,
Онѣ глядятъ какъ бы съ пренебреженьемъ
Во слѣдъ идущимъ мимо поколѣньямъ...

Могучій духъ, не знающій оковъ,
Для подвиговъ не знающій границы,

Безъ похвальбы свершавшій ихъ, безъ словъ, —
Все говоритъ, что это тѣ орлицы,
Къ кому, изъ царства молній и громовъ,
Свершители словесъ своей царицы,
Ея орлы — съ поднебесья порой
Спускалися на мигъ вкусить покой...

Изъ этой же породы самобытной
Была княжна, хотъ сгладился ужь въ ней
Весь этотъ пылъ, весь пламень ненасытный
Подъ вѣяньемъ иныхъ, счастливыхъ дней.
Тамъ — гордый стражъ пустыни сфинксъ гранитный.
Въ тысячелѣтней простотѣ своей;
Здѣсь — Пракситель или рѣзецъ Кановы,
Гдѣ грація и духъ ужь вѣетъ новый.

Ей этотъ лоскъ былъ Франціею данъ!
Да, Франція — и Франція Бурбоновъ,
Что̀ пережить сумѣла какъ Титанъ
Республику и гнетъ Наполеоновъ, —
Она княжну — цвѣтокъ полночныхъ странъ,
Къ ней кинутый крылами аквилоновъ, —
Съ любовію въ объятья приняла,
И матерью второю ей была.

Ея пѣвцовъ она внимала лирамъ,
Ораторовъ волнующимъ рѣчамъ,
Все приняла, чтобъ властнымъ быть кумиромъ
И первою звѣздой въ созвѣздьи дамъ,
И даже Онъ, пришедшій къ людямъ съ миромъ
И взоры ихъ поднявшій къ небесамъ,
Ей просіялъ какъ свѣтъ и какъ защита
Въ проповѣдяхъ отца іезуита...

Что̀?.. Странно вамъ слова мои звучатъ?..
Народность — все же изъ понятій узкихъ,
И въ этомъ шагъ мы сдѣлали назадъ,
Отъ образцовъ отрекшися французскихъ...
Но — вѣкъ таковъ! и всѣ теперь хотятъ
Преобразиться въ православныхъ Русскихъ,
Межъ тѣмъ какъ многіе едва-едва
Осилить могутъ русскія слова...

Вонъ — князь Андрей на это, лобъ нахмуря,
Глядитъ какъ на опасную игру!
И говоритъ, что ужь «глаза зажмуря
Давно живу и вѣчно на-юру»,
Что, «впрочемъ, насъ бы не застала буря,
А тамъ — все пропадай, когда умру!..»

Онъ въ этомъ видитъ признаки паденья
И нравственныхъ началъ и просвѣщенья...

И до сихъ поръ, упрямый старый тузъ
Твердитъ одно: «Европа есть обширный
Салонъ, гдѣ всякій — Нѣмецъ иль Французъ —
Своя семья! у всѣхъ одинъ, всемірный,
Тонъ, образованность, и умъ, и вкусъ!
Насъ только *терпятъ* тамъ, пока мы смирно
Сидимъ себѣ, какъ дѣти за столомъ,
On nous subit — à contre coeur притомъ...»

Но князь чудакъ! онъ парадоксъ ходячій!
Онъ отрицалъ Россію! и съ княжной
У нихъ всегда, бывало, споръ горячій.
Патріотизмъ княжны былъ огнь живой!
Россіи честь, побѣды, неудачи,
Воспринимала все она душой,
Все обсуждая, безъ предубѣжденья,
Съ высокой, европейской точки зрѣнья..

И вотъ съ такой душою и умомъ,
Все воспринявъ, что̀ Западъ просвѣщенный
Взрощалъ вѣками въ цвѣтникѣ своемъ,
Она явилась съ ношей благовонной

Въ нашъ свѣтъ — и такъ поставила свой домъ,
Что самъ Кюстинъ, вторично занесенный
Судьбой въ нашъ край, ужь бы не написалъ,
Что къ медвѣдямъ и варварамъ попалъ!

Свидѣтели — опять-таки Французы!
Да! изъ Французовъ — сливки, высшій слой,
Твердили въ хоръ, что Граціи и Музы
Изъ Франціи, отъ черни бунтовской,
Какъ отъ Персея съ головой Медузы,
Умчалися на сѣверъ ледяной,
Перенеся въ салонъ княжны, въ Россіи,
Весь умъ французской старой монархіи.

И это зналъ и оцѣнилъ нашъ свѣтъ, —
И передъ нею все въ немъ преклонилось...
И хоть прошло событій много, лѣтъ,
И хоть княжна давно ужь устранилась
Отъ поприща успѣховъ и побѣдъ,
Но все ея звѣзда не закатилась —
Отшельница изъ своего угла
На мнѣнія вліяла и дѣла.

Къ обычному стремились поклоненью
Къ ней Несторы правительственныхъ сферъ;

Вступая въ свѣтъ, къ ея благословенью
Являлися искатели карьеръ;
Къ ней шли, къ ея прислушаться сужденью,
Творцы реформъ по части новыхъ мѣръ,
И отъ княжны имѣть имъ одобренье
Бывало то жь, что выиграть сраженье...

Всѣ знали, что ея словцо одно
Имѣло вѣсъ и слушалося мнѣнье
Въ такихъ предѣлахъ, гдѣ не всѣмъ дано
Имѣть и смѣть сказать свое сужденье...
Конечно, умъ тутъ много значилъ... но
Одинъ ли умъ?.. у васъ ужь и сомнѣнье?
О, жалкій вѣкъ! Какъ скоръ твой приговоръ!
Мерещится тебѣ лишь грязь, да соръ!

Нѣтъ-съ! ужь Парижъ, знатокъ по этой части,
Видавшій цвѣтъ сыновъ своихъ княжной
Отвергнутыхъ, со всѣмъ ихъ пыломъ страсти,
Клялся богами, небомъ и землей,
Что нѣжныхъ чувствъ она не знаетъ власти,
Что передъ ней, въ досадѣ плача злой,
Самъ Купидонъ, лукавый богъ и смѣлый,
Разбилъ колчанъ и изломалъ всѣ стрѣлы!

Хоть хроника паденій и побѣдъ
Для свѣта служитъ легкой лишь забавой,
И не педантъ онъ въ нравственности, свѣтъ, —
Но высоко и достодолжной славой
Почтитъ онъ ту, въ которой пятенъ нѣтъ!
Всегда въ виду весталки величавой,
Какъ въ оно время развращенный Римъ,
Разступится съ почтеніемъ нѣмымъ!..

Княжна всю жизнь, какъ съ кованной бронею,
Гдѣ каждая блеститъ на солнцѣ грань,
Сквозь этотъ міръ соблазновъ, предъ толпою
Чиста какъ день прошла... и отдалъ дань
Ей гордый свѣтъ, упрочивъ за княжною
До позднихъ дней названье chaste Diane...
Былъ этотъ титулъ ей всего дороже,
Она гордилась имъ... и вдругъ... о, Боже!..

Нѣтъ! не могу!.. Ея вступленья въ свѣтъ
Я не засталъ — но съ перваго мгновенья
При первой встрѣчѣ, юноша-поэтъ
Былъ пораженъ!.. Серьезность выраженья
(Ее встрѣчалъ я не на балѣ, нѣтъ!
Въ прогулкахъ, по утрамъ, въ уединеньи),

Задумчивость, вдаль устремленный взоръ —
По небу ль грусть, землѣ ль нѣмой укоръ?..

О, дальнія дорожки Монплезира...
Или тѣнистый Царскосельскій садъ...
И вдругъ — видѣнье неземнаго міра...
Чуть слышно кони быстрые летятъ...
О, Пушкинъ! — думалъ я — твоя бы лира...
Ты лишь умѣлъ, твой вдохновенный взглядъ,
Вмигъ указать, гдѣ божество во храмѣ,
Вмигъ разгадать Мадонну въ свѣтской дамѣ!..

Признанье позднее... Княжна была
Моимъ надолго тайнымъ идеаломъ...
Трагической кончиной умерла —
Трагедію жь смѣшали со скандаломъ!
Она всегда извѣстнаго числа
Давала балъ, и передъ самымъ баломъ
Упалъ кумиръ, и что̀ страшнѣй всего:
Съ нимъ рухнулъ образъ нравственный его...

Да, падаютъ имперіи — но слава
Переживаетъ. Упадаетъ храмъ,
Но богъ въ немъ жившій составляетъ право
На память и почетъ тѣмъ племенамъ,
Что̀ съ именемъ его прошли какъ лава,

Какъ Божій бичъ по сушѣ и морямъ...
Но человѣкъ, въ которомъ уважались
Достоинства, котораго боялись

Лишь потому, что онъ былъ совершенъ,
Со всѣхъ сторонъ великъ и безупреченъ —
И вдругъ внутри его лишь гниль и тлѣнъ!..
Но нѣтъ! Я не сужу!.. Кто безпороченъ?
Въ паденіи, быть можетъ, сокровенъ
Глубокій смыслъ, и, можетъ быть, уплоченъ
Имъ страшный долгъ... а мы съ своимъ умомъ
Въ чужой душѣ что̀ смыслимъ? что̀ прочтемъ?..

II.

На мѣстѣ я изъ первыхъ былъ. Успѣли
Едва лишь подхватить ее — куафёръ,
Модистка и сложили на постели.
На головѣ богатый былъ уборъ,
А между тѣмъ глаза ужь потускнѣли...
А тутъ, кругомъ блескъ лампъ, трюмо, приборъ
Помадъ, духовъ и надо всѣмъ — незримый
Изъ вѣчности посолъ неумолимый.

Да, этотъ гость былъ всѣми ощутимъ...
Взглянулъ онъ всѣмъ въ глаза мертвящимъ взглядомъ,

Всѣмъ, въ ужасѣ стоявшимъ тутъ живымъ...
И дрогнули подъ праздничнымъ нарядомъ
У всѣхъ сердца... Эхъ! шутимъ мы, трунимъ
Надъ смертію, надъ судищемъ и адомъ, —
А покажись чуть-чуть она — ей, ей,
Раскланяться забудемъ даже съ ней!

Конечно все, какъ при внезапномъ громѣ,
Что̀ было дворъ, что̀ около двора,
Что̀ приживало въ старомъ барскомъ домѣ,
Все — въ будуаръ! явились доктора,
Но, главное, при этакомъ содомѣ,
Швейцаръ, безъ ногъ и впопыхахъ съ утра,
И не въ домёкъ, чтобъ, при событьи этомъ,
Отказывать являвшимся каретамъ.

И бальною, разряженной толпой
Весь домъ наполнился. Толпа врывалась
И въ будуаръ. При вѣсти роковой
Цвѣты, брильянты, гасло все, казалось.
Но надъ померкшей этой пестротой
Одна фигура рѣзко отдѣлялась:
Недвижно, руки на груди сложивъ,
И — точно съ вызовомъ на бой — вперивъ

Въ покойную упорный взглядъ, стояла
Одна предъ ней дѣвица. Все кругомъ
Ее какъ будто въ страхѣ обѣгало.
Чужимъ для всѣхъ, казалось, существомъ
Она была и точно предвѣщала
Что̀ роковое... Такъ передъ судомъ
Господнимъ ангелъ, можетъ быть, предстанетъ
Намъ возвѣстить, что — се грядетъ и грянетъ...

Сравненье это, впрочемъ, я схватилъ
Такъ, на лету... Передо мной ихъ много
Въ тотъ мигъ какъ будто вихорь проносилъ.
То вспоминалъ дельфійскаго я бога,
Когда стрѣлу въ Пиѳона онъ пустилъ,
То Каина мнѣ чудилась тревога,
Когда онъ смерть увидѣлъ въ первый разъ,
Оставшись съ мертвымъ братомъ глазъ-на-глазъ...

Въ разрѣзъ со всѣмъ была дѣвица эта.
Одѣта — самый будничный нарядъ —
Въ суконномъ черномъ платьѣ, безъ корсета,
И волосы откинуты назадъ
A l'étudiant. Ни брошки, ни браслета.
Всѣмъ уловить ея хотѣлось взглядъ,

Хотѣлось угадать, что̀ въ ней творится,
Что̀ на челѣ высокомъ отразится?

Но ничего — все тщетно! — не прочли!
Княжнѣ судьба какъ будто услужила,
Чтобъ угадать у мертвой не могли,
Какая мысль въ послѣдній мигъ застыла
У ней въ лицѣ, подъ дымкой poudre de riz, —
Но та, живая, юная, таила,
Пожалуй, глубже чувства, и вездѣ
Держалъ ихъ умъ въ натянутой уздѣ...

А между тѣмъ хотѣлося такъ страстно
Ихъ допросить... Не смерть ужь тутъ одна,
Тутъ шепотъ пробѣгалъ еще ужасный...
«Какъ? Эта самая... она... она —
«Воспитанница эта — вотъ прекрасно!
«Она ей — дочь?.. Возможно ли! княжна,
«La chaste Diane?.. И такъ все скрыто было?
И вотъ она-то, дочь, ее убила?..»

III.

И матери увозятъ дочерей
Скорѣе прочь. Во всѣ концы столицы
Летитъ толпа распугнутыхъ гостей;
Вѣстовщики помчались, вѣстовщицы,

Заволновался свѣтъ, и князь Андрей
Уже къ восходу розовой денницы,
Сообразя всѣ факты и слова,
Доказывалъ, что все — какъ дважды два...

«Во-первыхъ — сходство. Чудными глазами,
Извѣстно, отличался весь ихъ родъ.
Глаза княжны воспѣты и стихами,
И очень мѣтко: «въ нихъ гроза живетъ.
«Когда въ душѣ все тихо — то надъ нами
«Зарницами играетъ — все цвѣтетъ,
«Смѣется вкругъ; но мысль одна иль слово —
«И молнія разрушить міръ готова!

«И счастье, что надъ этою грозой
«Сильна такъ власть ума и сердца». — Это
Едва ль не самъ Гюго своей рукой
Вписалъ въ альбомъ княжны — два, три куплета.
У дѣвочки точь-въ-точь: и взглядъ такой,
Зрачки того жь измѣнчиваго цвѣта,
Рѣсницы только больше и острѣй,
И та же складочка между бровей.

«Засимъ — характеръ. Помните сравненье —
Вѣдь ваше — та была еще дитя —
Другъ противъ друга станутъ въ изумленьѣ,

Ужь больше словъ какъ бы не находя —
Ну, такъ похожи какъ изображенье
Большого Я и маленькаго я!
Въ обѣихъ та жь непогрѣшимость, вѣра
Въ себя и то жь произношенье *эра*...

«Ну-съ, а когда бывало та поетъ, —
Вѣдь у княжны, мы помнимъ, на всю залу
Бывало сердце просто тактъ ей бьетъ!
Ну-съ, а когда»... — «Да будетъ! Ну, пожалуй,
«Будь такъ, по-вашему!.. Мы послѣ счетъ
«Сведемъ грѣхамъ и всякому скандалу!..
«Теперь же вспомните — вѣдь кто угасъ?
«Кого не стало?.. Лучшей между васъ!..»

О, человѣкъ! о, слабое творенье!
За честь княжны я обнажаю мечъ,
А въ самого ужь крадется сомнѣнье,
И падаетъ на полусловѣ рѣчь...
А если — да?.. Какое откровенье!..
Но какъ же узелъ Гордіевъ разсѣчь?!..
Сравненье съ «Я» мое; безъ мысли всякой —
Княжна тогда вся вспыхнула однако!

Но пусть какъ знаютъ и рѣшатъ вопросъ!
Одно я помню: сколько счастья, свѣта

Съ собою въ домъ ребенокъ этотъ внесъ!
Что̀ красоты, гармоніи, привѣта
Въ самой княжнѣ Богъ вѣсть отколь взялось!
Ахъ, это былъ вѣнецъ ея расцвѣта!
Всѣ думали тогда: «ну! влюблена!
Да! наконецъ-то!»... Бѣдная княжна!..

•

Но маленькое «я» все подрастало
И начало тѣснить большое «Я»,
И выше все головку подымало.
Тутъ нуженъ сталъ ужь высшій судія,
И миротворцемъ няня выступала —
Старушка крѣпкая, хоть житія
Подъ пятьдесятъ тогда ей вѣрно было:
Она княжну вскормила и взрастила.

Она, внизу заслыша только «бой»,
Взойдетъ да покачаетъ головою,
Да на княжну посмотритъ — какъ водой
Ее обдастъ, и ласково рукою
Потреплетъ дѣвочку: «ну, ты, герой,
Поди-ка повинись передъ княжною», —
И та на шею къ нянѣ, а потомъ
Ужь и къ княжнѣ, и плачутъ всѣ втроемъ...

Но эти бури только лишь скрѣпляли
Союзъ сердецъ. Уютна и тиха
Текла ихъ жизнь, и въ ладъ сердца стучали
Какъ два съ богатой риѳмою стиха.
Одна росла; глаза другой читали
Въ ея душѣ, и не было грѣха
(Какіе же грѣхи!), ни мысли тайной,
Чтобы отъ нихъ укрылись хоть случайно!

И дивный миръ ихъ души наполнялъ,
И все вокругъ сіяло чистотою,
И къ нимъ входя порой я ощущалъ,
Что вотъ сейчасъ же, спугнутый лишь мною,
Отъ нихъ какъ будто ангелъ отлеталъ...
Княжна умѣла обладать собою,
И хоть входилъ я къ нимъ съ доклада слугъ, —
Въ ней точно легкій пробѣгалъ испугъ...

IV.

Ахъ, эти дни! Ужь какъ они далеко!
Я молодъ былъ... я принятъ былъ княжной
Такъ, за́просто... О, какъ стоитъ высоко
Она, всегда казалось, предо мной!
Нѣтъ, свѣтъ ее не зналъ, я былъ глубоко
Въ томъ убѣжденъ: плѣняясь красотой,

Героя видитъ только въ полѣ боя!
Нѣтъ, какъ онъ дома, посмотри героя!

И этотъ дѣдовскій, старинный домъ
Въ одинъ этажъ какимъ-то властелиномъ,
Съ задумчиво нахмуреннымъ челомъ,
Стоялъ съ своимъ высокимъ мезониномъ,
Съ колоннами... два льва передъ крыльцомъ...
Теперь, увы! запаснымъ магазиномъ
Иль складомъ служитъ, съ улицы же онъ
Другимъ большимъ совсѣмъ загороженъ...

Внутри же эти залы — точно храмы
Исторіи... Портреты вамъ твердятъ:
Бендеры, Куннерсдорфъ, гдѣ самъ упрямый
Великій Фридрихъ былъ разбитъ... весь рядъ,
Все служитъ исторической рамой
Жилымъ покоямъ, гдѣ «Армидинъ Садъ»,
Какъ говорили, гдѣ ужь шло движенье
Вокругъ самой, при новомъ освѣщеньѣ...

Но этотъ старый міръ въ пыли, въ тѣни,
Изъ сумрака вѣковъ какъ бы глядящій
Разумнымъ окомъ, въ шумѣ болтовни
И смѣха строгій видъ одинъ хранящій,

Лишь съ глазу-нà-глазъ намъ про наши дни,
Про насъ самихъ свой судъ произносящій —
Княжна ихъ понимала ль?.. Да!.. Но какъ?
По-своему... Одинъ тамъ былъ чудакъ,

Чудакъ совсѣмъ особеннаго рода,
Не дѣдъ, и не отецъ — послѣдній былъ
Лихой гусаръ Двѣнадцатаго Года
И декабристъ — въ Парижѣ больше жилъ;
Дѣдъ — вольтерьянецъ: вѣкъ такой ужь, мода
Тогда была. Нѣтъ; тотъ, который слылъ
При жизни чудакомъ, — глубоко чтила
Его княжна, хоть часто говорила:

«Il me fait peur parfois, мой прадѣдъ — тотъ,
Чтò съ Фридрихомъ сражался. Онъ желѣзный
Былъ человѣкъ; фантастъ во всемъ, деспотъ;
Какъ на войнѣ ни пропасти, ни бездны
Ему ничто, и самъ всегда впередъ, —
Онъ для солдатъ былъ идолъ ихъ любезный —
Таковъ и въ мирѣ! ужасъ наводилъ
На цѣлый край! Чего ужь не творилъ!

«Въ дому — гаремъ; дѣла по всѣмъ приказамъ, —
И вдругъ онъ всю губернію зоветъ

На пиръ. Всѣ ѣдутъ. Всѣ къ его проказамъ
Привыкли. Ждутъ. И вотъ двѣнадцать бьетъ,
И въ черной ризѣ входитъ попъ. Все разомъ
Смолкаетъ, музыканты, пиръ. Встаетъ
Съ сидѣнья князь и — въ ноги всѣмъ, прощенья
Прося за всѣ грѣхи и преступленья,

«Гостямъ, женѣ и людямъ, въ ноги всѣмъ.
Приносятъ гробъ — ложится. Попъ читаетъ
Надъ нимъ отходную, и онъ затѣмъ
Какъ бы совсѣмъ изъ міра исчезаетъ...
Дверь на запоръ — и двадцать лѣтъ ни съ кѣмъ
Не говоритъ, не видится. Вкушаетъ
Лишь хлѣбъ съ водой. Когда же умеръ, тутъ
На немъ нашли вериги слишкомъ въ пудъ.

•

«En v'là un homme!..» Да, въ человѣкѣ этомъ
Та крѣпкая сказалась старина,
Что̀ вынесла Россію... Предъ портретомъ
Подолгу такъ стоитъ порой княжна.
На немъ онъ былъ изображенъ атлетомъ,
Генералъ-аншефъ. Живопись темна,
И лишь глаза, ихъ взглядъ невозмутимый,
Ихъ каждый чувствовалъ, кто шелъ лишь мимо.

«Смирился, нянька говоритъ о немъ,
И спасся... и въ ея понятьяхъ это
Возможно и теперь... прійти — во всемъ
Покаяться — и умереть для свѣта!
Въ Ерусалимъ уйти, одной, пѣшкомъ...
Какъ просто все у нихъ! Все кѣмъ-то, гдѣ-то,
Уставлено...» сказала разъ она...
Я думалъ: ей, хандрите вы, княжна!

А въ Крымъ поѣздка?.. Жажда ль искупленья
Во дни войны туда ее вела?
Тамъ весь дворецъ она въ своемъ имѣньѣ
На берегахъ Салгира отдала
Подъ госпиталь... что̀ ангелъ воскресенья
Для страждущихъ у ихъ одра была...
Охъ, узнаю! подъ бранной лишь грозою
Становишься ты, Русь, сама собою!..

Геройскій духъ, что̀ тамъ осуществилъ
Великую въ народахъ эпопею,
На всѣхъ свой отблескъ славный положилъ,
Всѣхъ озарилъ поэзіей своею...
Генералъ-аншефъ — что̀ жь, доволенъ былъ?
Доволенъ былъ и очень, думать смѣю!

Когда княжна, изъ Крыма воротясь,
О тамошнихъ дѣлахъ вела разсказъ,

О томъ, какъ подъ огнемъ, на бастіонахъ,
Шутя со смертью, смѣхъ не умолкалъ;
Какъ наконецъ, въ виду враговъ смущенныхъ
Нашъ старый вождь имъ городъ оставлялъ.
«Въ развалинахъ твердынь окровавленныхъ», —
Суровый аншефъ точно повторялъ:
«Парижскій миръ — не велика проруха!
За нами главное: побѣда духа!..»

Съ загаромъ на лицѣ, душа полна
Невѣдомыхъ дотолѣ впечатлѣній,
Какъ хороша тогда была княжна!
Что̀ въ этотъ міръ ничтожныхъ треволненій
Въ салонный свѣтъ свой принесла она
И новыхъ чувствъ, и новыхъ откровеній,
Душой святому подвигу ужь разъ
Со всѣмъ народомъ купно причастясь!..

V.

А если—дочь?.. такъ вотъ она, изнанка
И тайный смыслъ тревогамъ и слезамъ!

Такъ вотъ она какая «Итальянка!»
Въ Италіи подобрана, вишь, тамъ!
Вотъ для кого нужна и Англичанка,
Француженка и Нѣмка—языкамъ,
Предметамъ обучать, а тамъ, съ годами,
Учителя—и что съ учителями!..

«Вотъ за дѣтей кто Богу дастъ отвѣтъ!»
Княжна, бывало: «ужь не то что̀ Жени,
Большому оглупѣть!.. j'en perds la tête!
Тотъ буквы *ѣ* и *ъ*, а тотъ спряженій
Не признаетъ!.. Поэзіи—ужь нѣтъ!
Одинъ, такъ вмѣсто всякихъ упражненій
Въ грамматикѣ, сталъ дѣвочку учить—
Да нѣтъ! о томъ *мнѣ* стыдно говорить!

«Взяла другого. Чѣмъ же началося?
Читать стихи далъ Пушкина «Поэтъ»,
И сдѣлалъ двѣсти тридцать два вопроса,
Чтобъ дѣвочка на всѣ дала отвѣтъ.
На этомъ—годъ ученье уперлося!
Да всѣ поэты опротивятъ!.. Нѣтъ,
Они—о, прелесть!—сдѣлали открытье,
Что нужны намъ не знанья, а—развитье!»

Развитье, впрочемъ, удалось,—хотя
Въ ущербъ грамматики, и Музъ, и Грацій.
Но что-то въ насъ проснулося, свѣтя
Огнемъ въ глазахъ; мы все, безъ аппеляцій,
Рѣшили въ мигъ; всѣ силы посвятя
Развитью смертныхъ безъ различья націй,
Мы стали «женщиной» въ осьмнадцать лѣтъ,
Въ которой все новò отъ *A* до *Z*.

Въ то время всѣ, Севастопольскимъ громомъ
Отъ гордой дремоты пробуждены,
Мы кинулись ломать киркой и ломомъ
Все старое, за всѣ его вины;
Вдругъ очутились въ мірѣ незнакомомъ,
Гдѣ снились всѣмъ блистательные сны,
Свобода, правда, честность, просвѣщенье
И даже—злыхъ сердецъ перерожденье...

И у княжны сіялъ тогда салонъ;
Сужденья были пламенны и смѣлы,—
По умѣрялъ ихъ вкусъ, хорошій тонъ,
И знала мысль разумные предѣлы.
Потомъ все въ стройный облеклось законъ,
И жизнь пошла и началося дѣло,

Корабль былъ спущенъ—лозунгъ кормчимъ данъ—
И мы вошли въ безбрежный Океанъ...

Все Женя слушала—и не бѣда бы...
Но тутъ къ княжнѣ племянничекъ ходилъ,
Блондинъ и золотушный мальчикъ, слабый
И въ золотыхъ очкахъ. Онъ подружилъ
Своихъ «сестричекъ» съ Женей: «то-то бабы,
Да-съ, Новая Россія!»—онъ твердилъ:
«Не нѣженки, не шваль, не сибаритки!
Все вынесутъ, и казематъ, и пытки!»

Смѣшные были: сядутъ всѣ кружкомъ
Какъ заговорщики; такъ смотрятъ строго
Изъ-подъ бровей и шепчутся тайкомъ.
На все отвѣтъ короткій, словъ не много,
Отрубятъ разъ, и ужь стоятъ на томъ.
Княжна терялась: рѣзкость мысли, слога,
«Ужасный тонъ» и эта брань на свѣтъ,
Что это міръ фразерства, лжи, клеветъ...

«Откуда это? что̀ это такое?
Послушать ихъ, такъ всѣ мы только лжемъ,
Живемъ, чтобы жуировать въ покоѣ
И праздности! свой «комфортъ» создаемъ

На крови и костяхъ! а остальное—
Народъ, le peuple, держимъ подъ ярмомъ
Въ невѣжествѣ, чтобъ намъ покорны были.—
Народъ, который мы жь освободили!..

«А о себѣ что̀ думаютъ! какой
При этомъ фанатизмъ! Въ огонь и воду
Сейчасъ готовы! *жертвуютъ* собой!
Увѣрены, что бѣдному народу
Въ нихъ лишь спасенье! Вѣкъ, вишь, золотой
Откроютъ, братство, равенство, свободу!
Ну—пусть племянникъ—онъ ужь изъ пажей
Былъ исключенъ,—но Женя? съ ней что̀, съ ней?»

Княжна терялась, и что̀ день, то видитъ,
Все хуже. Началось молчанье. Споръ
Лишь вспышками, бывало, только выйдетъ.
И помню разъ: «Всѣ эти толки вздоръ!
Княжна сказала съ жаромъ: «ненавидитъ
Она меня—вотъ въ чемъ весь разговоръ!»
И разрыдалась. Мнѣ досадно стало:
Вѣдь малодушье только оказала!

VI.

Пропало все веселіе у насъ!
Весь домъ затихъ, и пѣнье замолчало
И музыка какъ бы оборвалась;
Какъ будто два хозяина въ немъ стало
И на-двое душа разодралась,
Что̀ въ немъ жила и жизнь всему давала,
И стало двѣ, и каждая съ враждой
Слѣдитъ упорно всюду за другой...

«Хоть кто-нибудь придите, ради Бога,
Да помогите!..» Слава въ дни тѣ шла
Про одного въ столицѣ педагога—
Княжна тотчасъ его и позвала,
Про умъ его наслышавшися много,
А главное, что велъ свои дѣла
Онъ безъ педантства, дѣйствуя съ успѣхомъ
На молодежь ироніей и смѣхомъ.

Ужь былъ въ чинахъ и въ гору вдругъ пошелъ,
Благодаря проекту пересадки
Какихъ-то къ намъ изъ-за границы школъ.

Введись-ка планъ и всѣ его порядки,
Онъ, увѣряютъ, чудо бъ произвелъ!
Вся бъ наша Русь, отъ Прута до Камчатки,
Однообразіемъ плѣняя взглядъ,
Вся бъ обратилась въ чудный дѣтскій садъ!

Прекрасная и смѣлая попытка
Уравновѣшенья духовныхъ силъ!
У насъ въ умахъ не стало бъ ни избытка,
Ни недостатка: все бъ онъ устранилъ,
Всѣ бъ ровно шли, ни вяло и не прытко.
И вотъ свой планъ онъ въ общемъ изложилъ;
Потомъ, когда ужь по его расчетамъ
Была пора, онъ ловкимъ поворотомъ

На главный пунктъ направилъ разговоръ,
Что, молъ, хаосъ вездѣ, раздоръ, тревога:
Мальчишки—даже тѣ вошли въ задоръ,
Учителямъ толкуютъ, что нѣтъ Бога,
Отечество, религія—все вздоръ!
Что требуютъ отъ нихъ ужь слишкомъ много,
И съ важностью взъерошивши вихры,
Шипятъ: одно спасенье—топоры!

«Пусть мальчики бъ одни, молокососы,—
Нѣтъ съ барышнями справы! Покидавъ

И музыку, и пяльцы, рѣжутъ косы,
И, какъ-то вдругъ свирѣпо одичавъ,
Въ лицо кричатъ намъ: вы, молъ, Эскимосы,
У женщинъ все украли! Правъ намъ, правъ!
Работы намъ, разбойники, работы!..
Какъ будто мы-то трудимся съ охоты!..»

Онъ былъ доволенъ. Думалъ—удалось.
Смѣялся больше всѣхъ, но не смѣялась
Лишь молодежь; и только поднялось
Все общество, какъ Женичка подкралась
И показала педагогу «носъ»,
И съ хохотомъ наверхъ къ себѣ помчалась;
Блондинъ же хамкнулъ: «въ полдорогѣ, братъ,
Глупцы да подлецы одни стоятъ».

Какъ полководецъ потерявъ сраженье,
Стоялъ нашъ риторъ... Но грустнѣй всего,
Что вывела такое заключенье
Потомъ княжна по поводу его:
«Пусть Жени неприлично проявленье,—
Но въ сущности и стòитъ онъ того:
Они всѣ—красные! кто такъ, изъ моды,
Отъ глупости, кто плутъ ужь отъ природы».

VII.

А занимала Женичка меня!..
Былъ у княжны обѣдъ—кой-кто изъ свѣта
И, между знаменитостями дня,
Ея друзья, извѣстныхъ два поэта.
Одинъ—онъ чудная душа! огня,
Любви исполненъ, жаждалъ мира, свѣта,
Могъ все имѣть, но презрѣлъ блескъ и шумъ,
И предпочелъ свободу чистыхъ думъ...

Онъ горячо душой скорбѣлъ за долю,
Что̀ Русскому народу суждена.
Разбросанъ по лѣсамъ, прикованъ къ полю,
Онъ искони и самъ, и вся страна
Обречены на вѣчную неволю...
Сперва—Орда!.. едва низложена,
Встаетъ Москва—съ ней батоги и плаха,
И какъ Молохъ царитъ лишь силой страха...

«Чѣмъ можемъ мы гордиться? гдѣ тутъ честь?
Гдѣ рыцарство? Крестовые походы?
Гдѣ революціи святая месть?

Гдѣ истины исканье и свободы,
Что̀ человѣчеству могла принесть
Россія въ даръ, чтобы ее народы
Благословить могли? Что̀ создала?
Угрозой лишь для нихъ всегда была!

«А жаль! Народъ съ душой какъ міръ широкой,
Съ поэзіей, со страстью и умомъ!..»
Всѣ поняли порывъ души высокой,
И князь Андрей воскликнулъ съ торжествомъ:
«Я говорю, поплатимся жестоко
За гордость мы, и бѣды наживемъ:
Дождутся эти наши самоучки,
Что насъ возьмутъ, да въ Азію подъ ручки!»

Тутъ вышелъ споръ... Не чудно ли, ей-ей!
Россія! ты—съ заоблачной главою
Разлегшійся между пяти морей
Чудесный сфинксъ,—а мы передъ тобою,
Предъ вѣчною загадкою твоей,
Кружимъ, жужжимъ, подобно мошекъ рою,
И споримъ,—ты же, въ думу углубясь,
Глядишь куда-то... только не на насъ...

Другой поэтъ—онъ, голову понуря,
Сидѣлъ и слушалъ, но въ душѣ его

Ужь видимо накапливалась буря...
О, полное видѣній существо!
Я какъ теперь гляжу: глаза зажмуря,
Какъ бы помимо зримаго всего,
Ты въ глубь вѣковъ уносишься душою,
И говоришь какъ будто самъ съ собою:

«Да, бѣдная Россія!.. Лѣсъ и боръ,
А съ юга—степь! Не обозрѣть равнину!
И въ людяхъ: *родъ возста на родъ,* раздоръ,
Живяху бо по образу звѣрину...
И вотъ туда идетъ съ Аѳонскихъ горъ
Смиренный инокъ, что̀ *во челюсть львину,*
И дикарямъ являетъ идеалъ,
Что̀ на крестѣ Распятый міру далъ...

«Идетъ одинъ—въ лѣса, въ мѣста глухія—
До Соловковъ—и́ край преображенъ!..
Нахлынули народы кочевые,
Встаетъ Исламъ и Папа, съ трехъ сторонъ
Крушится все, крушится Византія,
Но ужь въ Москвѣ оплотъ сооруженъ,
И пробилъ часъ изъ мрака ей изыти
Какъ третій Римъ, четвертому жь не быти...

«И сталъ отсель ея народовъ духъ
Единъ хранитель истины Христовой...
Что̀ жь? Продолжать?..» Смотря съ улыбкой вкругъ
Спросилъ поэтъ:—«Одно лишь, впрочемъ, слово!
Мы—высшій свѣтъ—мы спрашиваемъ вдругъ,
Что̀ создала Россія, и намъ но̀во,
Въ чаду чужихъ идей забывъ свое,
Припомнить то, что̀ создало ее!..

«Тамъ—силой міръ былъ сплоченъ феодальный
И пестрый сбродъ племенъ въ одинъ народъ;
Здѣсь весь народъ, дотоль какъ бы опальный
Великое призванье сознаетъ,
И ради той идеи колоссальной
Онъ весь—отъ смерда до царя—идетъ
И государству въ крѣпость отдается,
И терпитъ все, лишь вѣра да спасется!

«И вотъ предсталъ онъ въ образѣ Петра
Предъ міромъ вдругъ какъ грозный тріумфаторъ...
Содрогся міръ: ужь не пришла ль пора,
И ужь идетъ Восточный императоръ?..
Но тутъ и блескъ Версальскаго двора,
И Запада профессоръ и ораторъ

Плѣнили насъ, повѣрили мы имъ,—
Да на раздумьи грустномъ и стоимъ!..»

Поэтъ умолкъ. Въ его горячемъ словѣ
Послышалась такая глубина,
Что смолкли всѣ... «E pur si muove»,
Послышалось—«и все идетъ она,
Все та жь *святая* Русь, своей основѣ,
Сама того не вѣдая, вѣрна!
И все ей въ прокъ! Что̀ нынче такъ оставитъ,
То завтра взять само себя заставитъ»...

То высказалъ какой-то старичокъ,
Когда-то бывшій консулъ на Востокѣ.
Онъ продолжалъ: «Востокъ—намъ свѣтъ, Востокъ!
Въ Россіи—всѣ несемся мы въ потокѣ;
Намъ не видать, куда летитъ потокъ,
Что̀ Океанъ могучій и широкій!
Нѣтъ! встань на Гималай, смотри съ Балканъ,
Лишь тамъ поймешь ты этотъ Океанъ!..»

Его слова затронули поэта,
Онъ подхватилъ: «И только бъ раздалось
Съ высотъ Кремля и до высотъ Тайгета
Одно словцо,—и разрѣшенъ хаосъ!

Словцо—Восточный Императоръ»... Это
Я потому привелъ, что весь вопросъ
Тогда же предложилъ на обсужденье
Дѣвицъ, и Женя высказала мнѣнье:

«Нашъ вѣкъ—слова чеканила она—
Вѣкъ личности. И разумъ и свобода—
Его девизъ. Былая жизнь должна
Окончиться для всякаго народа;
И будетъ жизнь людей вездѣ одна,
Безъ государствъ и безъ различья рода
И племени».—«Коммуна, такъ-сказать?»
«Какъ вамъ угодно можете назвать,

«А ужь такъ будетъ».—«Это ваша вѣра?»
Спросилъ я.—«Математика», отвѣтъ.
«Я не люблю ханжи и лицемѣра,
Но искренни тотъ и другой поэтъ,—
Да старики!.. Для нихъ свята химера
Ихъ государства!.. Тысячи вѣдь лѣтъ
Уходятъ на него умы, таланты...
А про святыхъ онъ—ну, ужь, обскуранты!»

VIII.

Потомъ я видѣлъ Женю только разъ.
Кой-кто собрался. Свѣтская, живая

Шла болтовня, и Женя, наклонясь
Въ углу между своихъ надъ чашкой чая,
Ну—отпускать «словца» на всѣхъ на насъ
И вслухъ. «Какая же вы нынче злая»,
Сказалъ я ей, смѣясь, какъ всѣ ушли.
Она жь запальчиво: «жгу корабли!»

Тотъ вечеръ былъ рѣшительный. Пропала
Она изъ виду съ этихъ поръ. Княжна
Старалась скрыть отъ свѣта все, сначала.
Все вышло такъ: оставшися одна,
Ужь проводивъ гостей, она послала
Позвать къ ней Женю. Въ этотъ разъ она
Явилася тотчасъ же предъ княжною,
Но—Боже!—какъ?.. Съ обрѣзанной косою!..

Княжна лишь ахнула. И вдругъ, въ сердцахъ:
«Вонъ, стриженая, вонъ!» Не дрогнувъ бровью,
Та повернулась и пошла. Въ слезахъ
Легла княжна въ постель. На утро—кровью
Въ ней сердце облилось: нѣтъ Жени! страхъ,
Двоякій страхъ: и поприще злословью,
Да и жива ль?.. И какъ она могла?
И отчего, зачѣмъ, куда ушла?..

Куда ушла!.. Въ невѣдомое море!
Какъ утлый челнъ, оторванный волной!
Что̀ жь манитъ такъ тебя въ его просторѣ?
Какую пристань видишь предъ собой,
Безумная!.. Нѣтъ пристани! лишь горе
Да вѣчное скитанье предъ тобой!
И часъ прійдетъ—очнешься ты надъ бездной
Разбитая, одна, во тьмѣ беззвѣздной...

Я говорилъ, но ужь трещалъ канатъ,
Ужь вѣтеръ дулъ; она лишь улыбалась!
Гремѣлъ громовъ далекихъ перекатъ,
Въ ея глазахъ лишь пламя разгоралось,
И на меня поднявъ съ насмѣшкой взглядъ,
Она хотѣла высказать, казалось:
«Ты слышишь ли что̀ сердце мнѣ поетъ?
Звучнѣе ль пѣснь мнѣ разумъ твой найдетъ?..»

О, если бы да нашъ не зачерствѣлый
Въ сомнѣньяхъ умъ иную тему далъ,
И сами бъ мы увѣренно и смѣло
Держали путь на свѣтлый идеалъ,—
Иную пѣснь тогда бъ ей сердце пѣло,
Иной бы вѣтеръ челнъ ея помчалъ!..

Но развѣ въ насъ душа такъ обнищала,
Что у самихъ у насъ нѣтъ идеала?

И, цвѣтъ народа, мы бредемъ въ потьмахъ,
И мечемся въ кругу какъ эфемеры,
Безъ вѣрной цѣли, безъ любви въ сердцахъ,
Безъ корня, безъ плода?.. Для насъ—химеры
Добро и зло? и для всего въ рукахъ
У каждаго свои вѣсы и мѣры?
Нѣтъ идеала, нѣтъ того у насъ,
Что̀ живо такъ въ инстинктѣ темныхъ массъ?

Нѣтъ, много ихъ, но служатъ лишь отзывомъ
Всѣ на чужой! Побрежный людъ, должны
Бороться мы безъ устали съ приливомъ
Къ намъ издали катящейся волны...
Взлетитъ къ намъ всплескъ неистовымъ порывомъ
Богъ знаетъ гдѣ взмущенной глубины,
Зальетъ поверхность, и, до новой смѣны,
Уйдетъ, оставя гнить здѣсь клубы пѣны...

IX.

Отъ Жени, впрочемъ, на столѣ у ней
Нашлась записка: «Рано или поздно

Мы разойтись должны, и чѣмъ скорѣй,
Тѣмъ лучше. Вмѣстѣ жить, глядѣть же розно—
И тяжело и подло. Изъ дѣтей
Я вышла. Въ жизнь давно смотрю серьезно.
Иду. Вамъ не понять, чего ищу
Ищу я *правды;* правды лишь хочу».
И все. . . . . .

X.

О, какъ съ тѣхъ поръ всѣ измѣнились лица!
И какъ неправъ къ княжнѣ я былъ! Она,
Видалъ я, то какъ бѣшеная львица
По комнатѣ металась: «Я сильна,
Скажу лишь слово, и она, срамница,
Ужь будетъ здѣсь!.. Я ѣзжу къ ней, княжна!
Прошу, молю... и что́ жь я ей? Забава?
Наладила одно:—У васъ нѣтъ права!»

Не то, такъ слезы, малодушный стонъ.
Лицо въ подушку, и рыдаетъ страстно...
Я изумленъ бывалъ и возмущенъ
Я думалъ: вотъ онъ, деспотъ самовластный!
Привыкла жить и не встрѣчать препонъ,
И вдругъ теперь отъ сироты несчастной

Нашла отпоръ!.. Конечно, права нѣтъ!
Не дочь тебѣ и вышла ужь изъ лѣтъ...

Но... если бъ знать, что въ этихъ мукахъ лютыхъ
Больное сердце матери скорбитъ;
Что это—львица въ собственныхъ же путахъ
Захлестнута, безсильная, лежитъ;
Что въ этихъ горькихъ дняхъ, часахъ, минутахъ
Всей жизни ложь несчастную казнитъ...
О, какъ теперь все кажется иначе!
Любви что̀ было въ гнѣвѣ томъ и плачѣ!..

Любви!.. И вотъ чего ей не понять:
«Такъ измѣниться вдругъ!.. И отчего же?
Ребенкомъ безъ меня не шла и спать,—
Откуда жь ненависть? за что̀? за что̀ же?»
Да, да, княжна! теперь могу сказать:
Въ госпиталѣ вамъ легче было (Боже!),
Гдѣ вольный крестъ на рамена взложивъ,
Вы въ воздухѣ вдыхали кровь и тифъ!..

Такъ слишкомъ годъ прошелъ. О бѣгствѣ Жени
Узнали всѣ, жалѣли о княжнѣ.
Сама она отъ первыхъ потрясеній
Ужь успокоилась, и даже мнѣ

О ней ни слова. Впрочемъ, нà домъ тѣни
Какъ будто пали. Въ мертвой тишинѣ
Княжна какъ будто погреблась. Часами
Сидитъ, охватитъ голову руками,

Не слышитъ ничего, не говоритъ...
Или въ огромномъ залѣ ходитъ, ходитъ...
Поѣдетъ вдругъ въ соборъ и тамъ стоитъ,
Спустивъ вуаль; съ Пречистой глазъ не сводитъ,
И руки жметъ, душа вся къ Ней летитъ,
И шепчетъ Ей, и точно не находитъ
Словъ, наконецъ, на помостъ упадетъ...
А вкругъ — кадилъ бряцанье... хоръ поетъ...

Такъ подошелъ и балъ. И какъ все было,
Мнѣ куафёръ разсказывалъ потомъ.
Княжна казалась въ духѣ, и шутила,
Прической любовалась и вѣнкомъ...
Вдругъ входитъ та, да разомъ и хватила:
«Позвольте документы о моемъ
Рожденьи. Замужъ выхожу. Желаютъ
Читать попы. Иначе не вѣнчаютъ».

Княжна глядитъ недвижна и нѣма.
Та жь, глазъ не опуская, безъ смущенья:

«А не дадите, такъ пойду сама
И разскажу все въ Третьемъ Отдѣленьѣ.
Я знаю, чья я дочь». — «Да ты съ ума
Сошла! чья дочь!» — «Да ваша». Въ то жь мгновенье
Глядимъ, княжна шатнулась: «Эдуаръ»,
Кричитъ — «воды!» — И кончилась. Ударъ.

Тутъ шумъ и гвалтъ. Никакъ уже скандала
Не избѣжать. Прихлынули толпой.
Очнулась няня первая и стала
Всѣхъ просто гнать. Тотчасъ, сама собой,
Ставъ выше всѣхъ, она уже вступала
Въ безспорныя права надъ трупомъ той,
Что̀ ей младенцемъ, съ Божья изволенья,
Была дана въ любовь и береженье.

Осталась только Женя какъ была,
Да я промѣшкалъ нѣсколько мгновеній.
Крестясь, старуха къ трупу подошла.
«Чего жь стоишь, простись!» сказала Жени.
Та только тутъ какъ будто поняла.
Въ лицѣ невольныхъ нѣсколько движеній,
И вдругъ — что̀ вижу? — Женя — Боже мой!..
Та, гордая, статуей роковой

Стоявшая, какъ будто ледяная,
Обрушилась внезапно надъ княжной,
И страстно трупъ холодный обнимая,
Къ княжнѣ на грудь прижалась головой
И плакала... и плакать не мѣшая,
Взглядъ на нее кидая лишь косой,
Кругомъ старушка стала прибираться...
Мнѣ долѣе не шло ужь оставаться...

XI.

О, тутъ романъ и интересъ огромный,
Я чувствовалъ... Но нить ужь порвана!
Одинъ источникъ, но источникъ темный,
Старушка няня, и притомъ она
Къ княжнѣ пристрастна, вѣрный, не наемный,
Старинный человѣкъ, и хоть умна,
Но гдѣ жь понять ей высшихъ сферъ волненье,
И тонкость чувствъ, и даже словъ значенье!..

Весь вѣкъ съ княжной, и странствовала съ ней
И нà воды и по столицамъ міра,
Видала жизнь народовъ и людей
До береговъ почти Гвадалквивира,

«А не дадите, такъ пойду сама
И разскажу все въ Третьемъ Отдѣленьѣ.
Я знаю, чья я дочь». — «Да ты съ ума
Сошла! чья дочь!» — «Да ваша». Въ то жь мгновенье
Глядимъ, княжна шатнулась: «Эдуаръ»,
Кричитъ — «воды!» — И кончилась. Ударъ.

Тутъ шумъ и гвалтъ. Никакъ уже скандала
Не избѣжать. Прихлынули толпой.
Очнулась няня первая и стала
Всѣхъ просто гнать. Тотчасъ, сама собой,
Ставъ выше всѣхъ, она уже вступала
Въ безспорныя права надъ трупомъ той,
Что̀ ей младенцемъ, съ Божья изволенья,
Была дана въ любовь и береженье.

Осталась только Женя какъ была,
Да я промѣшкалъ нѣсколько мгновеній.
Крестясь, старуха къ трупу подошла.
«Чего жь стоишь, простись!» сказала Жени.
Та только тутъ какъ будто поняла.
Въ лицѣ невольныхъ нѣсколько движеній,
И вдругъ — что̀ вижу? — Женя — Боже мой!..
Та, гордая, статуей роковой

Стоявшая, какъ будто ледяная,
Обрушилась внезапно надъ княжной,
И страстно трупъ холодный обнимая,
Къ княжнѣ на грудь прижалась головой
И плакала... и плакать не мѣшая,
Взглядъ на нее кидая лишь косой,
Кругомъ старушка стала прибираться...
Мнѣ долѣе не шло ужь оставаться...

XI.

О, тутъ романъ и интересъ огромный,
Я чувствовалъ... Но нить ужь порвана!
Одинъ источникъ, но источникъ темный,
Старушка няня, и притомъ она
Къ княжнѣ пристрастна, вѣрный, не наемный,
Старинный человѣкъ, и хоть умна,
Но гдѣ жь понять ей высшихъ сферъ волненье,
И тонкость чувствъ, и даже словъ значенье!..

Весь вѣкъ съ княжной, и странствовала съ ней
И нà воды и по столицамъ міра,
Видала жизнь народовъ и людей
До береговъ почти Гвадалквивира,

Фортуны прихоти, игру страстей,
Всего видала на вѣку, но мира
Души ея ничто не потрясло,
И, какъ миражъ, все мимо лишь прошло...

Ничто ее не подчинило игу
Ни чуждыхъ формъ, ни вѣяній чужихъ;
Неся свой крестъ какъ вольную веригу,
Она жила все въ мірѣ душъ простыхъ,
Гдѣ набожно одну читаютъ книгу,
Одной лишь вѣрятъ: Житія Святыхъ,
Какъ встарь еще, въ блаженные тѣ вѣки,
О внутреннемъ радѣя человѣкѣ...

Но какъ же быть! Всѣ бросилися къ ней
Какъ на медовый цвѣтъ шмели и осы.
«И каково жь! представьте (князь Андрей
Разсказывалъ потомъ): на всѣ разспросы
Насупилась, молчитъ! глядитъ темнѣй
Чѣмъ изъ-подъ тучъ Каламовы утесы!
Ужь я просилъ, все ставилъ ей на видъ
И соблазнялъ, и уличалъ, — молчитъ!..»

Я спрашивать не думалъ ужь ни мало,
И вообще жалѣлъ лишь о княжнѣ.

«Вотъ подивись, она мнѣ разсказала:
Вхожу къ ней утромъ. Вижу — вся въ огнѣ,
И говоритъ — какъ разъ канунъ былъ бала —
Я видѣла прадѣдушку во снѣ:
Что̀ жь? говорю. — Да приходилъ за мною.
Ну, полно, я опять, Господь съ тобою!

«Перекрестила, ну, молъ, ничего!
Анъ—вотъ и сонъ!» Межь тѣмъ ужь въ ходъ пустили
И телеграфъ, и почту; до всего
Дошли и все какъ должно разъяснили,
И князь Андрей скакалъ (о, торжество!)
Разсказывать, какія вѣсти были
Получены имъ первымъ: въ мигъ одинъ
Онъ просіялъ и выросъ на аршинъ!

Я, кажется, безъ очерка оставилъ
Вамъ князь-Андрея? Впрочемъ, про него
Что̀ жь и сказать? Себя онъ не прославилъ
Ничѣмъ, хотя честили всѣ его;
Ни чертъ лица особенныхъ, ни правилъ...
Милѣйшее былъ, впрочемъ, существо!
Княжна его хоть въ шутку называла
Le Prince Tout le Monde, но очень уважала.

«Cette pauvre princesse!» онъ говорилъ: «какъ разъ
Tout est connu! Теперь все очень ясно!
Экстазъ, религіозный былъ экстазъ —
И — оскорбленье! Переходъ ужасный!
Душа искала пищи, а у насъ
Гдѣ эта пища — да съ такою страстной
Притомъ натурой?.. Ну-съ, въ Парижѣ былъ
Тому лѣтъ двадцать проповѣдникъ. Слылъ

«Онъ за святого. Дѣлалъ обращенья
Во множествѣ. Un saint François собой,
Аскетъ, траппистъ. Княжнѣ какъ откровенье
Онъ свыше былъ. Всей бросилась душой
Въ католицизмъ. Ужь всѣ приготовленья
Окончены, и вдругъ какъ громовой
Ударъ — уѣхала!.. И вотъ теперь — разгадка!
Faut convenir, что сдѣлано все гладко!»

И радъ былъ, радъ и счастливъ князь Андрей.
Свѣтъ былъ не то что радъ, но злоязычью
Дать пищу радъ; радъ каждый былъ пигмей
Подставить ножку падшему величью
(Самоуслада маленькихъ людей), —
Но внѣшнему не измѣнилъ приличью,

Въ глубокомъ траурѣ и въ орденахъ
На пышныхъ весь онъ былъ похоронахъ...

Шли рѣчи въ группахъ... образъ величавый
Еще въ сердцахъ у всѣхъ былъ какъ живой.
И кто ее замѣнитъ: столько здравой
Въ ней было мысли, этотъ взглядъ прямой,
Возвышенный характеръ, вкусы, нравы...
Вопросъ же насчетъ Жени судъ людской
Такъ порѣшилъ: «да! анекдотъ скабрёзной,
Но ей вольно же брать все такъ серьезно!..»

«Что̀ анекдотъ, ну лопнула струна,
Не въ этомъ дѣло! — слышалось сужденье —
Тутъ — историческій моментъ! Княжна —
Полнѣйшее его лишь выраженье.
Въ исторіи нѣтъ личностей. Одна
Идея смыслъ даетъ имъ и значенье» —
Сказалъ одинъ адъюнктъ — конечно, вздоръ,
Но подхвативши этотъ приговоръ,

Москвичъ извѣстный — борода большая —
Припомнилъ вотъ что̀: кто-то разъ весной,
Княжну въ чужіе краи провожая,
Сказалъ ей вслѣдъ: «поѣхала домой!..»

О Жени тоже, что она «такая
Какъ и княжна, но только вѣкъ иной
Въ нихъ въ каждой книжка говоритъ чужая,
Въ княжнѣ одна, а въ дѣвочкѣ другая».

О Жени, кстати, отзывъ привелось
Иной мнѣ слышать. Встрѣтились «сестрички»,
И въ голосъ прокричали на вопросъ:
Что̀ Женя? — «Сволочь! барскія привычки!
Разнюнилась, какъ дѣйствовать пришлось!»
И вдаль помчались, стайкою какъ птички,
Какъ будто несъ ихъ вихорь-богатырь,
Что̀ по Руси гуляетъ вдоль и вширь...

XII.

Итакъ — княжна... Но — миръ во гробѣ спящимъ!
И грѣхъ живымъ, идущимъ къ ихъ гробамъ
Съ своимъ судомъ, лишь въ злобѣ дня судящимъ
И въ похвальбѣ своимъ дѣламъ и днямъ!
И мы, чредой, и съ нашимъ настоящимъ
Предстанемъ всѣ къ такимъ же судіямъ...
А кто безгрѣшенъ? Всѣ мы — человѣки!
Миръ праху твоему, княжна, во вѣки!

Два слова, впрочемъ. Няня сорокъ дёнъ
Служила панихиды, все какъ надо.
По случаю какихъ-то похоронъ
Я съ нею встрѣтился. Казалось, рада,
Что видитъ, ласковый, спокойный тонъ.
Рѣчь о княжнѣ, конечно, — вотъ — отрада
Была ей Женя, да и та... «Да, да,
Вздохнувъ она сказала — молода,

«Еще глупа; ни что̀ къ добру, что̀ къ худу —
Понятья нѣтъ!.. Вонъ — замужъ-то идетъ:
Я только такъ, молъ, съ нимъ и жить не буду!..
Всѣ на нее теперь что вотъ, молъ, вотъ!..
Дивятся дѣтской дури, словно чуду!
Эхъ, другъ! *и небо, и земля пройдетъ*,
А дурь-то нешто вѣчная? Минуетъ!
Духъ у нея большой. Вотъ и бушуетъ...

«Княжна, бывало, по ночамъ не спитъ,
За что̀, молъ, на меня-то держитъ злобу!
А, чай, теперь въ нуждѣ какой сидитъ!
Снеси-ка, денегъ дастъ мнѣ, да попробуй,
Пообразумь. Прійду: нѣтъ, говоритъ,
И не моги! Нога моя до гробу

Не будетъ къ вамъ. А денегъ — хоть умру,
А не возьму. — Ну въ эдакомъ жару,

«Гляжу, что́ дѣлать? Время только трачу!
А бѣдность-то кругомъ: диванчикъ, столъ
Да стулъ — и все!.. Вѣдь забрала жь задачу?
Гостей встрѣчала у нея. Пришелъ
Разъ цѣлый сонмъ. Галдятъ! А я-то плачу;
Въ уголушкѣ сижу. Да съ кѣмъ те свелъ
Непутный, говорю. Она жь: — Да, путныхъ мало!
Сама, поди жь ты, это понимала...»

«А что̀ теперь она?» — «Да какъ сказать!
Никто какъ Богъ! Захочетъ, сердце тронетъ.
Что̀ гордость-то людская? Благодать,
Земныхъ владыкъ, и тѣхъ главу приклонитъ!..»
Тутъ, признаюсь не съ тѣмъ, чтобы болтать
Ее заставить, я сказалъ: «прогонитъ
Всю эту дурь, какъ разглядитъ, она —
Какъ прогнала жь вѣдь патера княжна...»

Старушка на меня взглянула косо,
И поднялася съ мѣста, отъ меня
Боясь прямого можетъ быть вопроса,
Но обернулась... Изумился я:

Я чувствовалъ, что̀ скорби поднялося
Въ ея душѣ! И, голову склоня,
«Коли судить, сказала мнѣ, берешься, —
Слыхалъ ли то: не падши, не спасешься?...

«Затѣмъ — прости!» И тихими шагами
Вдаль побрела. Смотрѣлъ я долго вслѣдъ.
Тутъ свѣжій холмъ, усыпанный цвѣтами,
Ея любовь и гордость столькихъ лѣтъ,
Та, что́ прошла побѣдными стопами
Свой въ мірѣ путь, вкругъ разливая свѣтъ,
Дѣля *со всѣми* блескъ, всѣ жизни розы, —
Съ *одной* лишь съ ней — страданія и слезы.

Но отчего жь?.. И кто ей указалъ?..
Та, для кого великія стремленья
И всякій высшій вѣка идеалъ
Доступенъ былъ и близокъ, — утѣшенье
Нашла лишь тамъ, куда не проникалъ
Ни блескъ, ни шумъ всемірнаго движенья,
Гдѣ теплится лампада да однѣ
Лишь шепчутся молитвы въ тишинѣ...

Пылинка влаги, въ небеса взлетая,
Тамъ золотомъ горитъ и серебромъ,

То въ радугахъ цвѣта переливая,
То разнося и молнію, и громъ...
Отбушевавъ и отблиставъ, кончая
Свой горній путь, теряется потомъ
Въ бездонныхъ глубинахъ, гдѣ отъ начала
Ни зыби не было, ни бурь, ни шквала...

Счастливъ, тысячекратъ, счастливъ народъ,
Въ чьемъ духѣ есть тѣ жь глубины святыя,
Невозмутимыя и въ дни невзгодъ,
Гдѣ всякія страданія земныя
Врачуются, гдѣ разумъ обрѣтетъ
И нищій духомъ на дѣла благія,
Затѣмъ, что тамъ отъ искони вѣковъ
Царитъ всецѣло чистый духъ Христовъ.

1877.

VII.

КАССАНДРА.

КАССАНДРА.

Сцены изъ Эсхиловой трагедіи

АГАМЕМНОНЪ.

Два величайшіе идеала, созданные Эсхиломъ, это — Прометей и Кассандра. Къ тому и другому могутъ быть примѣнены слова, которыя Кассандрѣ говоритъ хоръ: «Великій духъ — твоя погибель!» Прометею посвятилъ поэтъ цѣлую трилогію, т. е. три піесы, изъ которыхъ до насъ дошла только одна. Кассандра является только какъ дѣйствующее лицо въ одной изъ его трагедій *Агамемнонъ*. Въ переведенномъ мною отрывкѣ переданы сцены ей посвященныя, и изъ предыдущаго взято сколько нужно, чтобы служить достаточною рамкою этому образу.

Великое значеніе Эсхила для Греціи это то, что всѣ его трагедіи — апоѳеозъ водворенія какого-нибудь высшаго начала въ жизни Грековъ. Въ трилогіи, которой *Агамемнонъ* составляетъ первую часть, *Молящіе о защитѣ* — вторую, и *Эвмениды* — третью, — душу всего созданія составляетъ прекращеніе кровной мести, переходъ отъ варварскихъ нравовъ къ высшимъ понятіямъ въ жизни. Тутъ варварство стоитъ еще предъ читателемъ во всемъ его ужасѣ (картина жертвоприношенія Ифигеніи, видѣнія Кассандры и пр.), тутъ господство еще старыхъ боговъ, требовавшихъ крови за кровь. Предъ нами исторія дома Атридовъ — длинный рядъ злодѣйствъ. Освѣщеніе, которое бросаетъ на нихъ Эсхилъ — это, какъ выражаются старые эстетики, *спасительный ужасъ*, т. е. отвращеніе къ злодѣйству: понятно, какое ци-

вилизующее впечатлѣніе производила его трагедія на современниковъ, въ памяти которыхъ еще живы были эти дѣла и времена! Фокусъ, изъ котораго исходитъ это освѣщеніе въ *Агамемнонѣ*, слѣдовательно лицо самое высокое и любезное для читателя, это — Кассандра, ясновидящая, вдохновенная жрица Аполлона, дочь Пріама, доставшаяся, по раздѣлѣ плѣнныхъ, въ добычу вождю Ахейцевъ. Она одна выше всего окружающаго ее міра; ни свои въ Троѣ, ни чужіе, здѣсь въ Аргосѣ, ея не понимаютъ. Хоръ сочувствуетъ ея несчастіямъ, указываетъ даже, что великій духъ — ея погибель, но открываемыхъ ею горизонтовъ будущаго обнять не можетъ. Она, между тѣмъ, возвѣщаетъ, что въ слѣдующемъ поколѣніи будетъ положенъ конецъ «крови», и дѣйствительно, въ третьей части трилогіи, Орестъ, сынъ Агамемнона, преслѣдуемый старыми богами за убійство матери, убійство, которое онъ долженъ былъ совершить, мстя за убійство отца, приведенъ наконецъ Аполлономъ предъ Аѳинскій ареопагъ, гдѣ, подъ внушеніемъ Паллады, произносится приговоръ надъ старымъ варварскимъ міромъ и торжествуется наступленіе новой лучшей эпохи, царство разумницы Паллады. Вотъ общая мысль трилогіи. Вотъ роль, какую въ ней играетъ Кассандра.

Для уразумѣнія переведеннаго мною отрывка напомню читателямъ только тѣ черты кровавой исторіи Атридовъ, которыя имѣютъ отношеніе къ нашей трагедіи.

У Элидскаго царя Пелопса было два сына: Атрей и Тіэстъ. Атрей, чтобъ отмстить брату своему, обольстившему его жену, захватилъ его сыновей, убилъ ихъ и приготовилъ Тіэсту изъ нихъ обѣдъ. У Тіэста былъ еще сынъ Эгистъ. Отецъ завѣщалъ ему отмстить Атрею и его дѣтямъ. Онъ убиваетъ Атрея и троихъ его сыновей. Изъ пятерыхъ остались только Менелай и Агамемнонъ. Парисъ, сынъ троянскаго царя Пріама, похитилъ жену Менелая, Елену. Цари-братья, во главѣ всего флота Ахеянъ, отправились подъ Трою. Дорогой послала имъ бурю богиня Артемида, для умилостивленія которой, по слову прорицателя, жреца Калхаса, Агамемнонъ приноситъ въ жертву свою дочь Ифигенію. Эгистъ, между тѣмъ, въ отсутствіе царей, вошелъ въ связь съ женой Агамемнона, Клитемнестрой, и воспользовавшись ея злобой на мужа за жертвоприношеніе дочери, подвигаетъ ее на убій-

ство Агамемнона. Къ этому въ ней присоединяется еще ревность, жертвою которой должна пасть Кассандра. По совершеніи убійства, Эгистъ и Клитемнестра остаются властителями Аргоса. Этимъ кончается первая часть трилогіи.

Во множествѣ изданій текста и его переводовъ, бывшихъ у меня подъ рукою, во многихъ мѣстахъ встрѣчается поразительное разногласіе въ чтеніи. Въ выборѣ, которому изъ нихъ послѣдовать, я руководствовался не столько авторитетомъ ученыхъ издателей, сколько ища соотвѣтствія внутреннему смыслу рѣчи.

1.

**Площадка передъ царскимъ дворцомъ въ Аргосѣ. Вдали—горы, м
Ночь. На плоской крышѣ дворца стражъ, поглядывающій то вд
то на небо.**

СТРАЖЪ.

Положатъ ли когда-нибудь конецъ
Моимъ мученьямъ боги!.. Вотъ, какъ песъ,
Валяюсь столько лѣтъ на этой крышѣ!
Со звѣздами бесѣдую!.. Ужь знаю
Всѣ наизусть, которыя приносятъ
Намъ холода, которыя жары,
Когда онѣ восходятъ и заходятъ...
Да!.. Не взята ли Троя — жду сигнала,
И какъ увижу, тотчасъ доложить
Объ этомъ госпожѣ. Мужское сердце
У этой женщины!.. Вотъ и ходи
Вокругъ своей соломы, а прилечь

Бѣда: заснешь. Запѣлъ бы съ горя пѣсню
Иль такъ бы посвисталъ — противу сна
Всего бы лучше — такъ приходятъ мысли
Различныя: такой ужь это домъ,
Давно ужь здѣсь все дѣется не такъ
Какъ слѣдуетъ. Охъ, показался бъ, право,
Скорѣй огонь!.. Покончились бы муки!..

(*Вдали зажигается огонь*).

Да это онъ никакъ? сигналъ... Да! да!
Ну, здравствуй, наконецъ! Вотъ ты, желанный!
Вслѣдъ за тобой такой восходитъ день
Для Аргоса, что будетъ все съ утра
Плясать и пѣть, на долахъ и горахъ!..
(*Кричитъ*) Ого! Ого!
Будить ее скорѣе...
Соскочитъ съ ложа и весь домъ подыметъ...
Легко сказать: побѣда! взяли Трою!
Я первый торжество открою!.. Да,
Я выкинулъ счастливыя-то кости
Для госпожи, я первый! да и разомъ
Всѣ три шестерки!

(*Сходитъ съ крыши*).

Первому бы тоже
Поздравить было мнѣ и господина,

Какъ онъ вернется, — а о всемъ, о прочемъ,—
На ротъ замокъ повѣсить, помолчать...
Пусть лучше сами стѣны говорятъ,
Когда съумѣютъ. Съ тѣмъ, кто знаетъ,
Поговоримъ, пожалуй, и посудимъ,
А кто не знаетъ—«ничего не знаемъ!»

(Уходитъ во дворецъ).

2.

Входитъ хоръ городскихъ старцевъ. Хоръ раздѣляется на двѣ сторон у каждой свой корифей.

ХОРЪ.

Ахъ, десятый ужь годъ па исходѣ теперь,
Какъ помчались войной
Менелай съ Агамемнономъ, братья-цари,
Отъ Зевеса двойнымъ
Надѣленные трономъ и скиптромъ двойнымъ,
На Пріамовъ помчалися градъ,
Далеко отъ родимой земли,
Во главѣ всего флота Ахеянъ.

Они подняли кликъ боевой по землямъ,
Что два коршуна, вдругъ въ разоренномъ гнѣздѣ
Не нашедши птенцовъ,

Въ перепугѣ замечутся въ воздухѣ, внизъ и наверхъ,
И зовутъ, и кричатъ на весь міръ
Объ ужасной потерѣ своей,—
И услышитъ ихъ Зевсъ или Панъ, или Фебъ,
И укажетъ имъ слѣдъ,
И проклятье пошлетъ
По пятамъ въ наказанье злодѣю:
Такъ Зевесъ и Атридовъ послалъ
Звать Париса на судъ,
Ради правъ опозоренныхъ имъ очага—
И теперь изъ-за той вѣроломной жены,
Тамъ подъ Троей, вкругъ стѣнъ, въ непроглядной пыли,
Неумолчная тянется брань,
И трещатъ и стучатъ и мечи и щиты,
Наступаютъ и падаютъ люди во прахъ,
При неистовыхъ крикахъ кругомъ
Разъяренныхъ Троянъ и Ахейцевъ;
И чѣмъ кончится споръ—то невѣдомо намъ,
Но ни слезы уже, ни сожженіе жертвъ,
Ни мольбы не смягчатъ пробужденныхъ войной
И слѣдящихъ за ратями фурій.

ОБА КОРИФЕЯ.

Подъ напоромъ годовъ одряхлѣвъ, старики,
Мы отстали отъ нихъ, отъ могучихъ бойцовъ,

И сидимъ по домамъ.
Бродимъ съ посохомъ вкругъ, словно дѣти—увы!
Безпомощны: у нихъ передъ кликомъ войны
Въ неокрѣпшей груди
Содрогается духъ, какъ и въ насъ, старикахъ,
И съ подпорой своей чуть плетется старикъ
По поблеклой листвѣ, угасая какъ тѣнь
Передъ днемъ разсвѣтающимъ въ небѣ!

Изъ дворца по лѣстницѣ спуск ются служанки съ чашами, сосудам факелами и украшаютъ алтари.

ХОРЪ *(обращаясь къ открывшим дверямъ дворца).*

О, царица, скажи,
Клитемнестра, Тиндарова дочерь,
Что за праздникъ? Зачѣмъ убраны алтари,
И готовятся жертвы богамъ
И небеснымъ, и адскимъ, и имъ, покровителямъ град
И вездѣ поднимаются къ небу огни?
Изъ палаты твоей то елей, то вино
Въ драгоцѣнныхъ сосудахъ служанки несутъ безъ конца...
Если вѣсти къ тебѣ дорогія пришли,
Облегчи намъ сердца, неизвѣстность разсѣй!
Мы томимся въ тоскѣ,

А смотря на убранство твоихъ алтарей,
Предаваться ль надеждѣ—не знаемъ.

Служанки продолжаютъ свое дѣло. Изъ дворца никто не выходитъ на моленіе хора.

КОРИФЕЙ.

Все же есть утѣшеніе намъ:
При отплытьи вождей
Были добрыя знаменья имъ—
А довѣрье къ богамъ, пѣснопѣній родникъ,
Не изсякъ еще въ насъ,
И побѣдѣ предсказанный срокъ—не насталъ!
Въ самый мигъ какъ цари обнажили мечи,
Вдругъ, отъ правой руки,
Опустились на кровлю дворца два орла—
Бѣлоснѣжный одинъ, черноперый другой—
И въ когтяхъ ихъ живая зайчиха была,
И они принялися терзать и ее,
И зайчатъ ею тутъ же рожденныхъ...

ХОРЪ.

Плачьте, о плачьте,
Но да будетъ побѣда добру!

КОРИФЕЙ.

Какъ увидалъ ихъ Калхасъ прорицатель,

Тотчасъ на обоихъ Атридовъ взглянулъ:
Ихъ онъ призналъ въ двухъ орлахъ и сказа
«Будутъ Пріамовы стѣны добычей Ахейцев
«И вѣковыя
«Богатства отыметъ судьба у Троянъ—
«Лишь бы надъ Троею взвившійся бичъ,
«Прежде чѣмъ пасть на нее,
«Гнѣвомъ кого изъ боговъ не порвался.
«Артемида не стерпитъ, что здѣсь
«Зевса крылатые псы
«Мать и дѣтенышей еле рожденныхъ заѣли.
«Этотъ кровавый противенъ ей пиръ».

ХОРЪ.

Плачьте, о плачьте,
Но да будетъ побѣда добру.

КОРИФЕЙ *(продолжая рѣчь Калха*

«Только бъ она, Артемида, которой любезны
«И львицы пустынной,
«И всякаго звѣря лѣсного
«Сосущія мать порожденья,—только бъ она
«Не мѣшала исполниться добрымъ обѣтамъ!
«Будемъ молить отвратителя бѣдъ, Аполлона,
«Чтобы намъ она бурю и вѣтръ не послала,

«Требуя жертвы иной, нечестивой, ужасной,
«Безъ пира и пѣсенъ,
«Которая злобу убудитъ, и новую кровь уготовитъ,
«И, памятью дочери, въ злой и коварной женѣ
«Будетъ питать ежечасно о мщеніи мысль!»
Такъ усмотрѣлъ прорицатель Калхасъ
Изъ явленья орловъ для Атридова дома
И великое благо, и зло.
Плачьте жь, о плачьте о злѣ,—
Но да будетъ побѣда добру!

ХОРЪ.

Плачьте, о плачьте,
Но да будетъ побѣда добру!

ОБЩІЙ ХОРЪ.

Зевсъ! кто бъ ни былъ ты, взываемъ
Этимъ именемъ къ тебѣ!
Ты одинъ намъ покровитель,
Вождь и помощь въ злой судьбѣ!

Палъ Уранъ, преградъ отъ вѣка
Не видавшій предъ собой,
Отъ такой же палъ онъ силы
Кровожадной и слѣпой.

Кроносъ свергнутъ сыномъ—Зевсомъ;
Зевсъ, владыкой ставъ среди
Мірозданья,—человѣку
Умъ и совѣсть далъ въ вожди—

Умъ—мужающій въ невзгодахъ,
Совѣсть—даже и во снѣ
Направляющую сердце
Къ правдѣ въ мирѣ и войнѣ.

КОРИФЕЙ.

Царь Агамѐмнонъ, въ заботахъ вождя,
И забылъ о Калхасовыхъ вѣщихъ словахъ,
И невзгоды и бѣды покорно сносилъ,
Но когда, послѣ мертваго штиля,
Изнурявшаго войско Ахеянъ,
Противъ Халкиса праздно стоявшее ночи и дни,
Въ водоворотахъ Авлиды,—
Вдругъ отъ Стримона буря ударила съ вихремъ и вѣтромъ,
Запирая изъ гавани выходъ,
И срывая кругомъ корабли съ якорей,
И о берегъ утесистый ихъ разбивая,
И погибалъ лучшій цвѣтъ ополченья Ахеянъ;
И казалося, бурѣ не будетъ конца,

И Ка́лхасъ вошелъ въ кругъ смущенныхъ вождей
И сталъ говорить,
И назвалъ ту жертву, которой желаетъ богиня,
Пославшая бурю,
И ударили въ скорби о землю жезломъ
И заплакали оба Атрида,—
«Горе! воскликнулъ тогда Агамемнонъ.
«Горе, когда не исполню велѣнье богини,
«И горшее, если, сокровище дома, дитя мое, дочь
«Самъ заколю и невинною кровью ея
«Отцовскія руки мои обагрю!
«И тамъ злое горе—и здѣсь!
«Воротиться домой—одному—бѣглецомъ—
«Всѣми оставлену—все потерять—
А все войско—всѣ требуютъ жертвы—грозятъ—
«И требовать право имѣютъ!»—

И всѣми кругомъ обступаемый, душу
Нечестивой, ужасной онъ мысли открылъ.
И скорый въ рѣшеньяхъ всегда
Приступить велѣлъ къ дѣлу тотчасъ.

ХОРЪ.

Ахъ первый ошибочный шагъ
Въ насъ разжигаетъ упрямство и страсть!

Ради той вѣроломной жены,
Ради мести Парису,
На жертву обрекъ онъ любимую дочь!

КОРИФЕЙ.

И ни слезы ея, ни моленья къ отцу,
Ни младая дѣвичья краса,
Не тронули сердца суровыхъ мужей.
Отецъ—лишь умолкли молитвы—
Словно лань молодую, велѣлъ,
Покровомъ окутавъ,
На жертвенникъ навзничь ее опрокинуть,
И крѣпче держать,
И ротъ завязать, чтобъ она
Проклятій отцовскому дому не слала.

И схватили ее, и завязанъ былъ ротъ.
Брызнула кровь подъ ножомъ,
И лишь взглядъ, какъ стрѣла,
Состраданьемъ сердца поразилъ...
Нѣма и прекрасна какъ мраморъ, казалось, она
Хотѣла еще говорить,
Какъ прежде, когда на пиры
Въ отцовскомъ дому выходила къ гостямъ,

И пѣла хвалебный пэанъ
Благоденствію дома Атридовъ и славѣ отца.

Что̀ было потомъ—то невѣдомо намъ,
Но исполниться должно пророчеству вѣщаго мужа!
Учитъ разуму Зевсъ изъ страданій и бѣдъ...
Не хотимъ проницать въ тьму грядущаго мы!
Преждевременно плакать не станемъ...
А въ грядущемъ зловѣщее чуется намъ...
Только молимъ—да все обратится на благо земли!

3.

Тотъ же хоръ и Клитемнестра, выходящая изъ дворца.

КОРИФЕЙ.

Пришли мы на твой зовъ, царица.
Когда царя нѣтъ дома, ты его
Намъ заступаешь мѣсто. Если ты
Извѣстіе какое получила,
Что заказала жертвоприношенья,
Благоволи сказать, когда возможно.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Скажу пословицей: счастливый день
Да народится отъ счастливой ночи!

Узнайте же теперь такую радость,
Какой едва и ожидать мы смѣли:
Взята Ахейцами—и пала Троя!

КОРИФЕЙ.

Что ты сказала?.. Вдругъ и не поймешь.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Палъ Иліонъ предъ Эллинами. Понялъ?

КОРИФЕЙ.

Отъ радости я, кажется, заплачу...

КЛИТЕМНЕСТРА.

И вѣрю, что отъ искренняго сердца.

ХОРЪ.

Но вѣрны ли полученныя вѣсти?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Конечно, если боги намъ не лгутъ.

ХОРЪ.

Пріятный сонъ тебя не обольстилъ ли?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Не вѣрю я пустымъ мечтаньямъ сна.

ХОРЪ.

Быть можетъ, только мимолетный слухъ?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Ты говоришь со мною какъ съ ребенкомъ!

ХОРЪ.

Съ какого жь времени? Когда взятъ городъ?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Сію же ночь, — на этотъ самый день.

ХОРЪ.

Да кто жь такъ скоро передалъ извѣстье?

КЛИТЕМНЕСТРА.

Огонь: *) сперва — пылающая Ида,
А отъ нея, одинъ вслѣдъ за другимъ,
До Аргоса сигнальные костры.
Пожаромъ Иды озарился Лемносъ,

*) Въ подлинникѣ: Гефестъ. Весь этотъ монологъ сокращенъ въ переводѣ.

Оттуда пламя перенялъ Аѳонъ;
Съ его высотъ священныхъ, золотясь
По зеркальному морю, побѣжало
Все дальше, дальше радостное пламя —
На Лесбосъ, на Мессану, Киѳеронъ;
Одно блеснувъ, другое вызываетъ.
Вездѣ ихъ люди ждутъ, и десять лѣтъ
Костры изъ вѣковѣчныхъ цѣльныхъ сосенъ.
Черезъ Саронскій наконецъ заливъ
Блеснулъ огонь на скалы Арахнея,
И ужь оттуда къ намъ, на домъ Атридовъ,
И здѣсь теперь — послѣдній это отблескъ
Въ сей самый мигъ, теперь, горящей Трои.
Вотъ какъ мнѣ передалъ извѣстье мужъ.

ХОРЪ.

О, слава, слава вѣчная богамъ!..
Дивиться только слушая тебя!
Хоть сызнова разсказывай, все бъ слушалъ!

КЛИТЕМНЕСТРА.

Да, пала Троя!.. Наши тамъ ночуютъ.
Чай стонъ теперь надъ городомъ стоитъ!
Перемѣшалися и побѣдитель,
И побѣжденный, какъ въ водоворотѣ,

И не сольются, что вино и масло
Въ одномъ сосудѣ, какъ ихъ ни болтай!..
Да!.. Побѣжденные!.. Тамъ надъ тѣлами
Мужей и братьевъ стонутъ жены, сестры,
Надъ стариками плачутъ дѣти: всѣ,
Кто живъ остался, всѣ — рабы на вѣкъ!..
А побѣдители, еще въ крови,
Истомлены и голодомъ, и боемъ,
Изъ дома въ домъ перебѣгаютъ, жадно
Все поѣдая, что̀ найдутъ, кидаясь
Толпой и другъ у друга отымая!
Наѣвшись, гдѣ пришлось, въ домахъ, въ чертогахъ,
Валятся спать, ужь не боятся больше
Ни росъ ночныхъ, ни снѣга, и безъ стражи,
И мирно спятъ, какъ боги спятъ, всю ночь!..
И ежели боговъ, пенатовъ Трои,
И ихъ святынь они не оскорбятъ,
Побѣда ихъ останется за ними...
Не бросились бы только грабить храмовъ:
Имъ нужно счастье на обратный путь,
Какъ на бѣгу, на играхъ... Прогнѣвятъ
Они боговъ, то пролитая кровь
Проснется и на нихъ возопіетъ
О мщеньи къ небу...
Такъ я разсуждаю

Какъ женщина... «Лишь повело бъ къ добру», —
Безъ всякой, вѣрьте, затаенной мысли
Я говорю — за это пожеланье
Охъ, дорого я — очень заплатила!

ХОРЪ.

Ты женщина, но говоришь какъ мужъ.
Идемъ теперь принесть благодаренье
Богамъ безсмертнымъ: щедро насъ они
За долгое страданье наградили.

4.

За симъ пропускается мною сцена, когда пріѣзжаетъ Агемемнонъ на торжественной колесницѣ, везомой народомъ. Съ нимъ рядомъ сидитъ Кассандра, дочь Пріама, доставшаяся при раздѣлѣ плѣнныхъ Агамемнону. Хоръ привѣтствуетъ царя. Выходитъ потомъ изъ дворца Клитемнестра и въ длинной рѣчи выражаетъ, какъ ждала мужа, велитъ разостлать пурпурные ковры по лѣстницѣ во дворецъ, куда и уходитъ съ Агамемнономъ. Остается Кассандра на колесницѣ, неподвижная, молчаливая, и хоръ старцевъ. Клитемнестра возвращается и, стоя на верху лѣстницы, приглашаетъ Кассандру войти во дворецъ. Въ ея рѣчахъ презрѣніе, иронія и нетерпѣніе.

КЛИТЕМНЕСТРА.

И ты, Кассандра, кажется? — войди.
Къ тебѣ Зевесъ былъ милостивъ, позволивъ
Предстать передъ алтарь свой въ нашемъ домѣ,

И съ нашими рабами въ жертвоприношеньяхъ
Участвовать. Такъ отложи же гордость,
Спустися съ колесницы. Самъ Алкидъ
Былъ тоже въ рабство, сказываютъ, проданъ.
И если ужь такой ударъ судьбы
Постигъ тебя, то въ древнемъ, славномъ домѣ
Рабою быть еще счастливый жребій.
Кто только началъ пожинать богатства,
Тотъ строгъ и жестокъ со своей прислугой,
У насъ же, здѣсь, на все, что̀ справедливо,
Что̀ слѣдуетъ, — разсчитывать ты можешь.

(*Кассандра молчитъ*).

ХОРЪ (*къ Кассандрѣ*).

Царица правду говоритъ. Конечно,
Попавши въ сѣть, ужь нечего тутъ биться,
Ужь покорись, иди, куда зовутъ.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Ну ежели, какъ ласточка, она
На языкѣ лепечетъ неизвѣстномъ,
И рѣчь мою не поняла, то все же
Хоть сердцемъ чувствовать могла бы,
Что̀ я хочу сказать, и — покориться.

(*Кассандра молчитъ*).

ХОРЪ (*къ ней*).

Иди за ней. Ужь лучшаго не можетъ
Тебѣ быть ничего теперь. Иди же!

КЛИТЕМНЕСТРА.

А впрочемъ ждать мнѣ некогда. Готовы
У очага стоятъ уже овны, и праздникъ
Ужь начался — какого мы едва
Когда-нибудь и ожидать могли.
И ты не медли. Если жь въ самомъ дѣлѣ
Не понимаешь словъ моихъ, то сдѣлай,
Какъ варвары, скорѣй хоть знакъ рукою.

(Сама дѣлаетъ пригласительный жестъ. Кассандра молчитъ).

ХОРЪ.

Она дика что пойманная лань,
Уговорить ее бы надо лаской.

КЛИТЕМНЕСТРА.

Нѣтъ, бѣшенство въ ней дышитъ и безумство!
Еще вчера съ пылающихъ развалинъ
Родного города взята, она
Не покорится и не склонитъ выи,

Пока удилъ своихъ не окровавитъ.
Мнѣ нечего позориться съ ней больше!

(*Уходитъ во дворецъ*).

5.

КАССАНДРА И ХОРЪ.

КОРИФЕЙ.

Намъ жаль тебя, несчастная! Послушай,
Спустися съ колесницы, покорись
И свой удѣлъ безропотно прими.

(*Пауза*).

КАССАНДРА (*воздѣвъ очи къ небу*).

О, горе! о, матерь Земля!
О, Аполлонъ! Аполлонъ!

КОРИФЕЙ.

Зачѣмъ же ты взываешь къ Аполлону?
Вѣдь съ жалобой къ нему не прибѣгаютъ!

КАССАНДРА.

О, Аполлонъ! Аполлонъ!

ХОРЪ.

Опять она взываетъ къ Аполлону,
Который слезъ не любитъ, не пріемлетъ!

КАССАНДРА.

Аполлонъ! Аполлонъ!
Куда ты привелъ меня! мой погубитель!
Какой еще новый готовишь ударъ!

ХОРЪ (*тихо*).

Свою судьбу пророчитъ... Не покинулъ
И въ рабствѣ духъ пророческій ее!

КАССАНДРА.

Аполлонъ! Аполлонъ!
Куда ты привелъ меня! — въ какой привелъ домъ!

КОРИФЕЙ (*съ участіемъ*).

Не знаешь развѣ? Это домъ Атридовъ.

КАССАНДРА (*внѣ себя, обступаемая видѣніями, съ возрастающимъ ужасомъ*).

Домъ ненавистный богамъ!.. Злодѣяній вертепъ!
Удушенье! убійство!.. Стѣны и полъ
Человѣческой политы кровью!

ХОРЪ.

Какъ добрая ищейка, тотъ же часъ
Послышала давнишней запахъ крови!..

КАССАНДРА.

Словно въ кровавый туманъ я гляжу...
Вонъ — душатъ дѣтей!..
Жарятъ — отцу подаютъ на обѣдъ...

ХОРЪ.

Охъ, это мы давно и вдосталь знаемъ!
Да не къ добру о томъ напоминанье.

КАССАНДРА.

Она... Что̀ она замышляетъ?
Что̀ тамъ готовитъ еще?
Новое горе! горе ужасное!
Неотвратимое!
Непоправимое!..
II нѣтъ спасенья кругомъ!

ХОРЪ.

Что̀ видится еще ей?.. Непонятно!
Иль новое пророчествуетъ горе!

КАССАНДРА.

Несчастная! ты приступила ужь къ дѣлу...
Въ баню ведешь его, мужа-владыку..,
Не успѣваю и говорить...
Такъ все быстро вершится... вонъ она, вся дрожа
Протянула ужь руки къ нему...

ХОРЪ.

Для насъ все это — темныя загадки...

КАССАНДРА.

Боги! Что̀ вижу еще?
Адская сѣть!
Это — брачное ихъ покрывало...
Фуріи! фуріи!
Ненасытимыя кровью проклятаго этого рода!
Запѣвайте ужасную пѣснь...
Новую жертву встрѣчайте!

КОРИФЕЙ.

Какихъ зовешь ты фурій? О какой
Еще ужасной поминаешь пѣсни?..

ХОРЪ.

Къ сердцу вся кровь приливаетъ моя!

Точно пронзилъ кто мечомъ мою грудь!
Точно глубокая ночь погашаетъ кругомъ
Свѣтъ убѣгающей жизни...
Ждать намъ, о, ждать намъ бѣды!

КАССАНДРА.

Смотрите — ахъ! ахъ! удержите, держите ее!..
Накинула адскій покровъ...
Опутала... боги!.. ударъ!
Упалъ онъ — упалъ.

КОРИФЕЙ

Не смыслю ничего въ разгадкѣ я
Оракуловъ — но чую тутъ бѣду!

ХОРЪ.

Въ прахѣ рожденнымъ — развѣ когда
Скажетъ оракулъ — свѣтлую вѣсть?
Темное слово вѣщихъ боговъ
Лишь въ совершившихся ясно бѣдахъ!

КАССАНДРА.

Ахъ! вотъ и мнѣ, злополучной, конецъ!
Жребій мой связанъ съ его!
Что̀ жь ты привелъ меня въ домъ свой? Зачѣмъ?
Или затѣмъ, чтобъ одной смертью съ тобой умереть!

ХОРЪ.

Ты, вдохновенная! пѣснь о себѣ ты заводишь!
Скорбную пѣснь, какъ поетъ соловей,
Непонятную намъ изливая печаль
Въ сладкозвучныхъ рыданьяхъ своихъ!

КАССАНДРА (*успокоиваясь, съ грустью, какъ и всѣ послѣдующія строфы*).

Сладко поющая птичка дубравная!
Дали безсмертные крылья ей быстрыя,
Дали безслезную, вольную жизнь...
Мнѣ же двуострый ножъ впереди!

ХОРЪ.

О, какія видѣнья тебя обступаютъ?
Отчего этотъ ужасъ, отчаянья вопль?
Вопль этотъ, намъ раздирающій душу, зачѣмъ?
Что̀ вызываетъ, скажи, въ откровеньяхъ боговъ
Безконечную скорбь въ потрясенной душѣ?

КАССАНДРА.

О, Парисъ! О, погибель! О, бракъ твой преступный!
О Скамандра родимыя воды!
На твоихъ берегахъ я блуждала по днямъ,

Безъ заботъ пѣла дѣтскія пѣсни свои...
А теперь — Ахеронъ и угрюмый Коцитъ
Огласятся стенаньемъ моимъ!

ХОРЪ.

Вопли твои, о несчастная,
Были бъ и дѣтямъ понятны!
Сердце сжимается, точно поешь
Ты передсмертную пѣснь надъ собой!

КАССАНДРА.

О, Иліонъ! Ты, во прахѣ лежащій теперь!
Дымъ отъ безчисленныхъ жертвъ что̀ богамъ приносилъ,
Строя стѣны его, злополучный отецъ!
Безполезныя жертвы, увы!
Гордый палъ Иліонъ — и ведутъ на убой
Вдохновенную жрицу его̀!

ХОРЪ.

Тѣ же рѣчи... все тѣ же видѣнья...
Черный демонъ тебѣ, полныя смертной тоски,
Ужаса полныя рѣчи внушаетъ...
Что̀ предвѣщаютъ онѣ?..

(Хоръ, подъ впечатлѣніемъ рѣчей Кассандры, погружается въ раздумье. Краткое молчаніе).

КАССАНДРА *(совсѣмъ успокоясь).*

О, пусть же все теперь вамъ будетъ ясно!
И все, что̀ говорю я, потеряетъ
Видъ новобрачной, какъ она глядитъ
Изъ-подъ вѣнчальнаго покрова!.. Пусть
Мои слова, какъ предразсвѣтный вѣтеръ,
Во слѣдъ за бурной ночью, вамъ раскроютъ,
Что нѣтъ для васъ ужаснѣйшаго горя
Какъ то, что̀ вынесетъ теперь волна
Изъ темныхъ безднъ и на̀ берегъ къ вамъ кинетъ!
Открою все я вамъ въ ужасной правдѣ...
Но прежде вы скажите мнѣ, что правда ль —
Всѣ ужасы, что̀ говорила я
Про этотъ домъ? Проклятія и стоны,
Какъ хоръ безумный, въ немъ не умолкаютъ.
До бѣшенства уже упившись кровью,
Здѣсь поселились фуріи, какъ дома,
И пляшутъ, и неистовствуютъ, славя
Злодѣйства дѣдовъ, и отцовъ, и внуко̀въ...
О, ежели неправда, уличайте,
Что на вѣтеръ я говорю, подобно
По улицамъ шатающейся нищей!
Ну, поклянитесь, что все то неправда!

ХОРЪ.

Когда бы мы и поклялись, была ли бъ
Та клятва въ прокъ Атридамъ? Мы дивимся,
Какъ ты пришла изъ-за моря, и знаешь,
Какъ будто видѣла, все, что̀ здѣсь было!

КАССАНДРА.

Мнѣ даръ всевидѣнья данъ Аполлономъ.

ХОРЪ.

Онъ благосклоненъ былъ къ тебѣ? любилъ?

КАССАНДРА.

Донынѣ—стыдъ мнѣ былъ бы въ томъ сознаться!

ХОРЪ.

Достоинство хранимъ мы въ счастьѣ строже!

КАССАНДРА.

Любилъ и—требовалъ моей любви!

ХОРЪ.

И ты его порывамъ уступила?

КАССАНДРА.

Дала обѣтъ, но не сдержала слова!

ХОРЪ.

Ужь получивъ сперва даръ прорицанья?

КАССАНДРА.

Ужь гибель я предсказывала Троѣ!

ХОРЪ.

И гнѣвъ его тебя не поразилъ?

КАССАНДРА.

Ужасный гнѣвъ: никто не сталъ мнѣ вѣрить!

ХОРЪ.

Межь тѣмъ какъ ты предсказывала правду?

КАССАНДРА (*снова приходитъ въ и ступленіе*).

Ахъ — боги! вонъ,—все то жь опять видѣнье...
Какъ будто вихрь кругомъ, и голоса... (*быстро*).
Вонъ тамъ — передъ воротами — вонъ — двое
Сидитъ дѣтей — какъ блѣдныя двѣ тѣни —
Два мальчика — убиты дядей — держатъ
Въ рукахъ остатки собственнаго мяса —
Кишки и сердце... Ужасъ! боги! боги!..
Остатки отъ тѣхъ блюдъ, что̀ на пиру
Отецъ ихъ ѣлъ!.. Они взываютъ къ мести —
И мстить за нихъ идетъ ублюдокъ льва,
Здѣсь на чужомъ упрятавшійся ложѣ,
И броситься сбирающійся съ ложа
На господина моего... Да, да,

На господина моего — вѣдь я
Его раба!.. А онъ, Ахейцевъ вождь
И разрушитель Трои, онъ не чуетъ,
Что̀ кроется подъ длинными рѣчами,
Подъ ласками собаки этой!.. Онъ
Не чуетъ, что̀ готовится ему
Отъ этой фуріи... Зарѣжетъ мужа
Она, жена!.. Да есть ли имя ей?
Змѣя двулицая! Въ глухихъ пещерахъ
Живущее чудовище! къ своимъ
Она горитъ ненасытимой злобой!
О, какъ ликуетъ, точно собираясь
Плясать и пѣть на пиршествѣ побѣды!
Какъ притворяется, что это — радость
При встрѣчѣ мужа... Вѣрьте мнѣ иль нѣтъ,
Вѣдь все равно, все сбудется, вы всѣ
Увидите, всѣ скажете тогда,
Что точно даръ пророчества мнѣ данъ...

ХОРЪ.

Ты говорила про обѣдъ кровавый
Тіэста, страшно говорила, точно
Сама была при этомъ, но что̀ послѣ
Еще сказала, намъ пока темно.

КАССАНДРА.

Про смерть Агамемнона — я сказала!

ХОРЪ.

Уйми языкъ, несчастная, молчи!

КАССАНДРА.

Неотразимо все! ничѣмъ! никѣмъ!

ХОРЪ.

Покамѣстъ нѣтъ еще и — да не будетъ!

КАССАНДРА.

Вы молитесь, а тамъ убійство зрѣетъ!

ХОРЪ.

Кто жь тотъ злодѣй, что̀ мыслитъ объ убійствѣ?

КАССАНДРА.

Несчастные, не поняли меня!

ХОРЪ.

Не знаемъ, кто жь убійцей можетъ быть!

КАССАНДРА.

А вѣдь на вашемъ языкѣ сказала!

ХОРЪ.

И Фебовыхъ пророчествъ теменъ смыслъ!

КАССАНДРА *(опять возбужденная последними словами хора).*

Ахъ!.. точно все горитъ во мнѣ... вся грудь...
Фебъ! Аполлонъ! да пощади же ты!

(Быстро указывая на дворецъ).

Двуногая та львица, что̀ спала —
Когда былъ левъ далеко — съ волкомъ, — жребій
И мой рѣшитъ! Къ закоренѣлой злобѣ,
Какъ будто составляя ядъ, мѣшаетъ
Еще мнѣ месть, и ножъ точа на мужа,
Безстыдно хвалится, что умереть
Изъ-за меня онъ долженъ!.. О, къ чему
Онъ мнѣ теперь, мой жезлъ, моя повязка —
Прочь, прочь! сама его ломаю! прочь!

(Ломаетъ и бросаетъ жезлъ въ вѣтвь лавра).

Повязка роковая, прочь! погибни!
Пускай другой достанется ихъ сила
Проклятая!.. На, Аполлонъ, иди,
Возьми назадъ мой жреческій покровъ!

(Кидаетъ мантію).

Ты самъ, своими видѣлъ ты глазами,
Какъ надо мной, въ одеждахъ этихъ, въ Троѣ —
Безумные!—свои же насмѣхались!

Ругали, какъ врага, ехидной нищей,
Обманщицей — голодную меня,
Несчастную, отвергнутую всѣми!
И наконецъ, всевидящій, меня
Всевидѣньемъ своимъ самъ одарившій —
Ведетъ теперь на смерть! Отъ алтарей
Отеческихъ ведетъ подъ ножъ убійцы,
Въ чужомъ краю!.. И все жь тутъ не конецъ
Пролитой крови — и за насъ опять
Придетъ и будетъ мстить еще другой,
И матереубійствомъ онъ отвѣтитъ
На смерть отца!.. Скиталецъ возвратится, —
И только онъ — одинъ — конецъ положитъ
Проклятью, что̀ лежитъ на всемъ ихъ родѣ:
Такъ боги поклялися — смерть отца
Ему откроетъ въ Аргосъ путь... *)
Но что̀ же!
Чего стою я здѣсь? чего я плачу!
Я видѣла погибель Иліона;
Теперь съ небесъ упасть готова кара

*) Она разумѣетъ Ореста, сына Агамемнонова, котораго Клитемнестра, со своимъ любовникомъ Эгистомъ, удалила изъ Аргоса. Въ третьей части этой трилогіи Орестъ, преслѣдуемый фуріями, приходитъ въ Аѳины, и тутъ Ареопагомъ, подъ вліяніемъ Паллады, полагается рѣшеніе о прекращеніи родовой мести, о чемъ здѣсь и пророчествуетъ Кассандра.

На побѣдителей!.. Чего жь мнѣ медлить?
И мнѣ пора! туда жь со всѣми ими!

(Обращаясь къ воротамъ дворца).

Привѣтствую васъ, адскія врата!
Лишь объ одномъ молю: чтобы подъ вѣрнымъ
Мнѣ умереть ударомъ; чтобъ спокойно,
Покамѣстъ, тихо замирая, будетъ
Струиться кровь моя,—смежить глаза
Покорно мнѣ, безъ ропота, безъ стона...

(Сходитъ съ колесницы)

ХОРЪ.

Вотъ жребій-то!.. И вѣщій даръ при этомъ!
Зачѣмъ же, зная, что̀ тамъ ждетъ тебя,
Идешь ты къ нимъ, навстрѣчу лютой смерти,
Идешь сама что̀ жертва на закланье?

КАССАНДРА.

Не избѣжать, друзья мои, судьбы!
Подходитъ время и—влечетъ меня!..

ХОРЪ.

Но для чего жь его предупреждать?

КАССАНДРА.

Его избѣгнуть—тщетное старанье!

ХОРЪ.

Великій духъ—твоя погибель, дѣва!

КАССАНДРА.

Но есть вѣдь утѣшенье въ смерти!

ХОРЪ.

Ахъ, тотъ кто счастливъ—этого не скажетъ!

КАССАНДРА *(хочетъ идти ко дворцу).*

Пріамъ! Пріамъ! одна съ тобой судьба
И всѣмъ твоимъ, тебя достойнымъ, дѣтямъ.

(Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ ко дворцу, но возвращается назадъ въ ужасѣ).

ХОРЪ.

О, что̀ жь еще ее тамъ поразило?

КАССАНДРА *(съ отвращеніемъ).*

Ахъ...

ХОРЪ.

Что̀ съ тобой? опять ты вся дрожишь?

КАССАНДРА.

Не пересилю запахъ крови—тамъ!

ХОРЪ.

Быть можетъ чадъ отъ жертвоприношеній?

КАССАНДРА.

Нѣтъ, тлѣнья, тлѣнья духъ, какъ изъ могилы!

ХОРЪ.

Увы! не сирскихъ ароматовъ запахъ!

КАССАНДРА *(дѣлая надъ собою усиліе)*.

Иди! И тамъ наплакаться успѣешь
Еще о немъ и о себѣ... Иди!..

(Къ хору).

Довольно жить. Прощайте. Я дрожу,—
Но не какъ птичка передъ шумомъ листьевъ:
Вы это вспомните—уже тогда,
Когда давно въ землѣ лежать я буду,
Когда за кровь мою падетъ—другая,
За Агамемнона—другой... И это—
Привѣтъ мой за твое гостепріимство
И мой прощальный даръ, о, домъ Атридовъ!

(Поднимается по лѣстницѣ дворца).

ХОРЪ.

Ты намъ терзаешь сердце, чужестранка!

КАССАНДРА *(взойдя на лѣстницу)*.

Къ тебѣ теперь послѣднее воззванье,
О, Аполлонъ! Послѣднимъ заклинаю

Тебя лучомъ, который вижу,—сдѣлай,
Что такъ же бы легко мой мститель могъ
Моимъ убійцамъ отомстить, какъ имъ
Меня убить достанется—рабу
Ничтожную и слабую... О, жизнь,
Жизнь человѣческая! Счастливъ ты?
Тѣнь мимолетная найдетъ, и счастья
Ужь нѣтъ!.. Несчастливъ?—вмигъ—прикосновенье
Лишь влажной губки—и исчезъ твой образъ—
И это можетъ быть всего ужаснѣй!

(Входитъ во дворецъ).

1874.

VIII.

ДВА МІРА.

ДВА МІРА.

ТРАГЕДІЯ.

о поводу трагедіи «Два Міра» считаю необходимымъ сказать нѣ-
ько словъ. Давно, еще въ моей юности, меня поразила картина
кновенія древняго греко-римскаго міра, въ полномъ расцвѣтѣ на-
ъ, лежавшихъ въ его основаніи, съ міромъ христіанскимъ, принес-
ъ съ собою новое, совсѣмъ иное начало въ отношеніяхъ между
ьми. Я тогда же попытался изобразить ее въ поэмѣ *Олиновъ и
ірь*. Затѣмъ слѣдовала поэма *Три Смерти*, вторая часть кото-
именно встрѣча съ христіанами, такъ и осталась недописанною.
1863 году явилась и эта вторая часть, и поэма была напечатана
«Русскомъ Вѣстникѣ», подъ заглавіемъ *Смерть Люція*. Далѣе,
ко, углубляясь въ изученіе того и другого міра, я чувствовалъ
недостаточность, всю внѣшность чертъ, какими характеризовалъ
другую сторону въ моихъ опытахъ, и къ 1872 году поэма у меня
ршенно пересоздалась. Въ *Смерти Люція* героемъ, представите-
греко-римскаго міра, у меня являлся эпикуреецъ; но этого мнѣ
залось мало. Герой долженъ былъ вмѣщать въ себѣ все, что древ-
міръ произвелъ великаго и прекраснаго: это долженъ былъ быть
кій римскій патріотъ, могучій духомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ Римля-
ъ, уже воплотившій въ себѣ всю прелесть и все изящество гре-
ой образованности. Эпикуреецъ остался далеко назади предъ
ъ образомъ. Вокругъ этого новаго героя, котораго я назвалъ Де-
ъ, чтобы порвать всякое отношеніе къ эпикурейцу, я сосредото-
все разнообразіе элементовъ современнаго ему римскаго общества
іенъ паденія, какъ фонъ, на которомъ должна была нарисоваться

его фигура. Здѣсь я уже сдѣлалъ все, что̀ могъ, въ изображеніи языческаго міра. Но понять христіанскій міръ не только въ отвлеченномъ представленіи, а въ живыхъ осмысленныхъ образахъ, въ отдѣльныхъ личностяхъ, оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ сладить съ міромъ языческимъ. Какое-то внутреннее неудовлетворявшееся чувство не давало мнѣ успокоиться, и я не пропускалъ ничего, что̀ могло познакомить меня ближе съ духомъ, образомъ и исторіей первыхъ христіанъ, главное почерпая свѣдѣнія уже не изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, а ища прямо въ литературѣ, во главѣ которой стоитъ Св. Евангеліе. Такъ, мало-по-малу, безъ вѣдома для меня самого, съ какою цѣлью я это дѣлаю, у меня накопился матеріалъ, позволившій мнѣ теперь выполнить вполнѣ мою первоначальную идею и даже по тому плану, какой былъ составленъ до 1872 года. Планъ этотъ слѣдующій. Поэма должна состоять изъ трехъ частей (или актовъ). Первая часть—изъ двухъ сценъ, изъ коихъ одна должна была служить преддверіемъ къ христіанскому міру, а другая къ языческому. Обѣ сцены были написаны тогда же. Вторая часть должна ввести насъ въ самый христіанскій міръ, имѣвшій свой центръ въ Римѣ—въ катакомбахъ. Онато мнѣ и не давалась и является только теперь. Третья часть—пиръ Децiя, явленіе къ нему друзей его, христіанъ Марцелла и Лиды, и смерть его. Такимъ образомъ въ трагедіи, какъ она появляется нынѣ, вся вторая часть новая; первая сцена первой части вся передѣлана, а заключительная сцена третьей части значительно измѣнена.

Можетъ быть многимъ покажется страннымъ, что человѣкъ чуть не всю свою жизнь возится съ одною художественною идеей, или по крайней мѣрѣ столько разъ къ ней возвращается. Но видно я слѣдовалъ инстинкту, подсказывавшему мнѣ, что лучше сдѣлать что-нибудь одно, да «по мѣрѣ силъ»...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

На одномъ изъ холмовъ Рима входныя ворота въ палаты Децiя, знатнаго римскаго патрицiя временъ Нерона. По обѣимъ сторонамъ воротъ на цѣпи по рабу: старецъ Iовъ и молодой человѣкъ Дакъ. Iовъ въ забытьи, прислонясь къ стѣнѣ. Къ Даку подходитъ его однолѣтокъ Гетъ. Оглядѣвшись во всѣ стороны, онъ садится рядомъ съ Дакомъ. Весь разговоръ ихъ полушепотомъ, настроенiе ихъ таинственное.

ГЕТЪ.

Что̀ старецъ дремлетъ?

ДАКЪ.

Тс! Молчи!
Какъ будто задремалъ немного,
А можетъ быть и нѣтъ. Въ ночи
Съ нимъ было чудо: видѣлъ Бога.

ГЕТЪ.

Какъ видѣлъ Бога?

ДАКЪ.

Говорилъ
Онъ какъ, да слабъ ужь очень былъ,
Невнятно. Часъ пожалуй цѣлый
Лежалъ онъ словно помертвѣлый.
Такъ страшно было! Я будилъ,
Не слышитъ.

ГЕТЪ.

Бога видѣлъ!
А впрочемъ, если ужь кому
И видѣть Бога, такъ ему!
Ну, есть ли кто, кого бъ обидѣлъ
Хоть словомъ онъ?.. Вотъ за кого
Я бъ душу отдалъ—понимаешь,
Такъ, чтобъ въ мученьяхъ!..

ДАКЪ.

А ты знаешь
У цѣпи онъ изъ-за чего?

ГЕТЪ.

Нѣтъ.

ДАКЪ.

Видишь, прежде онъ въ почетѣ
Былъ въ домѣ. Ни къ какой работѣ

Не понуждали. Господинъ
Съ нимъ разговаривалъ. Одинъ
Вотъ этотъ Давусъ ненавидѣлъ,
И разъ сталъ бить его. У насъ
Былъ мальчикъ: это онъ увидѣлъ,
Да хвать за ножъ, и тутъ какъ разъ
Конецъ бы Давусу, да кто же
Его, какъ думаешь ты, спасъ?
Самъ старецъ Іовъ.

ГЕТЪ

Боже! Боже!

ДАКЪ.

Да, ухватилъ и удержалъ.
А Давусъ: «это»—закричалъ—
«Твои дѣла! ты ихъ сбираешь,
«Ты ихъ мутишь и развращаешь,
«Да у меня коротокъ судъ».
Ну—мальчика къ муренамъ въ прудъ,
А старца къ цѣпи!

ГЕТЪ *(подумавъ)*.

А кто знаетъ?
Вѣдь мальчикъ-то теперь въ раю!
Все жь душу положилъ свою

За ближняго!.. Вотъ что̀ бываетъ
Со мною: будто у меня
Есть врагъ; и я иль изъ огня,
Иль изъ воды его спасаю,
И на меня дивится онъ.
И вотъ ему я объясняю,
Что ужь таковъ Христовъ законъ:
«Люби врага»... И такъ все живо.
И говорю, и самъ горю,
И даже плачу. . . . . .

(*Молчаніе*).

ДАКЪ.

А ты во снѣ видаешь домъ?

ГЕТЪ.

Ужь рѣдко.

ДАКЪ.

Ну, а я видаю.
У насъ крутой былъ спускъ къ Дунаю,
А противъ поле, и на немъ
Становятъ станы: все кругомъ,
Все вѣжи... шумъ такой и ржанье...
Тутъ какъ-то снилось, что пришли
Съ войны и плѣнныхъ привели
И ихъ готовятъ на закланье

Богамъ. И началъ я просить,
Чтобъ ихъ не трогали; хулить
Сталъ идоловъ, и—закричали
И на меня всѣ разомъ—взяли
И тащутъ и хотятъ убить,
А я-то все за нихъ молюся...
И старецъ Іовъ вдругъ ужь тутъ
Явился...

(Слышно хлопанье бича. Гетъ вскакиваетъ и смотритъ съ горы; возвратясь впопыхахъ).

ГЕТЪ.

Давуса несутъ...
Бѣгомъ да въ гору!

(Толкаетъ Іова).

Старче!
Проснися! Давусъ!..

(Убѣгаетъ).

Подбѣгаютъ десять рабовъ, несущіе золотыя носилки, и ставятъ ихъ передъ воротами. Какъ остановились, двое изъ нихъ упали безъ чувствъ, остальные съ трудомъ переводятъ духъ. Изъ носилокъ вылѣзаетъ толстый дворецкій Деціевъ, Давусъ.

ДАВУСЪ *(расправляя руку, держащую плеть).*

Мерзавцы! Ломитъ вѣдь плечо!
Сегодня умирать изволитъ

Ихъ господинъ, а имъ еще
Прибавить шагу трудно!..

(Смотритъ на упавшихъ).

Пали

Собаки! слабосильны стали!

(Ударяя Дака плетью).

Ты что́ глазѣешь? Отворяй?

(Къ носильщикамъ, увидѣвъ, что они хотятъ поднять упавшихъ).

Да бросьте: мало ихъ!.. Ступай
Вы всѣ впередъ, бѣгомъ! стучите
Въ большую доску десять разъ;
Потомъ чуть-чуть повремените—
Опять ударить десять разъ!
Еще чуть-чуть повремените—
Опять ударить десять разъ!
Пиръ на весь Римъ!.. Ну, что̀ стоите!

(Рабы бѣгутъ; Давусъ имъ въ слѣдъ).

Чтобъ вылѣзали всѣ изъ норъ!
Бѣжали бъ къ дѣлу всѣ, весь дворъ,
Чтобъ всѣ одѣты, чисты были!..

Чего не позабылъ ли?.. Ну,
Не въ первый разъ! Римъ покормили
Въ свой вѣкъ, и кесари хвалили!

Хоръ, танцы—этимъ я начну;
Цвѣты ко всякимъ перемѣнамъ,
Бой гладіаторовъ—финалъ!

(Оглядываясь на рабовъ).

Лишь бы изъ нихъ кто не сплошалъ...
Да у меня—тотчасъ къ муренамъ!
Не знаю все—что̀ мой народъ?
Ужь смирны очень, терпѣливы...
Нѣтъ воровства совсѣмъ!.. идетъ
Все въ струнку... Только молчаливы,
И что-то шепчутся... И къ нимъ
Все кто-то шмыгаетъ, къ собакамъ...
Охъ, на волканѣ мы стоимъ!
Спартакомъ пахнетъ, да! Спартакомъ!

(Уходитъ въ ворота).

ДАКЪ *(затворивъ двери, къ упавшимъ)*

Сс!.. Азіатикъ! Буривой!
Не слышатъ...

Входитъ Лида, молодая женщина, въ темной туникѣ, съ бѣлымъ покровомъ на головѣ, низко спускающимся на лицо; за нею нѣсколько человѣкъ христіанъ.

ЛИДА *(увидя трупы).*

Это кто?.. Кровь льется...
Несите внизъ туда къ больнымъ. *(Нѣсколько человѣкъ уносятъ тѣла).*

ДАКЪ.

Надорвались!.. Не жить ужь имъ!..
Жаль Буривоя... вмѣстѣ взяли
И привели насъ...

ІОВЪ (*съ тихою скорбью: вообще рѣчь его кроткая*).

Отстрадали
Свой вѣкъ и къ Господу предстали,
И предъ Его теперь лицомъ...
Святую кротость ихъ помянетъ
Всевышній на судѣ Своемъ!

ДАКЪ.

И вотъ же, въ эту жь ночь предстанетъ
И господинъ туда, и тамъ
Ихъ встрѣтитъ... Здѣсь собой надменный,
Великій, недоступный намъ,
А тамъ—изъ огненной геенны
Смотрѣть онъ будетъ въ свѣтлый рай,
Къ своимъ рабамъ!..

ІОВЪ.

Не упреждай
Господень судъ!

ЛИДА.

О господинѣ
Ты что̀ сказалъ?

ДАКЪ.

А хочетъ нынѣ
Онъ умирать...

ЛИДА.

Онъ боленъ!

ДАКЪ.

Нѣтъ.
Сказалъ тутъ Давусъ—умираетъ
Сегодня...

ЛИДА (*про себя*).

Боже! И его
Я не спасу!..

ДАКЪ.

Весь Римъ сзываетъ
На пиръ. И Давусъ оттого
Въ тревогѣ...

ЛИДА.

Децій умираетъ!
Онъ, Децій! Да вѣдь въ немъ весь Римъ
Въ вѣкахъ держащійся корнями—

И сдвинуть слабыми руками
Мнѣ, женщинѣ?.. О нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!..
Безумная! а ты обѣтъ
Себѣ давала... *(Къ Іову).* Отче, можетъ
Повѣрить онъ?

ІОВЪ.

Чего не можетъ
Господь? велитъ Онъ, и гора
Подвигнется. .

ЛИДА.

Вѣдь онъ добра,
Онъ истины искалъ...

ІОВЪ.

Помилуй
Всѣхъ, Господи! всѣмъ даруй силу
Гордыни тяжесть превозмочь
И распознать, гдѣ день, гдѣ ночь!

ЛИДА.

Къ тебѣ я, отче; вотъ въ чемъ дѣло:
Поручено мнѣ отъ Марцелла
Сказать, что выйдетъ можетъ быть
Декретъ сегодня жь: объявить,
Чтобъ завтра утромъ мы явились

Къ властямъ; какъ Богу поклонились
Статуѣ кесаря, а нѣтъ—
То смерть. Чтобъ обсудить рѣшеньс,
Всѣхъ въ катакомбы на совѣтъ
Зоветъ Марцеллъ.

ДАКЪ (*восторженно къ Іову*).

Твое видѣнье!..

ЛИДА.

Предложать каждому одинъ
Вопросъ: ты кто? христіанинъ?
Отвѣтишь—да, и отбираютъ,
Къ звѣрямъ иль въ пламя назначаютъ,
И тутъ же всѣхъ пытать тотчасъ,
Чтобъ въ мукахъ вырвать подтвержденье
Всего, что́ взводится на насъ.

ДАКЪ.

Вотъ ангеловъ зачѣмъ видѣнье!

ЛИДА (*къ Іову*).

О чемъ онъ, отче, говоритъ?

ДАКЪ (*живо, указывая на Іова*).

Сегодня ночью откровенье
Имѣлъ онъ свыше!..

ІОВЪ.

Смыслъ сокрытъ
Видѣній... врядъ ли подобаетъ
Объ этихъ тайнахъ говорить...
Хотя и то же можетъ быть:
Господь въ видѣньѣ возвѣщаетъ
Свою намъ волю...
Да! со мной
Свершилось нынѣ то, что даже
Я и теперь какъ самъ не свой...
Сидѣлъ я здѣсь, и надъ собой—
А время шло къ четвертой стражѣ—
Вдругъ слышу голосъ: «встань!» и вдругъ
Какъ будто что̀ меня подняло
На высоту—и только духъ,
А тѣло на землѣ лежало,
Что риза снятая—его
Я видѣлъ: блѣдно и мертво,
И безъ движенья... подивился
Я самъ въ себѣ и взоръ возвелъ
На небо, и какъ бы раскрылся
Тамъ облакъ... вижу я: престолъ
И Нѣкто былъ на немъ Сидящій
И свѣтъ великій вкругъ Него
Какъ бы отъ солнца исходящій

Въ пространство отъ лица Его;
И словно въ радужномъ туманѣ,
Съ блистаніемъ мечей и латъ,
Полки несмѣтные ко брани
Готовые кругомъ стоятъ;
И съ распростертыми крылами,
Внизу, на воздухѣ предъ Нимъ
Все были ангелы съ мечами
Въ рукахъ... и говорилъ Онъ имъ:
«Которые не поклонились
«Кумирамъ идольскимъ, ни мукъ,
«Ни смерти злой не устрашились,—
«Блюдите души ихъ...» и вдругъ,
Всшумѣвъ крылами, обернулся
Къ землѣ сонмъ ангельскій, и внизъ
Они въ пространство понеслись...
Я поглядѣть на нихъ нагнулся,
Но облакъ быстро запахнулся,
И скрылось все... Темно кругомъ—
И такъ мнѣ тяжко, страшно стало!
И я глаза открылъ съ трудомъ—
И все, какъ прежде—портикъ, домъ,
И цѣпь, все тутъ... Чуть-чуть свѣтало...

ОДИНЪ СТАРИКЪ (*благоговѣйно*).

Господь ужь это... по дѣламъ

Твоимъ... восхитилъ къ небесамъ
Твой духъ... быть можетъ упреждаетъ
Черезъ тебя, что Самъ идетъ
Судить, и знаменье даетъ...

ІОВЪ.

Когда Господь придетъ, не знаетъ
Никто!.. и міръ Его узритъ
Внезапно, зо мгновенье ока,
Какъ молнія: блеснетъ съ Востока
И разомъ небо озаритъ
До края запада...

ЛИДА.

...Теперь, отецъ, прости,
Иду къ другимъ.

ІОВЪ.

Всѣмъ повѣсти!

ДАКЪ (*ей вслѣдъ*).

Ужь завтра встрѣтимся быть можетъ
При гласахъ трубныхъ... день суда!

ЛИДА (*дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и останавливается*).

Сердца ихъ радуются... Да!
Но душу мнѣ еще тревожитъ
Обѣтъ не совершенный мной...

(*Оглядываясь на дворецъ Децiя*).

О, Деціи, Деціи... Боже мой!
Ужель и въ мигъ, когда надъ бездной
Теперь стоитъ онъ, Ты ему
Не бросишь лучъ свой съ тверди звѣздной
Во всю имъ пройденную тьму!..

(*Уходитъ*).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Комната въ термахъ. Деціи, богатый римскій патриціи, отдыхаетъ послѣ бани, окруженный кліентами. Вдали, у выходной арки, толпа рабовъ. Ювеналъ, молодой человѣкъ, заглянувъ въ комнату, поспѣшно входитъ.

ЮВЕНАЛЪ.

Ахъ, Деціи! на одно мгновенье!

(*По знаку Деціи кліенты и рабы удаляются*).

Ужели правда?

ДЕЦІЙ.

Жаль одно!
Задумалъ я уже давно,
Да отлагалъ все исполненье,
И кесарю доставилъ честь
Напомнить! вотъ что̀ мнѣ обидно!
Я знаю, сто̀итъ произнесть
Мнѣ только слово—съ тѣмъ безстыдный

И назвался ко мнѣ евнухъ
Миртиллъ на ужинъ: обнимаетъ
И ластится какъ нѣжный другъ,
На всѣ лады мнѣ намекаетъ,
Скажи, молъ, слово, и тотчасъ
Все позабыто! но ужь насъ
Врасплохъ, надѣюсь, не застанетъ!

ЮВЕНАЛЪ.

Ужель вся буря отъ того,
Что декламаціей его
Ты не былъ тронутъ.

ДЕЦІЙ.

Какъ кто взглянетъ!
Ему, на чтеньи, три лица
Своимъ присутствіемъ ужь въ залѣ—
Помпоній, Руфъ и я—мѣшали,
И крикнулъ онъ: «Три мертвеца!»
И вышелъ, въ насъ швырнувши свитокъ...
Что̀ жь? Слово кесаря—законъ!
Въ немъ—Римъ!.. Я тутъ же на прощанье
На пиръ все пригласилъ собранье...
Но тотчасъ спохватился онъ:
Отъ казней, отъ убійствъ и пытокъ

Римъ отдохнуть успѣлъ едва;
Вездѣ читаются слова
Предсмертныя Сенеки; шопотъ
Еще идетъ какъ умиралъ
Пизонъ и Люцій, даже ропотъ
Въ преторіанцахъ пробѣжалъ,—
И къ намъ клеврета за клевретомъ
Онъ шлетъ съ намекомъ иль совѣтомъ.
Руфъ и Помпоній, передъ нимъ
Тѣ извинились; *мы* молчимъ...
Весь анекдотъ пожалуй въ этомъ.

ЮВЕНАЛЪ.

Въ какое время мы живемъ!..
И жизнь, и смерть—всему значенье,
Цѣна утрачена всему!

ДЕЦІЙ *(равнодушно, полушутливо).*

Что̀ значитъ жизнь? Изъ тьмы и въ тьму
Промчался мотылекъ, мгновенье
Блеснувъ на солнцѣ!.. Человѣкъ
Самъ по себѣ что̀ значитъ въ мірѣ?
Кому онъ нуженъ? Конченъ вѣкъ,
И за приборъ его на пирѣ
Другой садится... *(Вдругъ одушевляясь).* Но для насъ,

И назвался ко мнѣ евнухъ
Миртиллъ на ужинъ: обнимаетъ
И ластится какъ нѣжный другъ,
На всѣ лады мнѣ намекаетъ,
Скажи, молъ, слово, и тотчасъ
Все позабыто! но ужь насъ
Врасплохъ, надѣюсь, не застанетъ!

ЮВЕНАЛЪ.

Ужель вся буря отъ того,
Что декламаціей его
Ты не былъ тронутъ.

ДЕЦІЙ.

Какъ кто взглянетъ!
Ему, на чтеньи, три лица
Своимъ присутствіемъ ужь въ залѣ—
Помпоній, Руфъ и я—мѣшали,
И крикнулъ онъ: «Три мертвеца!»
И вышелъ, въ насъ швырнувши свитокъ...
Что̀ жь? Слово кесаря—законъ!
Въ немъ—Римъ!.. Я тутъ же на прощанье
На пиръ все пригласилъ собранье...
Но тотчасъ спохватился онъ:
Отъ казней, отъ убійствъ и пытокъ

Римъ отдохнуть успѣлъ едва;
Вездѣ читаются слова
Предсмертныя Сенеки; шопотъ
Еще идетъ какъ умиралъ
Пизонъ и Люцій, даже ропотъ
Въ преторіанцахъ пробѣжалъ,—
И къ намъ клеврета за клевретомъ
Онъ шлетъ съ намекомъ иль совѣтомъ.
Руфъ и Помпоній, передъ нимъ
Тѣ извинились; *мы* молчимъ...
Весь анекдотъ пожалуй въ этомъ.

ЮВЕНАЛЪ.

Въ какое время мы живемъ!..
И жизнь, и смерть—всему значенье,
Цѣна утрачена всему!

ДЕЦІЙ *(равнодушно, полушутливо).*

Что̀ значитъ жизнь? Изъ тьмы и въ тьму
Промчался мотылекъ, мгновенье
Блеснувъ на солнцѣ!.. Человѣкъ
Самъ по себѣ что̀ значитъ въ мірѣ?
Кому онъ нуженъ? Конченъ вѣкъ,
И за приборъ его на пирѣ
Другой садится... *(Вдругъ одушевляясь).* Но для насъ,

Для старыхъ Римлянъ, для фамилій,
Которыхъ съ Римомъ жизнь слилась,
Которыхъ предки Риму были
Отцами и которыхъ духъ
Изъ рода въ родъ передавался
И держитъ Римъ,—ужь то нейдетъ
Сравненье!.. Въ Римъ теперь собрался
Со всей вселенной всякій сбродъ;
Въ курульныхъ креслахъ возсѣдаютъ
Чуть не вчерашніе рабы
И грязнымъ пальцемъ наклоняютъ,
Куда хотятъ, вѣсы судьбы...
Отъ этой сволочи презрѣнной
Мы устранились и смиренно
Живемъ въ провинціяхъ, въ поляхъ;
На Римъ, пока онъ въ ихъ рукахъ,
Глядимъ извнѣ какъ чужестранцы,
Или какъ трезвые Спартанцы
На перепившихся рабовъ.
Мы ждемъ, и наша вся забота
Лишь въ томъ, чтобъ старый духъ отцовъ
Являлся требовать отчета
Въ палаты кесарей порой;
Чтобъ у поруганнаго трона
Онъ появлялся судіей,

Грозящимъ призракомъ Катона,—
А этотъ призракъ всякій разъ
Встаетъ, во всѣ дома стучится,
Лишь только новое свершится
Самоубійство между насъ!

ЮВЕНАЛЪ.

Самоубійство, мечъ, отрава!
И въ этомъ—лучшихъ изъ мужей
Теперь величіе и слава!
Что̀ жь съ бѣдной музою своей
Поэтъ тутъ сдѣлаетъ?.. Не знаешь,
На чемъ стоишь! почти теряешь
Ужь и понятіе о томъ,
Что̀ называть добромъ и зломъ!

ДЕЦІЙ.

Да, жаль мнѣ васъ!.. На вашу лиру
Изъ міра нечему пахнуть,
Чтобы аккордомъ звучнымъ міру
Ей отозваться какъ-нибудь!..
У дикихъ Скиѳовъ и Тевтоновъ
Видалъ ночные я пиры:
Среди глухихъ, лѣсныхъ притоновъ,
Зажгутъ они свои костры,

Въ кругу усядутся въ долинѣ
И пьютъ меды, а посрединѣ
Поетъ пѣвецъ. Напѣвъ ихъ дикъ,
Для насъ пожалуй непріятенъ,—
Но какъ могучъ простой языкъ!
Какъ жестъ торжественъ и понятенъ!
И кто тамъ больше былъ поэтъ
Пѣвецъ иль слушатели сами?
Но эта ночь, въ лѣсу, съ кострами,
И между листьевъ лунный свѣтъ,
И въ лихорадочной тревогѣ
Кругомъ косматый этотъ людъ—
Все,—даже самые ихъ боги,
Что̀ въ вихряхъ мчатся, тоже тутъ,
Съ высотъ внимаютъ,—все дышало
Въ тѣхъ пѣсняхъ пламенныхъ... Но въ нихъ
Пѣвецъ вливалъ въ свой звучный стихъ
То, что̀ толпа ему давала...
А вы? куда васъ повлекутъ,
И что̀ вамъ слушатели скажутъ?
Какія цѣли вамъ укажутъ
И въ ваши пѣсни что̀ вольютъ?

ЮВЕНАЛЪ.

И Римъ такой же былъ когда-то!

Такая жь пѣснь и въ немъ жила!
Онъ пѣлъ Виргинію, дѣла
Коріолана, Цинцинната!..
О, Децій, нѣтъ! съ собой самимъ,
Съ тобой къ чему мнѣ лицемѣрить?
Но я почти не вѣрю въ Римъ!

ДЕЦІЙ.

Кто вѣритъ въ разумъ, тотъ не вѣрить
Не можетъ въ Римъ!.. Аѳины: въ нихъ
Искусства намъ явилось солнце;
Ихъ геній въ юномъ Македонцѣ
Протекъ между племенъ земныхъ,
Съ мечомъ неся рѣзецъ и лиру.
Римъ все собой объединилъ,
Какъ въ человѣкѣ разумъ; міру
Законы далъ и міръ скрѣпилъ.
Находятъ временныя тучи,
Но разумъ бодрствуетъ, могучій
Не никнетъ духъ... И сядь на тронъ
Философъ—съ трона свѣтъ польется,
И будетъ кесаревъ законъ
Закономъ разума. Вернется
Златой быть можетъ вѣкъ. Твой даръ
Сатира. Помни жь, что сатира—

Дочь разума. Ея ударъ
Разитъ передъ глазами міра.
Чтобъ міръ призналъ твои права,
Ты долженъ самъ стоять высоко:
Стрѣла тогда лишь бьетъ далеко,
Когда здорова тетива!
Вотъ что̀ тебѣ я на прощанье
Сказать могу!..

(По знаку Децiя рабы и кліенты къ нему подходятъ и надѣваютъ на него верхнюю тогу).

ЮВЕНАЛЪ *(въ раздумьи).*

...Ужасное сознанье!
Въ чемъ, гдѣ же эта высота?
Въ душѣ кипитъ негодованье,
Подъ нимъ же, боги, пустота!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВЪ КАТАКОМБАХЪ.

Большая зала въ катакомбахъ. Направо, налѣво внутренніе подземные входы. При нихъ лампады. По стѣнамъ нѣсколько нишъ для гробницъ и надъ ними надписи. Въ глубинѣ сцены вырубленная въ скалѣ лѣстница. На поворотѣ этой лѣстницы, въ половину ея высоты, сидитъ Дидима, дѣвочка, слѣпая; тутъ же свѣтильникъ и свѣчки. Въ глубинѣ сцены, около стѣны, гдѣ лѣстница, значительная группа разныхъ лицъ, странниковъ и преимущественно рабовъ, слушающихъ Іова.

ДИДИМА (*заслыша шаги приближающихся двоихъ, нараспѣвъ*).

Свѣчечкой, свѣчечкой
Зрячій отъ слѣпенькой
Въ путь запасись!

ОДИНЪ ИЗЪ ПРОХОДЯЩИХЪ.

Мы къ старцу Іову... Господь
Съ тобой, Дидима!

ДИДИМА.

Съ вами тоже!

(*Они сходятъ съ лѣстницы и присоединяются къ слушателямъ*).

ДѢВОЧКА (*сама съ собою, нараспѣвъ*).

Мнѣ онъ не надобенъ
  Свѣточъ земной!
Все озаряетъ мнѣ
Свѣта небеснаго
Искорка малая
  Въ сердцѣ моемъ..

ОДИНЪ ИЗЪ ГРУППЫ СЛУШАЮЩИХЪ ІОВА.

А послѣ женщинъ, Онъ потомъ
Ученикамъ явился, днемъ?

ІОВЪ.

Да, ввечеру. Какъ прибѣжали
Къ ученикамъ онѣ, сказали,
Что̀ видѣли, тѣ все почли
За ихъ мечтанье. Съ этимъ двое,
Клеопа и Лука, пошли
Въ Эммаусъ. Мѣсто тамъ пустое
Дорогой. Шли они одни —
Вдругъ между нихъ явился Третій
И ихъ спросилъ: о чемъ они
Печалятся и плачутъ? Эти
Дивятся: какъ же это Онъ
Не знаетъ, бывъ въ Ерусалимѣ,

Что тамъ Іусъ пророкъ казненъ!
Онъ рѣчь повелъ объ этомъ съ ними,
И слушать сладко былъ имъ,
И на слова Его горѣло
Ихъ сердце. Между тѣмъ стемнѣло.
Подходятъ къ дому. Дольше съ Нимъ
Побыть имъ хочется, и просятъ,
Чтобъ съ ними въ домъ и Онъ вошелъ.
Зажгли свѣтильникъ. Хлѣбъ приносятъ,
Вино. И, взявши хлѣбъ, возвелъ
Горѣ Онъ очи, преломляя
Его съ благословеньемъ: въ мигъ
Какъ бы открылись очи ихъ,
И оба вдругъ они признали,
Что это Самъ Онъ — съ ними шелъ,
И говорилъ, возлегъ за столъ,
И дѣлалъ такъ все, какъ видали
Онъ дѣлалъ. — и взыгралъ ихъ духъ —
«Равви», хотѣли ужь воскликнуть
И броситься къ Нему, какъ вдругъ
Глядятъ, Онъ сталъ невидимъ...

СЛѢПАЯ (*у себя наверху*).

Свѣчечкой, свѣчечкой

Зрячій отъ слѣпенькой
Въ путь запасись!

(Двое молодыхъ людей, Главкъ и Эвменъ, подходятъ къ ней, берутъ свѣчи).

ЭВМЕНЪ *(спускаясь съ лѣстницы).*

Отсюда безъ огня ужь намъ
Нельзя идти.

ГЛАВКЪ *(указывая на дѣвочку).*

Она слѣпая?

ЭВМЕНЪ.

Слѣпая; но по всѣмъ путямъ
Свои примѣты наблюдая,
И здѣсь, и въ городѣ, пройдетъ
Вездѣ одна...

ГЛАВКЪ.

И раздаетъ
Намъ, зрячимъ, свѣтъ!

ЭВМЕНЪ *(приближаясь къ авансценѣ).*

Да, но простая
Одна случайность... Видишь тутъ
У насъ для странниковъ пріютъ,
Ихъ первый отдыхъ. Издалека
Приходятъ — съ запада, съ востока,

Изъ Африки. Отъ всѣхъ церквей
Приносятъ вѣсти, край отъ края,
Со всей земли. Вокругъ гостей
Всегда бесѣда.

ГЛАВКЪ.

Тутъ слѣпая
Свѣтъ раздающая!.. въ цѣпяхъ
У входа старецъ — руки, плечи
Изъязвлены, а въ небесахъ
Витаетъ духъ и на устахъ
Любви исполненныя рѣчи,—
Все это точно чудный сонъ!

ЭВМЕНЪ.

Тотъ старецъ? оглянись, вотъ онъ!
Какъ люди кончатъ трудъ, съ тяжелой
Онъ цѣпи смѣнится — всѣ тутъ!
Всѣ, какъ на цвѣтъ медвяный пчелы,
Послушать словъ его бѣгутъ...
Начитанъ древнихъ книгъ еврейскихъ,
Самъ онъ съ Востока, былъ вождемъ
Племенъ какихъ-то арамейскихъ
(Языкъ ихъ сходенъ), жилъ царемъ,
Полнъ гордыхъ замысловъ когда-то —
И вдругъ разгромъ! всего утрата!

Плѣненъ и проданъ, дни влачитъ
Рабомъ — и что̀ же?.. Говоритъ,
Что бытія позналъ онъ сладость
Лишь тутъ, по благости Творца;
Что тутъ вкусилъ и понялъ радость
Онъ вдругъ прозрѣвшаго слѣпца;
Что лишь въ цѣпяхъ, на жесткомъ ложѣ,
Обрѣлъ онъ то, что намъ дороже
Земнаго скиптра, и вѣнца,
И всѣхъ сокровищъ міра — Бога
И путь къ Нему! И съ этихъ поръ,
Какъ путникъ ночью у порога
Предъ освѣщеннымъ домомъ, взоръ
Онъ съ совершенствъ Его не сводитъ.
И въ созерцаньѣ ихъ находитъ
Ту мудрость, силу и покой,
Чѣмъ всѣхъ невольно покоряетъ
И въ высоты, гдѣ пребываетъ,
Всѣхъ увлекаетъ за собой...

ГЛАВКЪ.

Не въ этомъ ли и все ученье
Христа, Эвменъ? не все ль въ одной
Молитвѣ Отче Нашъ? въ моленьѣ
О царствѣ Божьемъ на земли?

Когда бъ мы всѣ постичь могли
Отца святое совершенство,
И всѣ исполнились бы Имъ, —
Жизнь стала бъ вѣчное блаженство
И міръ сталъ раемъ бы земнымъ!
Его лишь волю бъ мы творили,
И зло исчезло бъ навсегда...
Не только кары, мы бъ суда
Названье даже позабыли!

ЭВМЕНЪ.

Ахъ, Главкъ, умомъ хоть и поймешь
И видишь дивные примѣры,
Да вдругъ ни силы нѣтъ, ни вѣры,
И ты колеблешься и ждешь
Какъ передъ пропастью — спасенье
Иль шагъ измѣнитъ, и — паденье!
Примѣръ намъ старецъ Іовъ... Но...
Вотъ видишь, Главкъ, раздвоено
Все существо мое! тревожитъ
Меня сомнѣнье: дай совѣтъ.
На завтра бракъ мой и быть можетъ
На завтра жь Кесаревъ декретъ!
Быть можетъ страхъ мой и не къ мѣсту,
Но противъ воли трепещу,

Что поведу я вдругъ невѣсту
Не къ алтарю, а къ палачу, —
И тутъ испугъ или невольный
Прочту укоръ въ ея глазахъ,
Самъ поколеблюсь... Вотъ мой страхъ!
И съ нимъ мнѣ тяжело и больно!
Такъ молода! почти дитя...
Вхожу вчера, въ душѣ такъ мрачно,
Она, съ подругами шутя,
Спѣшитъ нарядъ окончить брачный,
И споръ у нихъ — изъ-за шитья!
Чтобъ я рѣшилъ — еще хотѣла!..
Потомъ другое: вечерѣло,
Въ саду сидѣла вся семья:
Два бѣлыхъ голубя надъ нами
Взлетали плавными кругами
Все выше въ синеву небесъ;
Она слѣдитъ, дохнуть не смѣя,
Какъ свѣтлой искрой, все слабѣя,
Въ лазури вдругъ ихъ слѣдъ исчезъ...
Она мнѣ крѣпко сжала руку,
И шепчетъ: это мы съ тобой!
И улыбается... Какой,
Ну какъ сказать — восторгъ и муку
Въ тотъ мигъ я разомъ ощутилъ...

Что̀ отвѣчалъ ужь — и не знаю...
Прости мнѣ, Главкъ! хоть облегчилъ
Признаньемъ сердце.

ГЛАВКЪ.

Понимаю,
Но врядъ ли правъ ты передъ ней.
Всей новой жизнію моей —
А этой жизнью называю
Когда Христа лишь началъ знать —
Я женщинѣ обязанъ. Мать,
Меня взрастила въ нѣгѣ, въ холѣ.
Изъ этой роскоши потомъ
Вдругъ очутился я рабомъ,
Но роскошь та же и въ неволѣ:
Хозяинъ мой былъ меценатъ;
Поэтъ, пѣвецъ, надъ нимъ скорѣе
Я деспотъ былъ, и онъ былъ радъ
Служить любой моей затѣѣ,
Гордясь лишь правомъ надо мной.
Такъ я страстямъ не зналъ преграды
Отъ дѣтскихъ лѣтъ: всегда съ толпой
Друзей; гдѣ явимся — пощады
Ужь нѣтъ и нѣтъ на насъ суда!
Вдругъ воспылалъ я страстью — да!

Къ замужней женщинѣ... Бывало,
Полуспустивши покрывало,
Идетъ... ребенокъ иногда
За палецъ держится... Сгораю
Я вспоминая отъ стыда...
Я тотчасъ планъ изобрѣтаю
Изъ дома выманить, увлечь
И обмануть. Обдумалъ рѣчь —
Уже заранѣ торжествуя —
Друзья въ засадѣ, въ домъ вхожу я
И вижу: на густыхъ коврахъ
Она, ребенокъ на рукахъ,
Другой цѣлуетъ шею, третій
Изъ-за плеча, съ боковъ, въ ногахъ,
Кругомъ смѣющіяся дѣти,
И улыбается она,
Живымъ вѣнкомъ окружена
Изъ дѣтскихъ лицъ; всѣ во мгновенье
Прижались къ ней. Въ самой смущенье —
«Кто ты? зачѣмъ?» — порывъ души
Здѣсь, до меня безъ опасенья
Царившей въ тайнѣ и тиши
Своей святыни... Всѣ расчеты,
Вся ложь, съ какой вошелъ я къ ней,
Разбились въ прахъ. Что изъ дѣтей,

Окромѣ двухъ, тѣ всѣ сироты,
Что это христіанскій домъ, —
Я прежде зналъ. Стою стыдомъ
Какъ бы прикованный на мѣстѣ...
Эвменъ, я то хочу сказать:
Мнѣ кажется, въ твоей невѣстѣ
Должна, ужь въ дѣвицѣ, сіять
Такая жь будущая мать
И то жь для близкихъ провидѣнье,
Какъ та мнѣ сдѣлалась потомъ..
Ну, въ свой чередъ мнѣ извиненья
Просить — я задержалъ, идемъ.

(*Уходятъ, засвѣтивъ свѣчи*).

(Съ лѣстницы между тѣмъ спускается слѣпой старикъ, ведомый мальчикомъ).

СЛѢПОЙ СТАРИКЪ (*къ мальчику*).

Здѣсь и сберутся и объявятъ
Декретъ?.. Ну, вотъ! до своего
И дожилъ дня!.. Вѣдь я Его
Самъ близко видѣлъ... Запоздали
Въ пути мы и какъ разъ попали
Какъ выводилъ Его Пилатъ

Къ народу... Помню этотъ взглядъ,
Слегка опущенныя вѣки,
Весь образъ — я былъ зрячъ тогда —
Ну — точно въ сердцѣ навсегда
Отпечатлѣлся, ужь на вѣки...
Два факела по сторонамъ —
И Онъ въ вѣнцѣ изъ терній Самъ...
Ослѣпъ потомъ и потускнѣло
Все въ памяти... Онъ какъ живой
Одинъ остался...

(Останавливается, прислушиваясь къ голосу Іова).

ІОВЪ.

Не льститесь благами земными!
Вотъ ты сокровищъ пріобрѣлъ
И спряталъ; сердцемъ будешь съ ними
Вездѣ, куда бы ни ушелъ!
Сбирай сокровища для вѣчной
Лишь жизни...

СЛѢПОЙ СТАРИКЪ.

А! Іовъ тутъ!... Пойдемъ къ нему!
Охъ, дивный мужъ!

(Присоединяются къ группѣ Іова).

Изъ галлереи справа выходитъ Лида, ведя подъ руку пожилую женщину Мениппу; сажаетъ ее на скамьѣ).

ЛИДА.

Пріотдохни, садись сюда!
Ты такъ устала, ослабѣла...

(Съ лѣстницы спускается нѣсколько человѣкъ дѣтей; съ ними женщина. Лида подходитъ къ нимъ, оправляетъ ихъ, ласкаетъ).

МЕНИППА *(одна).*

Все видѣла, все осмотрѣла, —
И въ Римѣ нѣтъ... все нѣтъ!.. Куда
Еще теперь? куда? въ какіе
Еще края?.. И хоть бы слѣдъ!

(Къ Лидѣ, къ ней подходящей).

Какъ хорошо у васъ!.. Такіе
Все добрые... Ко всѣмъ привѣтъ!
Пещеры... своды... лица эти —
Все мирно, тихо... Я бъ у васъ
Осталась...

ЛИДА.

Что̀ же? Въ добрый часъ...

(Указывая на дѣтей).

А эти дѣти — «Божьи дѣти»
Мы ихъ зовемъ — на площадяхъ
Подобраны, на пустыряхъ...
Кто бросилъ? чьи? Никто не знаетъ:
Вотъ «Божьи» и зовемъ мы ихъ!

МЕНИППА (*содрогнувшись, сильно*).

Злодѣи! Звѣрь дѣтей своихъ
И дикій звѣрь не покидаетъ!

(*Съ лѣстницы несутъ на носилкахъ раненаго*).

ЛИДА (*къ несущимъ*).

Ко мнѣ?

НОСИЛЬЩИКЪ.

Ужь перевязанъ. Раны
Не глубоки. Былъ принесенъ
Безъ чувствъ.

МЕНИППА (*бросается къ раненому, смотритъ и возвращается грустная. Дѣтей между тѣмъ уводятъ*),

Все нѣтъ! не онъ, не онъ!

(*Возвращается на свое мѣсто*).

А такъ же, можетъ, бездыханный
Подобранъ былъ... и былъ спасенъ...

(*Къ Лидѣ*)

Нѣтъ, я не въ силахъ... Нѣтъ, таиться
Я не могу — душа моя
Должна передъ тобой открыться:
Я васъ обманывала!.. Я —
Не христіанка... Изъ Милета
Я родомъ. Вѣкъ жила я тамъ —
И вотъ теперь шестое лѣто
Скитаюсь по чужимъ землямъ...
Я *сына* все ищу!.. Когда-то
Мы жили пышно и богато...
Но вдругъ война... свои враги...
Мужъ умеръ... Началась расплата —
И сынъ взятъ въ рабство за долги!..
Онъ былъ ученъ, игралъ на лирѣ,
Слагать гекзаметры умѣлъ...
Разъ господинъ ему велѣлъ
Въ честь Афродиты пѣть на пирѣ.
Онъ отказался! отчего —
Досель не знаю! Говорили,
Что христіане соблазнили...
Всѣ поднялися на него,
Вмѣшалась чернь — такіе нравы
У насъ ужь! крики, брань и стонъ!
Бѣгу я, вижу слѣдъ кровавый,

Его разорванный хитонъ,
А онъ исчезъ!.. Одни вопили —
Убитъ и въ море трупъ стащили,
Другіе — кѣмъ-то унесенъ.
Что̀ жь? живъ иль нѣтъ?.. Я больше году
Томлюсь! покоя ни на мигъ...
Иду разъ въ гавани. Народу
Толпа! Грузятъ товары. Крикъ!
Вдругъ предо мной остановился
Матросъ: «Онъ живъ», шепнулъ и скрылся.
Живъ!.. Гдѣ жь искать его? Пошла
Я на удачу, гдѣ землею,
Гдѣ моремъ, къ Риму прибрела,
И тутъ... тутъ встрѣтилась съ тобою,
У васъ смотрѣла... Что̀ жь теперь?

ЛИДА.

Несчастный!.. Но надѣйся, вѣрь:
Есть Богъ!

МЕНИППА (*не слушая, сама съ собою*).

Шесть лѣтъ передо мною
Въ глазахъ — разорванный хитонъ
И площадь, лужа крови, или

Заливъ и корабли — и онъ
Въ даль уходящій!.. и манили
Опять надежды, и я шла...
О, да! скажу, что полила
Слезами долгій путь...

ЛИДА.

Ты съ нами
Останься: можетъ быть найдемъ.
Скажи, какъ звать его. Потомъ
Разскажемъ старшимъ... Ахъ, путями,
Повѣрь, невѣдомыми намъ
Ведетъ насъ Богъ, и встрѣтишь тамъ,
Гдѣ и не чаешь... а слезами
Политый путь Онъ видитъ... Самъ
Христосъ прошелъ его...

МЕНИППА.

Ты добрая душа...

(Вдругъ отъ нея отпрянувъ).

А если... умеръ?

ЛИДА.

Умеръ... Боже!..

Ей, откровенья чуждой, что̀ же
Скажу я?.. Что̀ мои слова!

(Увидавъ вошедшую предъ тѣмъ и остановившуюся предъ одною въ стѣнѣ гробницей Камиллу, молодую женщину съ двумя дѣтьми, мальчикомъ 8—10 лѣтъ и другимъ 4, указываетъ на нее).

Смотри, вотъ мать съ дѣтьми, вдова.
Въ гробницѣ этой прахъ хранится
Отца ихъ... видишь, подняла
Ребенка къ камню приложиться...
Гляди, какъ смотритъ, какъ свѣтла
Улыбка!.. Къ старшему нагнулась...
Тсс... слушай... говоритъ...

КАМИЛЛА *(сыну).*

Такъ помни жь, въ этой нишѣ прахъ,
Прахъ вашего отца. Онъ львами
Разорванъ былъ, и въ небесахъ
Теперь душа его и нами
Любуется, когда творимъ
Мы доброе и Бога чтимъ,
А нѣтъ, то плачетъ... Можетъ статься,
У васъ и маму Богъ возьметъ:
Съ нимъ вмѣстѣ съ голубыхъ высотъ
Мы вами будемъ любоваться...

Смотри же, помни, этотъ ходъ,
А подлѣ крестъ и надпись...

(Припадаетъ къ камню головой на руки и шепчетъ).

Милый!

МАЛЬЧИКЪ *(читаетъ надпись).*

Ж, Д, У—жду—васъ.

КАМИЛЛА *(быстро вставая и отирая слезу и обращаясь къ гробницѣ).*

О, прости!
Невольно измѣняютъ силы!..

(Становится съ дѣтьми на колѣни).

Моли, чтобъ намъ къ тебѣ пройти
Чрезъ всѣ земныя испытанья,
И суеты, и тяготы,
Такими жь чистыми какъ ты!
Чтобъ тамъ, гдѣ нѣтъ ни воздыханья,
Ни слезъ, ни скорби, ни стенанья,
Ты насъ бы принялъ веселясь
И духомъ радуясь о насъ...

МЕНИППА *(Лидѣ).*

Они съ *нимъ* говорятъ?..

ЛИДА.

Онъ въ небѣ!
Онъ видитъ ихъ, ихъ слышитъ... Съ ней
Свести тебя?

МЕНИППА (*радостно, тихо, съ любопытствомъ*).

О, да!

ЛИДА.

Камилла!
Вотъ мать несчастная—тебѣ
Довольно, чтобъ принять участье...

КАМИЛЛА (*подавая руку Менипп*ѣ).

Да кто же счастливъ здѣсь?.. Мнѣ счастье
Вотъ—дѣти. Я живу лишь въ нихъ...
А что до счастія другихъ,—
То вотъ намъ Лида провидѣньемъ
Ко всѣмъ несчастнымъ послана
Какъ добрый ангелъ съ утѣшеньемъ...

ЛИДА (*съ испугомъ и удивленіемъ*).

Камилла, что̀ ты, что̀!

КАМИЛЛА.

Она,

Гдѣ только слышитъ есть страданье,
Она ужь тамъ, чужой ли, свой...

ЛИДА (*быстро, съ упрекомъ*).

Камилла!..

КАМИЛЛА.

Все существованье
Ея для ближнихъ!.. Боже мой!
А дѣти, сирыя, больныя...

ЛИДА (*Мениппѣ порывисто*).

Не вѣрь!

КАМИЛЛА.

Въ заботахъ день-деньской
Какъ неусыпная Марія...

(*Лида отходитъ въ сторону, въ лицѣ слѣды внутренней тревоги*).

Когда бъ ты видѣла ее
Средь заключенныхъ, средь страдальцевъ,
Въ тюрьмѣ, гдѣ сотни у нея
Хотятъ одеждъ коснуться, пальцевъ,
Услышать слово... (*Лида припадаетъ къ скамьѣ, закрывъ лицо руками*).
Все кругомъ
Благодаритъ, благословляетъ...

(*Слышны рыданія Лиды*).

Но, Боже мой!.. Она рыдаетъ...

(Къ ней съ тревогой и заботой).

Что̀, что̀ съ тобой?

ЛИДА.

Оставь!

МЕНИППА (*тихо Камиллѣ*).

Уйдемъ!

КАМИЛЛА.

Да что̀ съ тобой?

ЛИДА (*съ большимъ нетерпѣніемъ*).

Уйди!

КАМИЛЛА.

Не знаю...

Что̀ жь я...

ЛИДА (*почти въ отчаяніи*).

Уйди же... умоляю...

МЕНИППА (*Камиллѣ тихо*).

Знать тоже горе...

КАМИЛЛА.

Своего

У Лиды горя не бываетъ!

МЕНИППА.

Свое, чужое ли—кто знаетъ!
Одна пусть выплачетъ его!

(*Уходятъ*).

ЛИДА (*одна, сѣвъ на скамью*).

Я—какъ вчера еще была—
Той что̀ теперь—и судъ и кара!
Оставилъ духъ!.. Что̀ я могла
Сказать ей?.. Вдругъ не стало дара
Ни слезъ, ни словъ, душа нѣма—
Что̀ въ ней горѣло, погасаетъ...
Вошла и все растетъ въ ней тьма!
Два слова: Децій умираетъ,
Одни звучатъ въ ней...
Децій...
Изъ прошлаго лишь онъ одинъ
Мнѣ виденъ... Онъ лишь не разгаданъ...
Одинъ стоитъ какъ властелинъ
Надъ этой тьмой...
Но что̀ жь влечетъ меня къ нему?
Тотъ міръ ужь обреченъ во тьму!
Тому жь кто выше всѣхъ главою
И первой молніи ударъ

Господня гнѣва...

Что̀ же

Меня влечетъ къ нему?.. Любовь?
Любовь, но та ужь, для которой
Въ мученьяхъ источить всю кровь,
Пройти моря, подвигнуть горы,
Возможно—все, чтобы *спасти!*
Богъ указуетъ ей пути,
И можетъ быть чтобъ сдѣлать чудо
Меня избралъ—и мнѣ велитъ—
И духъ пошлетъ—и совершитъ—
И дѣло здѣсь не до сосуда,
Куда Онъ влилъ воды живой
Для путника въ палящій зной...

(*Падаетъ на колѣни*).

Ты, Сердцевѣдецъ, прозираешь
Съ Твоихъ высотъ и въ глубь морей,
И въ глубь сердецъ! Въ моемъ, Ты знаешь,
Нѣтъ мѣста для земныхъ страстей!
Даруй мнѣ, Сильный, да разрушу
Его гордыню! да спасу
И въ даръ Тебѣ да принесу
Его смирившуюся душу...

(*Встаетъ спокойнѣе, но судорожно-отрывочно продолжаетъ*).

Но время нечего терять:
Сегодня жь этотъ пиръ безбожный!..
Тамъ быть и ждать. И написать
Марцеллу, «старый другъ, надежный»
Всегда звалъ Децій... А пойдетъ
Марцеллъ? Спасти—пойдетъ, пойдетъ!..

(*Вынимаетъ таблетку и пишетъ. Въ это время слышны слова Іова*).

ІОВЪ.

Іисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: сказано въ Писаніи: «не искушай Господа Бога Твоего».

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ (*поспѣшно сошедшій съ лѣстницы, подаетъ Лидѣ таблетку*).

Вотъ отъ Марцелла.

ЛИДА (*беретъ ее и вручаетъ свою*).

А въ обмѣнъ
Отдай Марцеллу.

(*Между тѣмъ зала все наполнялась христіанами. Одни присоединяются къ слушателямъ Іова, другіе группируются въ разныхъ мѣстахъ залы, между ними и Главкъ. Другіе садятся на скамьи у стѣнъ. Между прочими Павзаній*).

ЛИДА (*прочтя письмо, обращается къ присутствующимъ*)

Марцеллъ намъ пишетъ—проситъ васъ—
«Въ вину мнѣ братья да не ставятъ,
«Что медлю; жду и тотъ же часъ
«Прибуду, только лишь объявятъ
«Декретъ, касающійся насъ»...

(*Уходитъ вверхъ по лѣстницѣ*).

ОДИНЪ (*въ группѣ молодыхъ людей*).

И все еще не рѣшено...

ДРУГОЙ.

И вдругъ отмѣнится рѣшенье...

ГЛАВКЪ (*спокойно*).

На все Господня воля!

(*Вдругъ одушевляясь*).

Но—

За что̀ насъ гонятъ? Озлобленье
На что̀—постичь я не могу!
И чѣмъ Христосъ,—Онъ, отдающій
Динарій кесарю, врагу
Прощающій, Свой крестъ несущій
Покорно, учащій любить,
Любить безстрашно и безлестно,

И въ мірѣ совершенну быть
Какъ совершенъ Отецъ Небесный—
Чѣмъ ненавистенъ имъ?

(*Помолчавъ*).

И все жь
Къ Нему прійдутъ! И зло, и ложь
Падутъ. Богатый и убогій,
Простой и мудрый—всѣ прійдутъ!
Со всѣхъ концовъ земныхъ дороги
Всѣхъ ко Христу ихъ приведутъ...
Людское горе и страданья,
Всѣ духа жажды и терзанья,
Источники горючихъ слезъ,—
Всѣ приметъ въ сердце ихъ Христосъ,
Всѣ канутъ въ это море!..

(*Близъ группы этихъ молодыхъ людей сидитъ на скамьѣ, съ мрачнымъ видомъ, Павзаній. На послѣднія слова онъ отвѣчаетъ*).

ПАВЗАНІЙ (*мрачно и съ возрастающимъ отчаяніемъ*).

Братья!
Блаженъ кто самъ пришелъ къ Христу,
Соблюдъ красу и чистоту
Какъ дѣва къ жениху въ объятья;
Къ кому же низошелъ Онъ Самъ,

Его извлечь среди крушенья
Изъ волнъ кипящихъ,—о! спасенье
Тебѣ быть можетъ тяжелѣй
Чѣмъ смерть въ волнахъ... Въ душѣ твоей
Всѣ язвы прежнія огнями
Горятъ... и слышишь надъ собой:
«Кто понесетъ Мой крестъ, тотъ Мой»—
Но помнишь: чистыми руками
Онъ несъ Свой крестъ... а у тебя
Онѣ въ крови и надъ тобою
Гремитъ проклятье...

(*Опускаетъ голову на грудь. Молодые люди хранятъ благоговѣйное молчаніе, смотря на Павзанія съ участіемъ и недоумѣніемъ. Среди минутнаго молчанія слышенъ голосъ Іова*).

ІОВЪ.

По истинѣ скажу вамъ: плачь,
Кому Онъ скажетъ въ осужденье,
Что ни студёнъ ты, ни горячъ...
Любовь—огонь, а сердце—злато;
Лишь чрезъ огонь пройдя, оно
Свѣтло и чисто...

Тѣмъ временемъ входятъ Эвменъ и Аркадій и останавливаются близъ Павзанія, мрачно сидящаго склонивъ голову.

ЭВМЕНЪ (*продолжая разговоръ*).

Я часто думалъ о тебѣ.
Зналъ, ты несчастливъ — мать крестила
Меня, когда еще мнѣ было
Двѣнадцать лѣтъ — въ твоей судьбѣ,
Я думалъ — миръ и утѣшенье
У насъ, въ Христовомъ лишь ученьѣ. —
И вижу — ты идешь сюда!..
Аркадій! разскажи жь когда,
Какъ было это обращенье?

АРКАДІЙ.

Какъ на вопросъ твой дать отвѣтъ?
Вѣдь человѣкъ, родясь на свѣтъ,
Не знаетъ что̀ былъ до рожденья!
Былъ слѣпъ я и сталъ видѣть; глухъ —
И слышать. Зналъ одно̀ лишь тѣло,
И ощутилъ безсмертный духъ,
Живую душу. Просвѣтлѣло
Все предо мной, и я въ другихъ
Прозрѣлъ такую жь душу. Всѣ же,
Хоть разны жребіи у нихъ,
Передъ Отцомъ Небеснымъ тѣ же
Возлюбленныя дѣти...

(*Помолчавъ*).

Тьма —
Та назади. И что̀ въ ней? скроетъ
Пускай навѣкъ, мертва, нѣма!..

(*Вздохнувъ*).

Да! сердце иногда заноетъ,
Но вспомнишь...

(*Обрываетъ рѣчь, вдругъ увидавъ Павзанія, отступаетъ назадъ и смотритъ съ ужасомъ*).

Боже мой!.. Онъ! онъ!

(*Хватаясь за грудь*).

Какъ бьется сердце... Онъ!.. И тоже
Къ Христу пришелъ... Чего жь, чего же
Стою и медлю?., Чѣмъ смущенъ?

(*Пересиливъ себя, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ Павзанію*).

Павзаніи! ты?

ПАВЗАНІЙ (*содрогнувшись*).

Аркадій! Боже! (*Смотритъ на Аркадія и, не смѣя взять протянутую къ нему руку, медленно опускается передъ нимъ на колѣни. Молодые люди отъ нихъ незамѣтно отступаютъ*).

Твой погубитель... твой злодѣй...

АРКАДІЙ (*стараясь его поднять*).

Забудемъ все, что̀ совершилось
Тамъ, тамъ, во тьмѣ!

НАВЗАНІЙ (*обнимая его колѣни*).

Охъ, истомилась
Душа моя...

АРКАДІЙ.

Да будетъ въ ней
Покой и миръ!

НАВЗАНІЙ (*страстно*).

Шли вереницей
Года, а я живу все въ *томъ* —
Когда какъ другъ вошелъ въ твой домъ —
И выбѣжалъ потомъ убійцей!

АРКАДІЙ.

Оставь!

НАВЗАНІЙ.

Дай говорить мнѣ, дай!

(*Шепотомъ*).

Евфимія...

АРКАДІЙ (*съ болью*).

Не вспоминай!

НАВЗАНІЙ (*судорожнымъ шепотомъ*).

Святая тѣнь!.. Она молила!..

Тьма —

Та назади. И что̀ въ ней? скроетъ
Пускай навѣкъ, мертва, нѣма!..

(*Вздохнувъ*).

Да! сердце иногда заноетъ,
Но вспомнишь...

(*Обрываетъ рѣчь, вдругъ увидавъ Павзанія, отступаетъ назадъ и смотритъ съ ужасомъ*).

Боже мой!.. Онъ! онъ!

(*Хватаясь за грудь*).

Какъ бьется сердце... Онъ!.. И тоже
Къ Христу пришелъ... Чего жь, чего же
Стою и медлю?.. Чѣмъ смущенъ?

(*Пересиливъ себя, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ къ Павзанію*).

Павзаній! ты?

ПАВЗАНІЙ (*содрогнувшись*).

Аркадій! Боже! (*Смотритъ на Аркадія и, не смѣя взять протянутую къ нему руку, медленно опускается передъ нимъ на колѣни. Молодые люди отъ нихъ незамѣтно отступаютъ*).

Твой погубитель... твой злодѣй...

АРКАДІЙ (*стараясь его поднять*).

Забудемъ все, что̀ совершилось
Тамъ, тамъ, во тьмѣ!

НАВЗАНІЙ (*обнимая его колѣни*).

Охъ, истомилась
Душа моя...

АРКАДІЙ.

Да будетъ въ ней
Покой и миръ!

НАВЗАНІЙ (*страстно*).

Шли вереницей
Года, а я живу все въ *томъ* —
Когда какъ другъ вошелъ въ твой домъ —
И выбѣжалъ потомъ убійцей!

АРКАДІЙ.

Оставь!

НАВЗАНІЙ.

Дай говорить мнѣ, дай!

(*Шепотомъ*).

Евфимія...

АРКАДІЙ (*съ болью*).

Не вспоминай!

НАВЗАНІЙ (*судорожнымъ шепотомъ*).

Святая тѣнь!.. Она молила!..

АРКАДІЙ.

Молчи!

ПАВЗАНІЙ *(съ силой).*

Послѣднимъ словомъ было:
Будь проклятъ!

АРКАДІЙ *(живо).*

Нѣтъ! какъ я, — простила!

ПАВЗАНІЙ.

Какъ ты?.. И ты... простилъ?.. Простилъ...
И смотришь на меня — и плачешь...

АРКАДІЙ.

Отъ радости: я побѣдилъ
Себя, себя, Павзаній! *(Обнимаетъ его и уводитъ въ глубину сцены).*

(Сцена между тѣмъ все наполняется. Приходятъ Мениппа и Камилла. Послѣднія къ авансценѣ).

КАМИЛЛА.

Мужъ мнѣ говаривалъ не разъ:
Не мы дѣтей, насъ дѣти учатъ
И довоспитываютъ насъ!

При нихъ не сдѣлаетъ, не скажетъ
Отецъ, не поглядѣвъ впередъ:
Вѣдь сѣешь сѣмя! то взойдетъ,
Что̀ въ сердцѣ съ дѣтскихъ лѣтъ заляжетъ!
Ахъ, милая! съ дѣтьми въ очью
Увидишь Бога!.. Разболится, —
Ты что̀ тогда?.. Горитъ, томится,
Всю душу надорветъ твою,
И нѣтъ тебѣ ни дня, ни ночи!
Ты чувства всѣ окаменишь,
Дохнетъ ли, двинется ль — слѣдишь,
Вся въ немъ! и наконецъ нѣтъ мочи!
Силъ что̀ осталось соберешь
И выльешь всѣ въ одно ихъ слово:
«Спаси, спаси!» и упадешь
Предъ Тѣмъ Кто можетъ все...

МЕНИППА.

Ужасно!
Охъ, знаю, знаю! поняла!
И все теперь мнѣ стало ясно!..
Ужь ты-то очень мнѣ мила!
И скажешь-то такъ все понятно,
И рѣчь-то тихая твоя...

Ахъ, ты мой ландышъ ароматный,
Фіялка нѣжная моя!

(Обнимаетъ ее).

Вѣдь я давно о вашемъ Богѣ
Ужь помышляю! всѣмъ богамъ,
Гдѣ только вижу по дорогѣ,
Всегда снесу къ ихъ алтарямъ
Я хоть цвѣтокъ. Да разъ попала
Вотъ такъ и въ христіанскій храмъ,
Въ горѣ, въ Ѳессаліи. Сначала
Мнѣ стало страшно: свѣчи, мракъ;
Жрецъ говоритъ въ толпѣ молящихъ.
Вдругъ онъ сказалъ, да ясно такъ,
Слова: «Нашъ Богъ — Богъ всѣхъ скорбящихъ!»
И точно въ сердцѣ у меня
Что̀ дрогнуло. Упала я
И стала этого я Бога
Молить, да плакать лишь могла.
Вдругъ слышу: «въ Римъ твоя дорога,
Тамъ все найдешь». Я подняла
Глаза; какъ разъ передо мною
Какой-то старецъ былъ, но тутъ
Исчезъ. Всѣ, вижу, вонъ идутъ, —
Я къ выходу; передъ собою
Всѣхъ пропустила, — старца нѣтъ!

Я въ путь, чуть занялся лишь свѣтъ,
И на корабль, и въ Римъ, и всюду
Какъ будто надо мной звучитъ:
«Богъ всѣхъ скорбящихъ возвратитъ
Его...» И жду... и точно къ чуду
Готовлюсь... а ужь какъ теперь
Не знаю...

ЛИДА (*поспѣшно сойдя съ мѣстницы*).

Марцеллъ идетъ... декретъ объявленъ!

(*Общее движеніе*).

ІОВЪ (*сойдя со своего мѣста и выступая нѣсколько впередъ, какъ бы въ центрѣ полукруга всѣхъ присутствующихъ*).

Се день блаженнѣйшій изъ дней!
Мы, церковь видимая, вступимъ
Ужь въ сонмъ невидимой и съ ней
Сольемся въ общемъ восклицаньѣ:
«Господь нашъ Богъ благословенъ!»

СЛѢПОЙ СТАРИКЪ.

Господь нашъ Богъ благословенъ
Да всякое гласитъ дыханье!

ВСѢ *(наклонясь головами къ Іову).*

Господь нашъ Богъ благословенъ!

(Послѣ минутнаго благоговѣйнаго молчанія, во время котораго около Іова смыкается кружокъ, между прочими начинаются полушепотомъ частные разговоры).

ДИДИМА *(раздаетъ свѣчи, нараспѣвъ повторяя:)*

Готовьте свѣтильники,

Близокъ женихъ!

(Мениппа въ волненьи разсматриваетъ приходящихъ и и присутствующихъ; Камилла близъ нея, около гробницы мужа, прижавъ къ себѣ дѣтей, взоръ на небо).

ЭВМЕНЪ *(увидавъ между женщинъ Агнессу, свою невѣсту).*

Агнесса!.. въ брачномъ одѣяньѣ!..

АГНЕССА.

Да нынче бракъ вѣдь нашъ, Эвменъ,

На небесахъ... и я невѣста...

ЭВМЕНЪ *(восторженно).*

Агнесса! ты меня спасла!...

ПАВЗАНІЙ *(схвативъ за руку Аркадія съ порывомъ).*

Теперь душа ужь не страшится

Встать передъ Нимъ лицомъ къ лицу!

ГЛАВКЪ *(къ молодымъ людямъ, восторженно).*

Знать—что чрезъ мигъ душа помчится
Чрезъ океанъ лучей къ Отцу!..
И что̀ же смерть христіанину,—
Въ глазахъ у всѣхъ стоитъ Христосъ!
Скорбѣть о томъ ли, что покину
Обитель горечи и слезъ?
Что преступлю черезъ мгновенье,
Здѣсь кесарю отдавши дань,
Къ Отцу всего, въ Его селенья
Уже достигнутую грань?
Душа Имъ полная вѣдь знаетъ,
Что оболочка сихъ тѣлесъ
Ее едва лишь отдѣляетъ
Какъ легкій завѣсъ отъ небесъ!
Вдругъ этотъ завѣсъ упадаетъ...

МЕНИППА *(всматривается въ него, бросается къ нему съ крикомъ).*

Главкъ, сынъ мой! Главкъ!..

ГЛАВКЪ.

Мать! Ты жива!..

(Кидаются другъ другу въ объятья).

МЕНИППА *(не выпуская его изъ объятій).*

Вотъ онъ, мой вдохновенный...
Мой *выстраданный*, вотъ онъ!..

(Ища взорами Камиллу).

Камилла!.. вотъ онъ... *(беретъ ее за руку и вдругъ остановясь).*

Но какъ ты здѣсь?.. христіанинъ?..

ГЛАВКЪ.

А ты?..

МЕНИППА *(вдругъ вспомнивъ).*

Богъ всѣхъ скорбящихъ...

(Опускается на колѣни).

(Нѣсколько человѣкъ поспѣшно сходятъ съ лѣстницы, тихо сообщая направо и налѣво: „Марцеллъ, Марцеллъ", всѣ передаютъ другъ другу это имя. Всѣ становятся полукругомъ, оставляя мѣсто Марцеллу. Онъ показывается на лѣстницѣ, наверху).

МАРЦЕЛЛЪ *(спускается съ лѣстницы и со второй или третьей ступени).*

Господне будь благословенье
И миръ вамъ, братья!..

(Всѣ тихо: „аминь!")

Зоветъ
Насъ нынѣ Богъ на прославленье
Его любви, Его щедротъ,
И на свидѣтельство предъ міромъ,
Что Онъ есть Духъ, и Онъ одинъ
Земли и неба властелинъ,
Что честь Ему, а не кумирамъ,
Кумиръ же, чей бы ни былъ онъ,
Рукою смертной сотворенъ.
Идемъ предъ кесаря. Поставленъ
Отъ Бога—онъ царемъ племенъ.
Во всемъ, чѣмъ можетъ быть прославленъ
Онъ на землѣ и вознесенъ—
Побѣдой надъ неправдой, славой
Въ защитѣ сирыхъ, торжествомъ
Хотя бъ меча и мзды кровавой
Надъ буйной силой, надъ врагомъ
Ему повѣреннаго царства,—
Служить ему намъ Богъ судилъ
Всѣмъ сердцемъ, до послѣднихъ силъ,
Безъ лжи, безъ всякаго коварства.
Все что̀ у насъ земное есть—
Вся наша кровь, все достоянье,
И все умѣніе и знанье,—
Готовы каждый мигъ принесть

Мы съ духомъ радостнымъ къ подножью
Его престола. Но чтобъ быть
Ему слугой, чтобы не ложью
Былъ нашъ обѣтъ, должны хранить
Мы душу чисту, только къ Божью
Суду внимательну во всемъ
Что̀ Божье, что̀ стоитъ во вѣки,
И въ чемъ должны всѣ человѣки—
И кесарь самъ—предъ тѣмъ судомъ
Отдать отчетъ.

Повелѣваетъ
Намъ кесарь: Бога въ немъ признать,
Его жь кумиру честь воздать
Какъ божеству лишь подобаетъ;
Ослушнымъ смерть. Пусть вашъ совѣтъ
Рѣшитъ что̀ дѣлать. Наше тѣло—
Есть кесаря. Нашъ духъ—всецѣло
Господень

ОДИНЪ ИЗЪ СТАРЦЕВЪ.

Двухъ рѣшеній нѣтъ—
Идти! Но какъ не налагаетъ
Христосъ ярма на душу—ей
Данъ разумъ, воля,—то рѣшаетъ

По правдѣ внутренней своей—*(обращаясь къ собранію)*
Пусть каждый самъ.

(Общее благоговѣйное движеніе).

ГОЛОСА *(тихіе, какъ бы каждый самъ съ собой; взоръ на небо).*

Идти, идти
Къ Отцу Небесному!.. Въ селенья
Его святыхъ!.. Изъ заточенья,
Изъ тьмы на свѣтъ!.. Идти, идти!

СЛѢПОЙ СТАРИКЪ.

Его узрѣть во славѣ!..

ПАВЗАНІЙ.

Сложить съ души всѣ тяготы
У ногъ Его!..

ГЛАВКЪ.

. . . . Исчезнуть въ созерцаньѣ
Неизрекомой красоты...

(Пауза. Взоры обращены на Марцелла).

МАРЦЕЛЛЪ.

И такъ грядущая заря
Для насъ послѣдней будетъ въ мірѣ—
И первой тамъ!..

ІОВЪ (*изъ глубины сердца*).

О Ты, сѣдяй въ эѳирѣ,
Во свѣтѣ вѣчномъ, со Отцомъ,
Прославленный и вознесенный—
Лишь по любви неизреченной
Тобою поднятымъ крестомъ!
Ты пастырь, насъ въ едину паству
Овцу сбиравшій за овцой!
Ты ихъ вспоилъ живой водой
И тучную имъ подалъ яству,—
Когда бы, гдѣ бъ ни прозвучалъ
Твой рогъ призывный—гдѣ преграды,
Гдѣ тѣ загоны, тѣ ограды,
Гдѣ та стѣна, тотъ ровъ, тотъ валъ,
Который ихъ бы удержалъ
На зовъ Твой ринуться мгновенно,—
Свѣтъ бо свѣтяй намъ съ небеси,
Свѣтъ истинный, свѣтъ неистлѣнный,
Жизнь и Спасенье Ты еси!

СЛѢПОЙ СТАРИКЪ.

Слава Тебѣ побѣдившему міръ!

(*Всѣ съ зажженными свѣчами вятся на колѣни. При спускан занавѣсѣ слышно пѣніе заутре*

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Пиршественная зала на террасѣ Деціева дворца, выходящей въ садъ аркой.—Ночь.—Зала освѣщена канделябрами и висячими свѣтильниками.—Три длинные стола съ ложами.—Гости одни возлежатъ, другіе прогуливаются по залѣ и опять садятся на свои мѣста; вообще свободно группируются, сообразно требованіямъ минуты. — За однимъ столомъ Децій.—Рабы приносятъ и уносятъ кушанья.—Хоръ пѣвицъ, флейты и лиры.—Танцовщицы.

ХОРЪ.

Ловите, ловите
Часы наслажденья!
Спѣшите, спѣшите
Пожить хоть мгновенье!
Какъ мошки на солнцѣ
Въ эѳирѣ роями
Кружатся и блещутъ,
Мы, Оры, блистаемъ
Мгновеніе въ мірѣ,—
Ловите, ловите,
Не то улетимъ.

(Танцовщицы удаляются).

КЛАВДІЙ (*молодой патрицій вс танцовщицамъ, мимо проскользнувшимъ*).

Еще поймаемъ!.. Но пока
«Тѣмъ насладись что̀ подъ руками»—
Насъ учитъ мудрость. А предъ нами
(*указывая на яс*
Рогъ изобилья и рѣка
Забвенья—все естествознанье!
Я шелъ сюда на обонянье.
Одни ужь запахи кричатъ
Тебѣ за милю: «здѣсь прохожій!»

ЛЕЛІЙ (*другой молодой патри*

Жаль, какъ ни лѣзь себѣ изъ кожи—
Все съѣшь за одного!

КЛАВДІЙ.

Ну, да!
Два пальца въ ротъ, и вся бѣда!
А вотъ что̀ будетъ какъ ворвется
Сюда весь женскій Римъ! Начнется
Вотъ тутъ-то оргія!..

(*Декламирует*

«Опротивѣютъ ужь яства...
«Не измѣнитъ лишь вино!
«Хлоя подъ руку иль Дафна—
«Все равно!

«Флейты! трубы! шумъ и грохотъ,
«Пѣсни, пляски! Все верхъ дномъ!
«Въ головѣ хаосъ и въ чувствахъ,
«И хаосъ—кругомъ!»

ЛЕЛІЙ.

Да, Децій молодецъ! и жаль,
Что только разъ онъ умираетъ!

КЛАВДІЙ.

А мой старикъ, моя печаль
И сокрушенье, процвѣтаетъ!
Въ одинъ обѣдъ съѣдаетъ три,
И съ астрологомъ до зари
Все гороскопы составляетъ!..
Боится смерти! Я жь ему
Твержу, что смерть его боится...
У варваровъ не засидится,
Небось, старикъ: они отцовъ
Торжественно, въ виду боговъ,
При всемъ народѣ убиваютъ!
И это старики считаютъ
Себѣ за честь!

ЛЕЛІЙ.

Здѣсь старики
Законы пишутъ, тамъ же видно
Не старики!..

(*Хохочутъ*).

ГАЛЛУСЪ (*адвокатъ, прохаживавшійся съ другимъ адвокатомъ, Гиппархомъ, остановясь близъ Великаго Жреца и указывая рукою на все собраніе, заключаетъ частный свой разговоръ самодовольною рѣчью*).

Вы посмотрите, сколько насъ:
Я Галлъ, вонъ Свевъ, ты Өессаліецъ,
Онъ изъ Египта, тотъ Сиріецъ,—
А что же общаго у насъ
Съ Египтомъ, съ Галліей, странами,
Гдѣ и взросли бъ мы дикарями,
Когда бъ не Римъ!.. Въ одно насъ слилъ
Его языкъ, законъ, свобода!
Міръ онъ въ жилище обратилъ
Для человѣческаго рода.
На общій мы сошлися пиръ,
И хоть мы всѣ разноплеменны,
Но всѣ какъ граждане вселенной
Чтимъ за отечество весь міръ!

ГИППАРХЪ (*эффектно-адвокатскимъ тономъ*).

Единство въ мірѣ водворилось.
Центръ—кесарь. Отъ него прошли
Лучи во всѣ концы земли,

И гдѣ прошли, тамъ появилась
Торговля, тога, циркъ и судъ,
И вѣковѣчныя бѣгутъ
Въ пустыняхъ римскія дороги!

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЪ ЭННІЙ (*старикъ, оборачиваясь къ нимъ, внушительно, громко, чтобы всѣ слышали. Молодые патриціи, Клавдій, Лелій и другіе мало-помалу подходятъ къ кружку*).

Все хорошо на первый взглядъ,
Да вотъ бѣда: уходятъ боги!
Вездѣ оракулы молчатъ!
Вотъ въ Дельфахъ: пиѳію насильно
Ввели въ святилище: молчитъ,
Блѣднѣетъ, льется потъ обильно.
Всѣ ждутъ, и вдругъ она бѣжитъ
Съ ужаснымъ крикомъ изъ пещеры,
И какъ упала, умерла!
Въ боговъ умалилося вѣры,
И боги покидаютъ насъ
На произволъ судьбы!..

(*Адвокаты улыбаются*).

ГАЛЛУСЪ (*настѣшливо*).

Иные
Ужь умерли!..

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЪ.

И день, и часъ
Въ анналы вписанъ городскіе:
При Августѣ, передъ концомъ,
Корабль шелъ. Заштилѣло море
Передъ какимъ-то островкомъ.
Всѣ вѣтра ждали. Вдругъ въ просторѣ
Небесъ и моря, съ островка
Раздался голосъ, при которомъ
Все потряслось—и облака,
И водъ поверхность; точно хоромъ
Сто тысячъ мѣдныхъ трубъ заразъ
Провозгласили въ міръ: «скончался
Великій Панъ»... И повторялся
Три раза голосъ... Весь разсказъ
Я слышалъ самъ отъ морехода:
Его Тиверій призывалъ,
И я жь дословно записалъ
Въ анналы Римскаго народа!

ГАЛЛУСЪ

Не боги покидаютъ міръ,
А суевѣрья...

КЛАВДІЙ (*своимъ товарищамъ*).

Люблю, чуть разгорѣлся пиръ—
И спорятъ!.. (*увидавъ рабовъ, приносящихъ жареныхъ фазановъ*).

Впрочемъ прилетаютъ
Фазаны, и молчатъ враги!..

(*Возвращаются на свои мѣста*).

ЛЕЛІЙ.

А факты иногда бываютъ,
Что съ толку васъ совсѣмъ сбиваютъ.

КЛАВДІЙ (*не давая ему досказать*).

Еще бы! напримѣръ долги!

ЛЕЛІЙ (*продолжая*).

У насъ на прошлой же недѣлѣ
Былъ случай...

КЛАВДІЙ (*вскакивая и со смѣхомъ указывая на Лелія*).

Жертвы приносилъ
На той недѣлѣ ты, и скрылъ!
Скрылъ, признавайся?

МОЛОДЫЕ ПАТРИЦІИ (*смѣясь*).

Въ самомъ дѣлѣ?

КЛАВДІЙ.

Козленка, говорятъ.

ЛЕЛІЙ (*сконфуженный, перебивая его*).

Да мать
Послала!... Вотъ что̀ разсказать
Я вамъ хотѣлъ. Какъ вамъ извѣстно,
У насъ въ саду есть гротъ. Чудесный
Тамъ для пировъ устроенъ залъ,
И я намедни угощалъ
Тамъ кой-кого...

КЛАВДІЙ.

А! Діонею.
А завтра я пирую съ нею!..

(*декламируетъ*):

Мирты Киприды мнѣ дай!
Что̀ мнѣ гирлянды цвѣтныя!..»

ЛЕЛІЙ (*не обращая вниманія на Клавдія*).

Вдругъ мы сидимъ и слышимъ стонъ...
Откуда жь?.. и все ближе, ближе —
Изъ-подъ земли!..

КЛАВДІЙ (*декламируетъ*):

«Прозерпину бьетъ Плутонъ,
«Стонетъ Прозерпина!..»

МОЛОДЫЕ ПАТРИЦІИ.

Ахъ, этотъ Клавдій! Нынче онъ
Невыносимъ!—Да замолчи же!
Теперь вездѣ, со всѣхъ сторонъ,
Всѣ говорятъ, то стонъ, то пѣнье
Послышится, то привидѣнье
Появится...

ЛЕЛІЙ (*серіозно*).

Вѣдь въ старину,
Извѣстно, мертвыхъ хоронили
Въ подземныхъ склепахъ, и прорыли
Отъ склепа къ склепу ходы...

КЛАВДІЙ (*таинственно*).

Ну,
Такъ это значитъ...

ВСѢ.

Что̀ такое?

КЛАВДІЙ (*помолчавъ, съ притворно-серіозчымъ видомъ*).

Гм!.. Предки наши...

ЛЕЛІЙ.

Ты въ смѣшное
Все обратишь.

КЛАВДІЙ.

Я не смѣюсь!
И не люблю, чтобы шутили
Надъ предками—самъ ихъ боюсь:
Такіе жь асниды всѣ были,
Какъ этотъ Фабій,—вонъ скелетъ!
Вонъ черепъ голый! вонъ таращитъ
Глаза на канделябры!.. Стащитъ
Онъ что-нибудь здѣсь, людоѣдъ!
Вздыхаетъ все по древнемъ правѣ,
По силѣ коего меня
Онъ могъ бы въ рабство взять...

За другимъ столомъ Фабій, изъ древнѣйшей римской фамиліи, своему сосѣду, квестору Теренцію:

Пойми, я Фабій—и въ сенатѣ
Мнѣ мѣста нѣтъ!.. Кто жь тамъ сидитъ?
Иберецъ, Грекъ, Сиріецъ, Бриттъ!
И что̀ же сталъ сенатъ? въ развратѣ
Всѣ чувства ихъ притуплены;
Въ особыхъ засѣданьяхъ судятъ
Что̀ значатъ кесаревы сны!
Ну что̀ въ нихъ слово «Римъ» пробудитъ?
Имъ лишь погрѣться бъ отъ казны!
Ты посмотри-ка въ легіонахъ

Кто полководцы? Все изъ насъ.
А при дворѣ?.. Они! Въ поклонахъ
И лести мастера ужь! Да-съ!
За то и откупъ, и претура—
Все ихъ!.. Потомъ адвокатура:
За деньги за твои тебя жь
Такъ оберутъ, что ты отдашь
Послѣднее, лишь бы отстали...

За главнымъ столомъ: Децій, по сторонамъ его философъ Харидемъ и старый проконсулъ Публій, беззубый, лысый и шепеляетъ. Далѣе, среднихъ лѣтъ, мрачнаго вида, сенаторъ Асиицій и завитой, пышно одѣтый молодой патрицій Корнелій.

ПУБЛІЙ.

Ахъ, Лезбія!.. насъ принимала
За туалетомъ!.. Что̀ за грудь!
Ну если бъ даже и скрывала,
То видно—дочь царей!.. Дохнуть
Не смѣли... трое насъ... сидѣли...
Все старички... потѣха... да!
Сидимъ.

ДЕЦІЙ.

Картина въ самомъ дѣлѣ
Преинтересная!

ПУБЛІЙ.

Бѣда!
Она конечно насъ дурачитъ:
То ножку вдругъ поцѣловать
Протянетъ и тотчасъ опять,
Какъ только бросимся мы, спрячетъ...

(*Всѣ слушаютъ съ улыбающимися лица.*

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ (*довольно ѣдко*).

А дорого за посмотрѣнье?

ПУБЛІЙ (*такъ же простодушно*).

Да что̀! ужь думаю просить
Провинцію на поправленье!
Она жь поможетъ!..

ДЕЦІЙ (*Харидему*).

Была иная между насъ...
Ты помнишь оду Сафо:
«Передъ жрицей Аполлона
Не гордися, не кичись
Красотой чела и лона,
Шелкомъ косъ и блескомъ ризъ.

«Ты умрешь, и все въ мгновенье
Съ красотой твоей умретъ!

На землѣ твой слѣдъ забвенье
Словно вихорь замететъ!

«Въ адскихъ пропастяхъ бездонныхъ
Пропадешь средь темноты,
Въ сонмѣ душъ непросвѣтленныхъ
Вдохновеньемъ какъ и ты!»

Вотъ это бъ Лезбіи сказать
Могла—ты угадалъ кто?—Лида!

ХАРИДЕМЪ.

О, Лида, то другая стать!
Но гдѣ она? совсѣмъ изъ вида
Пропала!

ДЕЦІЙ.

Да!.. Она всегда
Какъ безпріютная звѣзда
Весь вѣкъ металась средь хаоса!
Не разъ съ Левкадскаго утеса
Хотѣла броситься; потомъ
Глядишь—съ Изидинымъ жрецомъ
Умершихъ тѣни вызываетъ;
Потомъ опять, глядишь, блистаетъ
Въ Аѳинахъ, въ Римѣ...

ХАРИДЕМЪ.

Знаешь ты
Экспромтъ ей сказанный въ Аѳинахъ
Однажды на пиру?

«Съ зеленѣющихъ полей
Въ область блѣдную тѣней
Залетѣла разъ Психея,
На отжившихъ вдругъ повѣя
Жизнью, счастьемъ и тепломъ.
Тѣни вкругъ нея толпятся—
Одного онѣ боятся—
Чтобы солнце къ нимъ лучомъ
Въ вѣчный сумракъ не запало;
Чтобъ она не увидала,
И отъ нихъ бы въ тотъ же часъ
Въ свѣтлый лучъ не унеслась».

ДЕЦІЙ.

Психея!.. Это къ ней идетъ...

Входитъ Циникъ съ дубиной въ рукахъ, на плечахъ, сверхъ лохмотій, мѣхъ какъ у Геркулеса; останавливается впереди залы и, указывая на Децiя пальцемъ, говоритъ:

ЦИНИКЪ.

Э, да ты вотъ какъ!

РАЗНЫЕ ГОЛОСА.

Ну, пропалъ
Веселый пиръ! Вѣдь затесался!

ЦИНИКЪ.

Пріятель! умирать собрался
И не подумалъ, не позвалъ
Меня взглянуть на представленье!
Ишь вкругъ тебя какой букетъ!
Сенаторы, мое почтенье!
Философы, вамъ мой привѣтъ! (*насмѣшливо, кланяется на обѣ стороны*).
Все жь безъ меня букетъ не полонъ:
Въ срединѣ главной розы нѣтъ!
Вѣдь мудрости вѣнецъ и цвѣтъ
Во мнѣ!.. за то я вамъ и солонъ!
Ужь дальше моего нейдетъ
Умъ человѣческій! по малу
Свой циклъ свершилъ, пришелъ къ началу —
И больше некуда впередъ!

ДЕЦІЙ.

Прошу, садися!

ЦИНИКЪ (*присаживаясь на ложе завитого, пышно одѣтаго щеголя Корнелія*).

Другъ любезный,

Откинь-ка ноги! Мнѣ присѣсть
Вѣдь какъ-нибудь, лишь бы поѣсть.

КОРНЕЛІЙ.

Садись, не спорю!

ЦИНИКЪ.

Безполезно!
Такъ сяду!

ДЕЦІЙ (*къ рабамъ*).

Ложе, эй!

ФАБІЙ.

Свинья!

ЦИНИКЪ (*помѣстившись на ложѣ Корнелія, беретъ цѣльнаго фазана и ѣстъ, разрывая руками*).

Нерону я сказалъ, что двое
Людей на свѣтѣ: онъ да я.
Все прочее — такъ, тля, пустое!
Мы что̀ хотимъ, то и беремъ
И ничего не признаемъ!
Онъ тотчасъ понялъ что свобода
Вся въ этомъ! прочее все ложь!
(*Къ Харидему*).
Ну, что̀ ты морщишься? все — ложь!

Будь счастливъ тѣмъ, что̀ дастъ природа!
Родился голъ и голъ умрешь!
Въ природѣ жь, въ этой общей чашѣ,
Нѣтъ ярлыковъ: мое и ваше!
Бери что̀ хочешь, все твое
На что̀ глаза лишь разбѣжались!
А чтобы люди не кусались,
Кусайся самъ!.. Вотъ вамъ и все!..
А то глядишь, нагромоздили
Понятій, тонкостей, интригъ,
Да и не въ мочь пришлось! уныли
И ходятъ, высунувъ языкъ!
Неронъ поправитъ васъ: устроитъ
По Діогену! самъ возьметъ
Дубину, города сожжетъ,
И всѣхъ васъ по лѣсамъ разгонитъ!

ДЕЦІЙ (*смѣясь*).

Что̀ жь послѣ будетъ?

ЦИНИКЪ.

Ничего
Не будетъ!.. Главное, не будетъ
Философовъ!

КЛАВДІЙ (*посреди общаго смѣха*).

Долговъ не будетъ —
Еще главнѣе!..

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ (*сидящій за столомъ съ Фабіемъ, къ своему сосѣду, квестору Теренцію*).

Скажи, дружокъ, — я здѣсь чужой,
Живу въ провинціи глухой,
Кто этотъ господинъ съ дубиной?
И съ кесаремъ онъ говорилъ?

КВЕСТОРЪ ТЕРЕНЦІЙ.

Съ дубиной? этою скотиной
Не знаю кто насъ подарилъ!
Рабъ что ль онъ бѣглый?.. Нѣтъ вѣдь знака
На рожѣ! Лаетъ какъ собака
На всѣхъ! и какъ сюда попалъ,
Такъ влѣзъ и къ кесарю: плѣнился
Имъ кесарь! Только онъ сказалъ
Что ты, да я, и восхитился!
Дубину принести велѣлъ,
Всѣхъ напугалъ и озадачилъ!

ФАБІЙ.

И насъ устраивать ужь началъ
По Діогену: Римъ горѣлъ
Не спроста!

КВЕСТОРЪ ТЕРЕНЦІЙ.

Только онъ, по счастью,
Охотникъ строить: этой страстью
И отвлекли. А этотъ скотъ
Съ тѣхъ поръ и тѣшится, и кстати,
Некстати насъ ругаетъ, пьетъ
И жретъ...

ФАБІЙ.

Ужь будетъ онъ въ сенатѣ
Какъ эта бестья, напримѣръ,
Миртиллъ... (*Вдругъ умолкаетъ при видѣ входящаго евнуха Миртилла, въ блестящей одеждѣ съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ. Публій и Харидемъ предлагаютъ ему свои мѣста. Онъ принимаетъ мѣсто Публія, который садится ниже. Цинику тоже подано ложе, но онъ то приляжетъ, то начнетъ обходить столы и чрезъ головы гостей беретъ кушанья*).

ХАРИДЕМЪ (*Миртиллу*).

Здоровье кесаря?

МИРТИЛЛЪ.

Богамъ
Благодаренье — солнце свѣтитъ!

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ (*квестору Теренцію*).

. . . А это кто же?

КВЕСТОРЪ ТЕРЕНЦІЙ.

Тс! тише! если только кожей
Ты дорожишь!.. Евнухъ Миртиллъ,
Пѣвецъ и мимъ. Да вотъ въ чемъ сила:
Въ ногахъ у кесаря лежитъ
Весь міръ, а кесарь самъ сидитъ
У ногъ вотъ этого Миртилла!

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ.

Такъ вотъ оно!..

КВЕСТОРЪ.

Да, да, оно!
Такъ, genus neutrum...

МИРТИЛЛЪ.

Сегодня кесарю представленъ
Проектъ дворца. Позолоченъ
Весь корпусъ, на горѣ поставленъ,
И цѣлый лѣсъ кругомъ колоннъ,
Все бѣлый мраморъ, заглядѣнье!
Внутри жь что̀ шагъ, то изумленье!
Хотя бы пиршественный залъ:
Онъ сверху будетъ окропляться
Духами. Стѣны изъ зеркалъ;

Плафонъ же будетъ раздвигаться,
И вдругъ средь пира съ высоты
На васъ посыплются цвѣты.

РАЗНЫЕ ГОЛОСА.

Какъ это мило: вдругъ цвѣты!

ЦИНИКЪ.

А если бъ вдругъ весь залъ съ гостями
Насыпать до верху цвѣтами?
Ароматическій конецъ!
Шепни-ка кесарю, пѣвецъ!

ФАБІЙ (*тихо квестору*).

А надоумитъ вѣдь подлецъ!

МИРТИЛЛЪ (*смѣясь*).

Забавное соображенье!..
Ахъ, этотъ милый кесарь! онъ
Три дня въ великомъ восхищеньѣ:
Изъ Дельфъ намедни привезенъ
Былъ этотъ дивный Аполлонъ,
И кесарь передъ нимъ проводитъ
Все время!.. Даже ночью всталъ
И факелами освѣщалъ!..

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЪ ЭННІЙ (*тихо адвокатамъ*).

Какъ я сказалъ, такъ и выходитъ:
Вонъ пиѳія-то умерла!

Изъ храма взять, да въ залу оргій
Поставить бога!..

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ (*идетъ со своего мѣста и, подсаживаясь къ Децію, говоритъ ему тихо*).

Я точно какъ въ глубокой тьмѣ!
Пойми ты кесаря Нерона:
Какъ совмѣщаетъ онъ въ умѣ
И циника, и Аполлона?

ДЕЦІЙ (*съ улыбкой смотря на него и не отвѣчая на вопросъ, декламируетъ два стиха*).

«Дельфійскій богъ! и онъ позналъ
«Длань сокрушительную Рима!..»
Когда впервые увидалъ
Его я въ Дельфахъ, волны дыма
Отъ дорогихъ куреній храмъ,
Какъ легкій облакъ, наполняли.
На чудный образъ упадали
Лучи, и онъ по облакамъ
Какъ будто несся, быстробѣжный,
И передъ нимъ въ дали безбрежной
Отъ свѣтлыхъ стрѣлъ его толпой
Титаны тьмы бѣжали!..

Завитой патрицій КОРНЕЛІЙ.

Это
Эллады геній: по землямъ
Свершилъ онъ странствіе и къ намъ
Въ суровый Римъ лучъ бросилъ свѣта,
И сдѣлалъ насъ людьми!

ФАБІЙ (*со своего мѣста, громко*).

Людьми
Иль нѣтъ, а только перестали
Мы Римлянами быть!

КОРНЕЛІЙ.

Узнали
По крайней мѣрѣ, что звѣрьми
Дотолѣ были!

ФАБІЙ.

Побѣждали
За то враговъ! Развратъ, пойми,
У насъ отъ Грековъ!..

КОРНЕЛІЙ.

Въ старину-то
Лишь полбу ѣли, да ячмень,
Да сыръ!

ФАБІЙ.

За то имѣли Брута,
Коріолана! Ночи въ день
Не обращали... Даже гадко
Ихъ слушать!.. Охъ, ужасный вѣкъ!

(Къ Децію).

Скажи ты, умный человѣкъ,
Кто лучше Римлянинъ иль Грекъ?

ЦИНИКЪ *(который во время предыдущаго разговора лежалъ, разостлавъ свой мѣхъ на полу).*

Стой! разрѣшу одной загадкой:
Дуракъ болтунъ у дурака
Изъ простяковъ сидитъ на шеѣ
И погоняетъ простяка,
И ѣдутъ въ ровъ!.. Ну... кто умнѣе?

(Всѣ принужденно смѣются. Между великимъ жрецомъ и адвокатомъ громкій споръ).

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЪ ЭННІЙ *(кричитъ).*

Отъ философіи!

ГАЛЛУСЪ.

Тревоги
Напрасныя!

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЪ.

От новыхъ вѣръ!

ГАЛЛУСЪ.

Отцеубійства и подлоги
Отъ новыхъ вѣръ! да, напримѣръ,
Какихъ же?

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЪ.

Мало ль? Изъ Халдеи,
Изъ Персіи, изъ Іудеи!
Адонисъ! Митра!.. У рабовъ
Свой даже богъ освободитель
Отъ всякой власти и оковъ —
Христосъ, всемірный, вишь, спаситель!

ПУБЛІЙ (*съ своего мѣста*).

Тамъ тоже споръ у нихъ: о чемъ?..
Ученыхъ споровъ я любитель!

ГАЛЛУСЪ.

Все о безбожьи и о томъ
Что бога новаго открыли
Себѣ рабы, зовутъ Христомъ.

ПУБЛІЙ.

А, христіане! да, знакомъ,
Знакомъ, я съ ними!.. Говорили
Что Римъ они сожгли?

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЪ.

Схватили
Тогда же многихъ ихъ съ огнемъ!

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ.

Живутъ всегда особнякомъ,
Ужь тѣмъ внушаютъ подозрѣнье:
Отъ всякихъ должностей бѣгутъ,
Ни кесаря не признаютъ,
Ни государства Рима!..

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЪ (*внѣ себя*).

Пьютъ,
Свершая жертвоприношенье,
Кровь человѣческую!

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ.

Ихъ
Нельзя терпѣть!.. весьма опасно!
Мы терпимъ много сектъ дурныхъ,
Но эти...

ДЕЦІЙ (*смѣясь*).

Вотъ ужь страхъ напрасный!
Вѣдь это жители небесъ!

ГАЛЛУСЪ (*Гиппарху*).

Отъ нихъ всю жизнь хоть бы процессъ,
Представь!

ГИППАРХЪ.

Да, да! Но... почему же?

ФАБІЙ.

Ну-съ, эти ужь и Грековъ хуже!
Они работаютъ во мглѣ,
Повсюду что̀ ключи въ землѣ,
И всевозможныя химеры
Вбиваютъ въ головы рабамъ...

МИРТИЛЛЪ (*вставая съ мѣста и жестомъ успокоивая общее движеніе*).

Позвольте!.. Приняты ужь мѣры!
Предписано: по городамъ
И здѣсь чтобъ завтра же явились
Всѣ къ квесторамъ и поклонились
Статуѣ кесаря, его
Признавши тутъ же божество,

Какъ признается всей вселенной.
А воспротивятся — пойдутъ
Одни для травли въ циркъ, другіе
Рубашки вздѣнутъ смоляныя,
Имъ въ глотки факелы воткнутъ,
Къ столбамъ привяжутъ ихъ, зажгутъ,
И кесарь въ пышной колесницѣ
Между пылающихъ ихъ тѣлъ
Проѣдетъ ночью по столицѣ!

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЪ.

И боги воздадутъ сторицей
Ему за это...

ФАБІЙ

...Прекрасно! я бъ узнать
Желалъ, чья мысль?

КВЕСТОРЪ.

Да безъ сомнѣнья
Его, Миртилла! потѣшать
Умѣетъ Римъ!

МИРТИЛЛЪ.

А всѣхъ ихъ будетъ
Здѣсь въ Римѣ тысячъ сто!.. въ другихъ
Провинціяхъ мильйоны...

РАЗНЫЕ ГОЛОСА.

...Боги! Пусть же ихъ
Огуломъ всѣхъ на смерть осудятъ!
Всѣхъ съ корнемъ вонъ!

ХАРИДЕМЪ *(встаетъ и поднимаетъ чашу).*

Благодаренье
Тому, кто бодрствуетъ за насъ!
Во здравье кесаря!

(Рабы наливаютъ вина въ чаши).

ОБЩІЙ КЛИКЪ *(всѣ встаютъ).*

Во здравье кесаря!..

ЦИНИКЪ *(вскочивъ съ полу).*

Онъ да я!
Всѣхъ прочихъ съ корнемъ вонъ!..

(Вырываетъ изъ рукъ Фабія чашу и пьетъ; Фабій за его спиной показываетъ ему кулаки).

ФАБІЙ *(обращаясь къ молодымъ патриціямъ).*

Вы напоили бы его,
Чтобъ ужь совсѣмъ онъ съ ногъ свалился!

(Молодые патриціи привлекаютъ къ себѣ Циника и поятъ его).

МИРТИЛЛЪ *(ласково Децію).*

А ты смѣешься и не пьешь,
И нашихъ мѣръ не признаешь
Во благо Риму?

ДЕЦІЙ.

Мѣръ напрасныхъ!
Жечь неопасныхъ никому
Мечтателей!..

МИРТИЛЛЪ.

Какъ, неопасныхъ? *(указывая на всѣхъ)*
А гласъ народа?

(Входитъ Лезбія въ одеждѣ восточныхъ царицъ; съ нею нѣсколько женщинъ и толпа рабовъ эѳіоповъ).

КЛАВДІЙ.

Метелла, Туллія! вы къ намъ!

ЦИНИКЪ.

Эванъ! эвое!
Мясцо живое!
Къ намъ! къ намъ!

(Женщины присоединяются къ молодежи. Лезбія идетъ прямо къ Децію. Въ то же время, съ другой стороны Лида и Марцеллъ являются и помѣщаются въ глубинѣ сцены за Деціемъ, маскируемые рабами).

ЛЕЗБІЯ.

Герой мой, здравствуй! Очень рада
Что ты еще не умеръ. Да!

Стремглавъ летѣла я сюда,
И главное затѣмъ, что надо
Тебя мнѣ очень побранить!

ДЕЦІЙ (*къ рабамъ*).

Эй, ложе!

ЛЕЗБІЯ.

Можемъ раздѣлить
Когда позволите и ваше!
Лежи!

ДЕЦІЙ.

Рабъ вѣчной красоты,
Жду приказаній.

ЛЕЗБІЯ (*садясь на его ложе, въ ногахъ его*).

Прежде ты
Скажи, какой не трогать чаши?

ДЕЦІЙ.

А вотъ — отъ дѣда.

ЛЕЗБІЯ.

Много лѣтъ
Живетъ на свѣтѣ! Золотая...
Съ волчицей крышка... небольшая...
А ядъ — стряпня Локусты?

ДЕЦІЙ.

Нѣтъ,
Съ Востока тоже вывезъ дѣдъ:
Одна Парѳянка подарила.

ЛЕЗБІЯ.

Ну, имъ не соблазнишь меня!
Я жить хочу!.. (*громко, чтобъ всѣ слышали*). Къ вамъ
прямо я —
Отъ кесаря!

(*Общее движеніе. Публій, вставшій и поднявшій чашу, чтобы привѣтствовать Лезбію, поспѣшно садится на свое мѣсто*).

ФАБІЙ (*тихо квестору Теренцію*).

Смотри, Миртилла
Какъ будто жаба укусила...
Она же смотритъ на него
Какъ на Пиѳона Фебъ...

ЛЕЗБІЯ.

Имѣла
Я счастье въ первый разъ его
Услышать пѣнье... ничего
Подобнаго не знаю! Млѣла
И плакала — я даже!.. Да!
А говорятъ я никогда

Не плачу!.. Какъ онъ держитъ лиру!
Какъ смотритъ въ небо — Аполлонъ!..
Да, Римляне! вы храбры! міру
Вы предписали свой законъ,
Но я скажу, что предъ искусствомъ
Вы — варвары! не стоитъ Римъ
Такихъ художниковъ! Съ твоимъ —
Ужь извини — изящнымъ чувствомъ
Ты бъ могъ одинъ его цѣнить!
Онъ это знаетъ...

ДЕЦІЙ.

Не за то ли
Меня и хочешь ты бранить?

ЛЕЗБІЯ.

Отчасти...

КВЕСТОРЪ ТЕРЕНЦІЙ (*провинціальному претору*).

...Ты совсѣмъ растаялъ?

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ.

Вотъ красота-то!.. И не чаялъ
Подобной встрѣтить отродясь!
Патриціанка?

КВЕСТОРЪ ТЕРЕНЦІЙ.

Нѣтъ, иная
Генеалогія у насъ.
Происхожденьемъ Массильянка,
Отецъ былъ Галлъ, а мать Гречанка.
Онъ былъ плясунъ. По городамъ
Таскалъ повсюду дочь съ собою.
Потомъ Изидинымъ жрецамъ
Ее онъ продалъ. Съ ихъ толпою
Чуть не во всѣхъ странахъ земныхъ
Перебывавъ, пришла къ Аѳинамъ,
Вездѣ попрыгавъ съ тамбуриномъ
И въ банделеткахъ золотыхъ.
Тутъ распрощалася съ жрецами
И появилась между нами —
Прелестной внучкою царей
Понтійскихъ — и всѣ вѣрятъ ей:
Осанка, гордый видъ царицы,
Передъ крыльцомъ живыхъ два льва.
Гляди какъ смотритъ: голова
Назадъ закинута, рѣсницы
Что стрѣлы, молньеносный взглядъ,
А профиль?

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ.

Голова Медеи!
И косы вкругъ чела лежатъ
Что́ перевившіяся змѣи!

КВЕСТОРЪ ТЕРЕНЦІЙ.

Да, змѣи!.. Какъ сказала тутъ,
Что къ намъ отъ кесаря, такъ сжалось,
Другъ, сердце! такъ и показалось
Что змѣи всюду ужь ползутъ
По Риму, бьютъ фонтаны ядомъ,
И подъ ея упорнымъ взглядомъ
Вокругъ все падаетъ и мретъ!

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ.

Такая красота...

(Раздаются звуки трубъ. Общее движеніе).

РАЗНЫЕ ГОЛОСА.

Э! гладіаторовъ трубятъ!
Бой будетъ, бой!..

ЦИНИКЪ *(стоя среди залы и передразнивая всѣхъ).*

А! крови, крови!
Сказался звѣрь! а не хотятъ
По Діогену жить!..

ВСѢ.

Мѣста! мѣста!

Входятъ гладіаторы. Попарно проходятъ мимо Децiя, кланяются ему и потомъ строятся въ рядъ въ глубинѣ сцены. Рабы сдвигаютъ ложа, очищая мѣсто для боя. Децій и Лезбія остаются на своихъ мѣстахъ.

ЛЕЗБІЯ.

Вотъ это въ римскомъ вкусѣ! браво!
И ужь за это честь и слава
Вамъ, Римлянамъ!.. да, да... люблю!
Ты много держишь ихъ?.. Я знаю
Въ нихъ толкъ, сама ихъ покупаю,
Кормлю, учу и продаю—
Превыгодно!

ДЕЦІЙ.

Ста два!

ЛЕЗБІЯ.

Такъ мало?

(Два гладіатора выходятъ на средину залы).

ЛЕЗБІЯ.

Не дурны люди. Это—Галлъ,
А этотъ... Свевъ. Держу за Галла,
А ты—за Свева.

Гладіаторы наступаютъ другъ на друга. Галлъ съ мечомъ. Свевъ съ палицей. Сыплются удары на щиты.

ЛЕЗБІЯ *(слѣдя за боемъ).*

Ну—пропалъ!
А! извернулся!.. Этотъ Свевъ
Раскормленъ очень... впрочемъ годенъ
Для палицы. Вотъ Галлъ—свободенъ,
Увертливъ, худъ и быстръ какъ левъ
Ливійскій!..

Свевъ наноситъ страшный ударъ. Галлъ роняетъ щитъ.

ДЕЦІЙ.

Ну, ты проиграла!

Свевъ снова замахивается. Лезбія встаетъ на ложѣ. Децій смотритъ приподнявшись на локтѣ.

ЛИДА *(глухо).*

И Децій смотритъ!..

Но Галлъ увертывается; тяжелый ударъ Свева падаетъ на полъ. Галлъ быстро вонзаетъ свой короткій мечъ ему между реберъ. Свевъ падаетъ.

ЛЕЗБІЯ.

Угадала!
Ура! побѣда!.. *(Рукоплещетъ и вся съ нею).*

Галлъ вопросительно смотритъ на Лезбію, наступивъ ногой на Свева.

ЛЕЗБІЯ.

Ну, кончай!

Vae victis!

ОБЩІЕ КРИКИ.

Кончай! кончай!

(*Галлъ закалываетъ Свева подъ горло*).

ЛЕЗБІЯ (*спрыгиваетъ съ ложа, подбѣгаетъ къ Свеву и смотритъ на рану. Около нея собираются и другія женщины и молодые люди*).

Ударъ на славу!

(*Къ Децію, указывая на Галла*).

Ты, Децій, мнѣ его отдай!

ДЕЦІЙ.

Да всѣхъ бери!.. Хоть бы въ забаву
Что удалось!

ЦИНИКЪ (*шатаясь, подходитъ и толкаетъ ногой убитаго*).

Матерый звѣрь!

ТУЛЛІЯ.

Ужь близокъ къ Стиксу, чай, теперь,
Такъ вотъ ему на переправу.

Кладетъ убитому въ ротъ монету. Всѣ смѣются. Туллія Децію:

Теперь что̀ жь? Общій бой?..

ЛЕЗВІЯ *(возвращаясь на свое мѣсто).*

Нѣтъ, полно! некогда! вина
Налей мнѣ! Жажда мучитъ. Рада
Всю ночь смотрѣть! до бѣла дня!..
Теперь къ дѣламъ. Вотъ что̀ мнѣ надо.
Во-первыхъ, ты поздравь меня
Съ другой побѣдою!.. Большаго
Она мнѣ стоила труда,—
Но безъ труда и нѣтъ плода!
Теперь сказать мнѣ только слово:
«Ты Децiя мнѣ подари!»
И ты живешь...

ДЕЦІЙ *(прерывая съ закипающимъ негодованіемъ).*

Не говори,
Не думай... это невозможно.

ЛЕЗВІЯ.

Не горячись. Мнѣ все возможно.
Ты выслушай. Дня черезъ три—
Я все обдумала—устрою
Я небывалый пиръ—съ борьбою—
Родъ олимпійскихъ игръ—пѣвцы
И бѣгъ... Конечно, всѣ вѣнцы
Получитъ кесарь... И, мой милый,

Вѣдь мы живемъ въ чудесный вѣкъ!
Его понявши, человѣкъ
Всего добьется, только бъ силы
Достало и ума. А ты
Такой достигнуть высоты
И славы можешь... Я вѣдь знаю
Людей, и въ будущемъ читаю
Какъ пиѳія. Ты долженъ жить.

ДЕЦІЙ.

И въ жизни лишь тебя любить!

ЛЕЗБІЯ.

Да, да, союзъ. А цѣль—тебѣ я
Могу лишь на ушко шепнуть:
Цѣль: «*Кесарь Децій*», и ни чуть
Не трудно. Надо лишь умѣя
За дѣло взяться. Ты богатъ,
И дашь мнѣ средства...

ДЕЦІЙ (*полунасмѣшливо*).

О, Цирцея!
Все, все за царственный твой взглядъ!

ЛЕЗБІЯ (*обидясь*).

Упрямство, Децій, даже въ дѣтяхъ

Нехорошо! Съ такимъ умомъ
Какъ ты...

Увидѣвъ Публія, который приближается къ ней съ чашей въ рукахъ.

Да выгони мнѣ этихъ
Вралей! останемся вдвоемъ,
Я убѣдить тебя съумѣю...

ДЕЦІЙ.

Довольно!.. Все что̀ я имѣю
Твое, но съ тѣмъ чтобъ не мѣшать,
Мнѣ умереть...

ЛЕЗБІЯ (*смутясь*).

Какъ понимать?

ДЕЦІЙ (*въ полномъ разгарѣ гнѣва*).

Да! не мѣшать!.. И передать
Нерону что̀, собравши силы,
Я, издыхая, изъ могилы,
Предъ цѣлымъ міромъ прокричать
Ему хочу! Пускай онъ знаетъ
Что съ легіонами рабовъ
Не сломитъ въ насъ онъ духъ отцовъ,
Что кесарь—самъ онъ забываетъ,
Что этотъ духъ въ лицѣ его
Себя лишь чтитъ за божество,

И кесарь онъ—пока лишь полонъ
Самъ этимъ духомъ!..

(Общее оцѣпенѣніе. Всѣ притаились на своихъ мѣстахъ).

ЛЕЗБІЯ *(соскочившая съ своего мѣста во время рѣчи Децiя, смотритъ на него съ испугомъ, потомъ съ озлобленіемъ; наконецъ, принимая повелительный видъ).*

Да заколите же его
Во имя кесаря!..

(Всѣ нерѣшительно поднимаются съ мѣстъ).

ДЕЦІЙ *(указывая на чашу съ ядомъ).*

Напрасно! не трудитесь...

(Вполнѣ овладѣвъ собой, къ Давусу).

Эй! Давъ! открыть имъ галлереи
Всѣ кладовыя, всѣ музеи,
Имъ всѣ сокровища открыть,
Подвалы съ золотомъ!.. берите
И виллу всю хоть разнесите
По камню!..

(Общее молчаніе; глухой радостный гулъ проносится въ толпѣ).

КВЕСТОРЪ ТЕРЕНЦІЙ *(про себя).*

Ухъ! отлегло!..

ФАБІЙ (*тихо сосѣду*).

Все намъ даетъ?

ГАЛЛУСЪ (*хватаетъ чернильницу за поясомъ, тихо Гиппарху*).

Актъ не составить ли? donantis
Mens ne mutata sit?

ГИППАРХЪ.

Ну, вотъ!
Ужь тутъ jus primi occupantis!

ДАВУСЪ (*поднимая связку ключей, ко всѣмъ*).

Прикажете?.. (*Всѣ бросаются со своихъ мѣстъ*).

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ (*мрачно про себя*).

Чѣмъ кончится все это!..

(*Уходитъ опустивъ голову*).

ФАБІЙ (*оглядывая столы*).

А это все—сосуды, кубки...

ХАРИДЕМЪ (*подлѣ него, беретъ одинъ кубокъ*).

Вотъ вещь изящная!.. голубки
Цѣлуются...

ФАБІЙ (*вырывая у него этотъ кубокъ*).

Давай сюда!

Рабы растащутъ же!..

ПУБЛІЙ (*беретъ разную утварь*).

Да, да!

Въ гостинецъ внучкамъ!..

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЪ (*тихо*).

Я богамъ!

(*За ними всѣ, кромѣ Лезбіи и Циника, который, совсѣмъ опьянѣвъ, развалился на ложѣ, хватаютъ сосуды, чаши и пр. Опрокидываютъ многіе канделябры*).

ЛЕЗБІЯ (*неподвижно смотрѣвшая на Деція, съ досадой*).

...Эхъ, Деціи!..

(*Къ эѳіопамъ, указывая на толпу*).

Дорогу мнѣ! (*къ Давусу, пропуская его впередъ*).

Иди!

(*Эѳіопы расталкиваютъ толпу*).

КЛАВДІЙ (*пропустивъ Лезбію, бѣгомъ возвращается съ молодежью и женщинами на середину сцены и потрясая огромнымъ золотымъ сосудомъ*).

Ты, Деціи, богъ!

ВСЯ ТОЛПА.

Богъ! богъ!

(Убѣгаютъ, опрокидывая послѣдніе канделябры).

ДЕЦІЙ.

Стократъ проклятье вамъ!.. И могъ
Съ ватагой этой ненасытной
Однимъ я воздухомъ дышать!

ЦИНИКЪ *(безсознательно увлекаемый общимъ движеніемъ пробуетъ встать, но падаетъ опять на ложе и кричитъ).*

Хозяинъ! будешь умирать,
Такъ разбуди! прелюбопытно!..
Все хорошо!.. Эй, вы!.. вы къ намъ,
Вы самки!.. Туллія...

(Засыпаетъ).

ДЕЦІЙ.

Еще разъ всѣмъ проклятье вамъ!

(Залъ остается съ опрокинутыми сѣдалищами и канделябрами, освѣщенный только висящими сверху свѣтильниками. Децій опускается на свое ложе, облокотясь на столъ предъ золотою чашей и глядя на нее).

Ну, что̀ же?.. кончимъ «представленье»,
Какъ тотъ сказалъ!..

(Беретъ чашу; Лида и Марцеллъ къ нему приближаются).

ДЕЦІЙ.

Нужна не сила воли намъ
Чтобъ жизнь порвать, а отвращенье,
Да, отвращенье къ жизни!..

(Сильнымъ движеніемъ поднимаетъ чашу, чтобы выпить ее).

ЛИДА *(бросаясь къ нему и удерживая).*

Стой!
Стой, Деціи!..

ДЕЦІЙ *(быстро поставивъ чашу на столъ).*

Лида... ты!.. Марцеллъ!..

ЛИДА *(едва удерживая рыданіе).*

Несчастный! видишь... видишь — вотъ
Что̀ создала вамъ мудрость ваша!
Ты лучше всѣхъ, такъ яду чаша!..

ДЕЦІЙ.

Печально! да!.. *(Протягивая руку къ Лидѣ).*
Но гдѣ жь исходъ,
Философъ милый, гдѣ жь исходъ?

И если бъ былъ — то утѣшенья
Не много: поздно!..

ЛИДА.

Никогда
Не поздно!.. Одного мгновенья
Увидѣть разомъ свѣтъ, понять, —
Мгновенья одного довольно!
А тамъ, что̀ дѣлать, что̀ начать
Само ужь скажется невольно.
Увидя свѣтъ, ужь никому
Назадъ не хочется во тьму!

ДЕЦІЙ (*смотря пристально на Лиду*).

Но что̀, скажи, съ тобою, Лида?
Ты какъ въ огнѣ! какой нарядъ!
Простая, темная хламида,
Покровъ широкій... какъ горятъ
Глаза... Да гдѣ же ты скрывалась?
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты по ристалищу промчалась
На колесницѣ золотой,
Сама конями управляла,
И оглянулась на меня...

Весельемъ, розами сіяла,
Мнѣ въ даръ улыбку уроня!..

ЛИДА.

Я выплыла изъ этой бездны!
Туда оглядывалась я
Лишь на тебя!.. Душа твоя,
Я знала, бьется безполезно
Ища въ ней берега... и шла
Я указать тебѣ спасенье...
И сколько разъ!..

ДЕЦІЙ (*въ недоумѣньи*).

Ты мнѣ несла
Спасенье, Лида?.. Ты нашла?

ЛИДА.

Ты знаешь христіанъ?

ДЕЦІЙ (*озадаченный*).

Спасенье
Мнѣ въ христіанахъ? Ихъ ученье
Я знаю и не разъ слыхалъ
Ихъ проповѣдниковъ: худые
И загорѣлые, босые...
Ихъ въ Римѣ много... Одного
Я живо помню. Былъ забавенъ

Восточный выговоръ его,
И жестъ порывистъ и неплавенъ,
Но дикимъ паѳосомъ своимъ
Онъ поражалъ... Я помню, было
Внѣ Рима. Солнце заходило,
И онъ указывалъ на Римъ...
Самъ на горѣ стоялъ... Открытый,
Высокій лобъ... Народъ кругомъ...
И мы подъѣхали верхомъ
Съ прогулки... «Змѣй многоочитый,
Онъ восклицалъ, — ты міръ земной,
Обвивъ, сдавилъ его собой,
И здѣсь, на семихолмьѣ, въ Римѣ,
Въ златомъ вѣнцѣ и діадимѣ
Главой покоишься своей...»
Я оглянулся: блескъ заката,
Весь вѣчный городъ, блескъ огней,
Златая кесарей палата,
Водопроводы, виллы... Змѣй —
Великолѣпное сравненье!
Онъ разумѣлъ развратъ, паденье
И порчу нравовъ; говорилъ
Все въ апологахъ, но оставилъ
Въ насъ впечатлѣнье. Впрочемъ, былъ
Изъ римскихъ гражданъ...

ЛИДА (*быстро*).

То былъ Павелъ!

ДЕЦІЙ.

Ты знаешь ихъ по именамъ?

ЛИДА.

Я христіанка.

ДЕЦІЙ.

Какъ? давно ли?

ЛИДА.

Все дѣло въ истинѣ, а тамъ
Какъ къ ней пришелъ, не все равно ли?..
Вотъ слушай...
Въ циркѣ разъ, среди
Несчастныхъ, обреченныхъ казни,
Одна стояла — на груди
Сложивши руки, безъ боязни
Смотря на звѣря и кругомъ
На насъ, на кесаря — безъ гнѣва,
И чудо — красотою дѣва...
Къ кому-то вдругъ вверху поднявъ
Глаза и точно повстрѣчавъ
Кого-то тамъ, рукой взмахнула,

И улыбнулась, и взглянула
Такъ, какъ бы къ матери могла
Взглянуть невѣста... Шумъ и клики
Тутъ поднялись... но мнѣ ужь дики
Казались люди... я ушла...
И съ той поры, три ночи рядомъ,
Та дѣва, съ тѣмъ же кроткимъ взглядомъ,
Ко мнѣ являлася и тѣ жь
Слова мнѣ тихо повторяла:
«Иди и мать мою утѣшь»...
И я пошла... и все узнала...
И тамъ, средь тихихъ, свѣтлыхъ слезъ,
Я все нашла, чего искала, —
Я поняла, кто былъ Христосъ...

ДЕЦІЙ (*уклоняясь отъ впечатлѣнія*).

Видѣнье... А, Марцеллъ, ты вѣришь
Что Бруту Цезарева тѣнь
Являлась на разсвѣтѣ, въ день
Фарсальской битвы?..

МАРЦЕЛЛЪ.

Къ убійцѣ? Можетъ быть. Не знаю...
Но я видѣнье понимаю
Что̀ было Павлу.. Онъ скакалъ

Въ Дамаскъ, пустыней, въ злобѣ дикой
На христіанъ — онъ замышлялъ
Ихъ истребить — и вдругъ великій
Увидѣлъ свѣтъ и изъ него
Услышалъ голосъ: «для чего
Меня ты гонишь, Павелъ, Павелъ!»
Предъ нимъ стоялъ Христосъ... И Павелъ,
Прійдя въ Дамаскъ, ужь не къ врагамъ
Пошелъ Христовымъ, а къ друзьямъ.
Такая жь какъ о Павлѣ повѣсть
И обо мнѣ. Мы всѣ пройти
Должны по Павлову пути.
Неумолимой правдой совѣсть
Перепытать — какъ онъ въ тотъ путь;
Такъ глубоко въ себя взглянуть,
Чтобъ въявь Христа увидѣть...

ДЕЦІЙ (*въ изумленіи, почти въ испугѣ*).

Боги! (*Вскакиваетъ*).

И ты! ты Римлянинъ, ты строгій
Патрицій, воинъ, жизнь свою
Проведшій въ лагерѣ, въ бою...
Да ты... Вѣдь этотъ Римъ Нерона,
Припомни, говорилъ ты самъ,

Что два иль три бы легіона,
И разнесли вы по клочкамъ...

МАРЦЕЛЛЪ (*попрежнему спокойно и твердо*).

Да, думалъ я, вѣрна побѣда.
Но вдругъ былъ въ лагерь приведенъ
Ко мнѣ подъ стражей Павелъ. Онъ
Судьбу мою рѣшилъ!.. Бесѣда
Единой ночи!.. Весь раскрытъ
Я передъ нимъ стоялъ, разбитъ,
Какъ червь раздавленъ...

ДЕЦІЙ (*съ возрастающимъ ужасомъ перебивая его*).

Озлобленье
Въ тебѣ, отчаянье...

МАРЦЕЛЛЪ.

Да! да!
Все было: даже ядъ всегда
Съ собой носилъ...

ЛИДА.

Прозрѣнье,
Прозрѣнье внутрь себя!

МАРЦЕЛЛЪ (*тономъ глубокаго убѣжденія*).

.....Я понялъ, намъ
Не Богъ предметомъ поклоненья
Во храмѣ былъ, а самый храмъ!
Порядокъ въ людяхъ водворяя,
Цѣль жизни — мы открыли имъ?..
Одна случайность роковая
Являлась въ ней и намъ самимъ!..
Таковъ нашъ Римъ: что̀ онъ ни строитъ,
Онъ строитъ на пескѣ морскомъ;
Прійдетъ волна, и зданье смоетъ
И всѣхъ, кто жизни чаетъ въ немъ...

ДЕЦІЙ (*перебивая съ величайшею живостью*).

О, Римъ гетеръ, шута и мима —
Онъ мерзокъ, онъ падетъ!.. Но нѣтъ,
Вѣдь въ томъ, что̀ носитъ имя Рима,
Есть нѣчто высшее!.. Завѣтъ
Всего, что̀ прожито вѣками!
Въ немъ мысль, вознесшая меня
И надъ людьми, и надъ богами!
Въ немъ Прометеева огня
Неугасающее пламя!
Въ символъ побѣды это мной

Въ предѣлахъ вѣчности самой
На вѣкъ поставленное знамя,
Мой разумъ, предъ которымъ вся
Раскрыта тайна бытія!
И этотъ Римъ не уничтожитъ
Никто! никто меня не можетъ
Низвергнуть съ этой высоты...

МАРЦЕЛЛЪ *(горько; потомъ строго).*

И вотъ — одинъ — передъ толпою,
На высотѣ всѣмъ чуждый, ты
Лишь самъ любуешься собою,
И съ чашей яду лишь глядишь,
Въ красивой позѣ ль ты стоишь!..
Онъ — разумъ, — значитъ, злая сила,
Когда, чтобъ въ высотѣ стоять —
Мильйоны ближнихъ надо было
Ему себѣ въ подножье взять...

ДЕЦІЙ *(въ высочайшемъ разгарѣ страсти).*

Мильйоны ближнихъ!.. Что̀ такое
Мнѣ эти ближніе... Рабовъ
Ты разумѣешь!.. О, пустое
Мечтанье этихъ мудрецовъ!

Рабы и въ пурпурѣ мнѣ гадки!
Какъ? Изъ того, что той порой,
Когда стихіи межь собой
Боролись въ бурномъ безпорядкѣ,
Земля, межь чудищъ и звѣрей,
Межь грифовъ и химеръ крылатыхъ,
Изъ нѣдръ извергла и людей,
Свирѣпыхъ, дикихъ и косматыхъ,
Мнѣ изъ того въ нихъ братьевъ чтить?.
Да первый тотъ, кто возложить
На нихъ ярмо возмогъ, тотъ разомъ
Сталъ выше всѣхъ, какъ власть, какъ разумъ!
Кто жь суевѣрья ихъ презрѣлъ,
И мыслью смѣлою къ чертогамъ
Боговъ ихъ жалкихъ возлетѣлъ,
Тотъ самъ для нихъ уже сталъ богомъ,
И въ полномъ правѣ съ высоты
Глядѣть какъ въ безотчетномъ страхѣ
Внизу барахтаются въ прахѣ
Всѣ эти темные кроты!..
Да! если есть душа вселенной,
Есть божество, — оно во мнѣ!
И если, чтобъ ему вполнѣ
Раскрыться, нужно непремѣнно,
Чтобъ гибли тысячи тупыхъ

Существъ, несмыслящихъ, слѣпыхъ, —
Пусть гибнутъ!.. такова ихъ доля!
Имъ даже счастіе неволя!
Лишь съ дня, когда онъ въ рабство впалъ
Для міра рабъ хоть нѣчто сталъ!

(*Продолжаетъ ходить*).

МАРЦЕЛЛЪ (*строго и горько*).

Все знаю! такъ насъ поучалъ
Нашъ славный разумъ! онъ, который
Самъ о себѣ намъ говоритъ:
«Я истина», и безъ опоры
На мечъ, блѣднѣетъ и дрожитъ!
Неронъ, онъ убѣжденъ, что тоже
Въ немъ истина!.. Великій жрецъ
И циникъ также... Отчего же
Твой разумъ лучше всѣхъ, мудрецъ?

ЛИДА (*смотритъ на Децiя съ ужасомъ*).

Какъ ночь душа его мрачна!
Онъ — Боже! никого не любитъ...

(*Плачетъ истерически*).

Ихъ гордость римская... Она
Ихъ умъ мрачитъ... Она ихъ губитъ...

ДЕЦІЙ (*останавливаясь передъ нею*).

Къ чему же слезы?.. Перестань..

(*Смотритъ на нее внимательнѣе*).

Но какъ ты, Лида, измѣнилась...
О, какъ ты стала хороша...

ЛИДА (*послѣ сильнаго напряженія, голосомъ искренняго чувства и все болѣе одушевляясь*).

Я, Деціи!.. Я давно простилась
Со всѣмъ земнымъ!.. Твоя душа —
Ты міръ обнять не можешь взоромъ,
И вознестись на высоту,
И ту постигнуть красоту,
То совершенство, предъ которымъ
Ничто твой жалкій, бѣдный міръ,
Гдѣ ты лишь самъ себѣ кумиръ!
Да, гордость, Деціи!.. Ослѣпила
Она тебя!.. Въ земныхъ цѣпяхъ
Душа источникъ свой забыла,
А онъ, о Деціи, въ небесахъ!
Слова Христовы западаютъ
Мгновенно въ душу — оттого,
Что намъ Его напоминаютъ,
И возвращаютъ намъ Его...

И тутъ ужь смерть — конецъ разлуки!
Побѣдный выходъ изъ тюрьмы, —
И примешь все ты — смерть и муки,
Чтобъ къ свѣту вырваться изъ тьмы...
Ахъ, Децій! міръ — одно терзанье!
И къ свѣту разъ открылъ пути —
Ты будешь знать одно желанье —
Всѣмъ указать — и всѣхъ спасти!..

ДЕЦІЙ.

Ты точно внѣ ужь міра, Лида!
Куда умчалась ты? Изъ вида
Теряю... Точно отъ земли
Оторвалась — межь звѣздъ носилась
И къ намъ на землю воротилась
Въ ихъ золотой еще пыли...
(*Смѣясь*).
Вотъ видишь, ты не ожидала —
Передъ тобой и я поэтъ!..

ЛИДА.

Онъ шутитъ!..

ДЕЦІЙ.

Бросимъ этотъ бредъ —
Прости, Марцеллъ — но только дѣтямъ
И можно увлекаться имъ...

ЛИДА (*съ новымъ одушевленьемъ*).

Бредъ — говоришь ты? Но ужь Римъ,
Ужь міръ исполненъ бредомъ этимъ!
Ужь мы — на рубежѣ стоимъ —
И въ Римѣ ужь теперь два Рима!
Здѣсь — этотъ Римъ; ужь онъ — какъ тѣнь
Теперь, какъ призракъ... Близокъ день, —
И онъ разсѣется... и новый
Откроетъ Римъ...

(*Слышно издали пѣніе и въ глубинѣ сада показываются медленно проходящіе въ сіяніи свѣточей христіане*).

ПѢНІЕ ХРИСТІАНЪ.

Ясный, не меркнущій,
Тихій свѣтъ утренній!
Нынѣ ведешь ты насъ
Къ незаходимому,
Свѣту безсмертному,
Дню беззакатному!

ДЕЦІЙ.

Кто это?

ЛИДА (*торжественно*).

Новый Римъ!
Да! здѣсь
У васъ пиры, а тамъ, подъ вами,
Въ землѣ, тамъ въ катакомбахъ, весь —

Всечасно молитъ со слезами
О васъ же — христіанскій Римъ,
Чтобъ Вседержитель Богъ далъ силы
Ему спасти васъ...

ДЕЦІЙ.

Новый Римъ!
Такъ христіане — Новый Римъ?!
Тутъ, въ катакомбахъ, гдѣ могилы
Великихъ предковъ?!

(Съ судорожнымъ хохотомъ).

Новый Римъ!
Да развѣ можетъ быть два Рима?
Два разума! Двѣ правды! два
Могущества, два божества!..

МАРЦЕЛЛЪ.

И тотъ гдѣ ложь — не отвратима
Его погибель!.. Пусть насъ жгутъ...

ДЕЦІЙ *(порывисто)*

Ужель мильйоны васъ?

МАРЦЕЛЛЪ *(нерѣшительно).*

...Не знаемъ...

ДЕЦІЙ.

Декретъ ты знаешь?

МАРЦЕЛЛЪ (*указывая на идущихъ христіанъ*).

Исполняемъ,

Какъ видишь...

ДЕЦІЙ.

Какъ? они идутъ

На смерть?

ЛИДА.

Что̀ смерть!

ДЕЦІЙ (*мрачно, смотря на христіанъ*).

Глазамъ не вѣрю!

На казнь идти и гимны пѣть,

И въ пасть некормленному звѣрю

Безъ содроганія глядѣть...

И кто жь? Рабы!..

(*Почти въ изступленьи*).

Да кто жь вы? кто вы?

Марцеллъ! вѣдь строя Римъ твой новый,

Пойми, ты губишь Римъ отцовъ!

Созданье дѣлъ ихъ! трудъ вѣковъ!..

Римъ, словно небо, крѣпкимъ сводомъ

Облегшій землю, и народамъ,

Всѣмъ этимъ тысячамъ племенъ

Или отжившимъ иль привычнымъ

Лишь къ грабежамъ, разноязычнымъ,
Языкъ свой давшій и законъ!
И этотъ Римъ, и это зданье
Ты отдаешь на растерзанье...
Кому же?.. Тѣмъ, кто годенъ былъ,
Какъ вьючный скотъ, въ цѣпяхъ, лишь къ носкѣ
Земли и камня, къ перевозкѣ
Того, что̀ мнѣ бъ и мулъ свозилъ!
Рабы!.. Марцеллъ, да гдѣ мы? гдѣ мы?
Для нихъ вѣдь камни эти нѣмы!
Что̀ намъ позоръ — имъ не позоръ!
Они (*указывая на статуи*) предъ этими мужами
Не заливалися слезами,
Съ стыдомъ не потупляли взоръ!
И вдругъ, безъ всякаго преданья,
Безъ связи съ прошлымъ, какъ стада
Звѣрей, которымъ пропитанье —
Всей жизни цѣль, придутъ сюда!
И гдѣ жь узда для дикой воли?
Что̀ ихъ удержитъ?.. Все падетъ!
И Пантеонъ, и Капитолій
Травою сорной зарастетъ!..

ЛИДА.

Проходитъ зримый образъ міра,
Но, Деціи, міръ не погубитъ

Пришелъ Христосъ, а словомъ мира
Въ любви и правдѣ возродить...

МАРЦЕЛЛЪ.

И жизнь вдохнуть въ него!

ДЕЦІЙ (*къ Марцеллу съ презрѣніемъ*).

Несчастный!

(*Взглянувъ на чашу съ ядомъ*).

О, умирать теперь ужасно!
Или игралищемъ судьбы
Я былъ досель? съ врагами бился,
А злѣйшій врагъ межь тѣмъ подрылся
Уже подъ самые столбы
Насъ всѣхъ вмѣщающаго храма!
Я тѣни предковъ вызывалъ,
Противу моря зла упрямо
Средь ярыхъ волнъ его стоялъ
Живымъ укоромъ и проклятьемъ,
Непобѣдимъ, неколебимъ...

ЦИНИКЪ (*проснувшись*).

Хозяинъ, умеръ?

МАРЦЕЛЛЪ.

Вотъ твой Римъ
Тебя зоветъ: къ его объятьямъ
Стремись скорѣе — что́ нужды

Что этотъ мужъ въ своемъ пареньѣ
Не видитъ далѣе ѣды?
Одной вы матери рожденье,
Того же дерева плоды!

Между тѣмъ почти разсвѣло. Христіане, все въ возрастающемъ числѣ, продолжаютъ проходить вдали, при пѣніи гимновъ. Изъ нихъ выдѣляются группы рабовъ Децiя, которые останавливаются предъ входомъ въ залу и потомъ, впереди Іовъ, входятъ въ залу, по окончаніи слѣдующей рѣчи Марцелла. Марцеллъ и Лида дѣлаютъ нѣсколько шаговъ къ нимъ и смотрятъ на нихъ съ благоговѣніемъ. Децій отступаетъ на другую сторону сцены. Къ нему присоединяется Циникъ, со словами: «это что?» указываетъ на христіанъ и прислушивается.

ГИМНЪ ХРИСТІАНЪ.

Ясный, немеркнущій,
Тихій свѣтъ утренній,
Нынѣ ведешь ты насъ
Къ незаходимому
Свѣту безсмертному,
Дню беззакатному...

МАРЦЕЛЛЪ.

Ну, Децій! Время... Со своими
Я ухожу... Прощай... (*Хочетъ идти, но возвращается опять и говоритъ Децію, указывая на христіанъ*).
...Ты видишь — вотъ — живыя
Все души, — въ каждомъ разумъ свой, —
Но всѣ любовію одной, —

Какъ солнцемъ глубины морскія, —
Озарены!.. Здѣсь нѣтъ вождей!
Творятъ дѣла здѣсь ужь не люди!
Для всѣхъ, какъ для простыхъ орудій,
Сокрыты цѣли! Безъ мечей
Идемъ къ побѣдѣ несомнѣнной!
Пойми жь что свыше лозунгъ данъ!
То Божій духъ по всей вселенной
Летитъ какъ нѣкій ураганъ...
Что́ было свѣтомъ — въ мракъ отходитъ!
Всѣ солнца гаснутъ! Новый день
И солнце новое восходитъ,
Все прежнее бѣжитъ какъ тѣнь.
Что̀ жь, гордый человѣкъ, усильно
За тѣнь хватаясь, вмѣстѣ съ ней
Исчезнуть хочешь въ тьмѣ могильной,
Въ безумной гордости своей!
Себя поставивши судьею
Надъ всей вселенной, никогда
Ужь не признаешь надъ собою
Глаголовъ Божьяго суда?..

ДЕЦІЙ (*къ Марцеллу твер разительно*).

Мой судъ — я самъ! Все, чѣмъ мой разумъ
Могучъ и свѣтелъ, далъ мнѣ Римъ; —

И пусть идутъ всѣ боги разомъ,
И съ ними всѣ народы — имъ
Не уступлю и упреждаю
Ихъ вызовъ... (*Беретъ чашу; Лида бросается къ нему, онъ ее отталкиваетъ*).
Прочь! (*Къ Цинику*). А ты бѣги
И въ Римѣ всѣмъ кричи: враги
Въ его стѣнахъ! что умираю
Я на посту своемъ за Римъ!
За вѣчный Римъ!.. (*Выпиваетъ чашу*).

ЛИДА (*закрывая лицо руками и падая на колѣни*).

Боже! Я
Имѣла вѣры не довольно!

ДЕЦІЙ (*увидавъ вошедшихъ христіанъ*).

Прочь!

ІОВЪ.

Боже сильный! отпусти
Ему грѣхъ вольный и невольный!
(*Приближаясь къ Децію*).
Ты жь, господинъ, ты насъ прости,
Коль въ чемъ виновны предъ тобою!

ДЕЦІЙ (*сурово*).

Что̀ надо вамъ?

ЛИДА.

Твои рабы
Идутъ на смерть и молятъ, Децій,
Чтобъ Богъ простилъ тебя и ты
Простилъ бы ихъ!..

(Децій быстро отъ нихъ отворачивается).

ЦИНИКЪ.

О чемъ хлопочутъ?
И вѣдь не плуты, не морочутъ!
Поди жь, вѣдь создаютъ себѣ
Мученья!.. Мудрецы все!.. *(Уходитъ).*

ДЕЦІЙ *(склонясь на ложе, Марцеллу).*

А если всѣ насъ такъ разсудятъ,
Марцеллъ?

ЛИДА *(искренно, страстно).*

Судъ только Божій будетъ!
Ты, Децій, ты любилъ что́ зналъ;
Зналъ Римъ! его любилъ ты много,
Собой пожертвовалъ, страдалъ...
О! жертва всякая у Бога
Сочтется...

ДЕЦІЙ *(съ ненавистью, грозно).*

Лида! я бъ васъ гналъ

Когда бы жилъ еще! терзалъ
Звѣрьми бъ, живого бъ не оставилъ!..

ЛИДА (*слезы въ голосѣ*).

Ты бъ гналъ, покуда бъ не узналъ,
Покуда бъ не прозрѣлъ какъ Павелъ,
И больше насъ тогда бъ Христа
Великимъ разумомъ прославилъ!
Въ тебѣ была вѣдь прямота!
Прозрѣвъ, отдался бъ въ искупленье
Всѣхъ золъ что̀ сотворилъ!.. Прощать
Ты бъ научился... да!.. прощать!
Вѣдь христіанство, все ученье,
Нѣтъ, не ученье — жизнь — прощенье,
Ежеминутное прощенье,
Прощенье вѣчное!..

ДЕЦІЙ (*приподнимаясь и пристально смотря на Лиду*).

Не та!..
Не та!.. Такъ кто же ты?.. Видѣнье?
Дай руку... (*Съ ужасомъ:*) Свѣтъ вокругъ тебя!
Что́ жь это? что́? (*Падаетъ и умираетъ*).

ЛИДА (*опускаясь передъ нимъ на колѣни*).

Онъ былъ одинъ,
Кто былъ еще мнѣ дорогъ въ мірѣ!..

МАРЦЕЛЛЪ (*смотря на Децій*).

Сынъ вѣка! свѣтъ былъ предъ тобой...
Не видѣлъ ты!

(*Солнце полнымъ блескомъ озаряетъ сцену*).

МАРЦЕЛЛЪ.

Ужь солнце! Вотъ онъ
Нашъ день!

ЛИДА (*подымаясь*).

Твоя теперь, Господь,
Вся, вся Твоя!

ІОВЪ.

Слава, Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!

(*Присоединяются къ христіанамъ и уходятъ съ ними съ пѣніе гимна: „Ясный, немеркнущій“ и пр. Занавѣсъ падаетъ*).

1872, 1881.

IX.

БРИНГИЛЬДА.

ПРИ ПОСЫЛКѢ „БРИНГИЛЬДЫ“ ВЪ МАЛУЮ АЗІЮ.

Моя валкирія—дитя
Снѣговъ и сѣверныхъ сіяній,
Теперь внезапно залетя
Въ пору весеннихъ ликованій
Земли, и моря, и небесъ,
На свѣтлый берегъ Пропонтиды,
Нашла ль въ странѣ иныхъ чудесъ
У сродной съ нею Артемиды
Привѣтъ и ласковый пріемъ?
Или воительница юга
Съ ней обошлась какъ со врагомъ,
И стали другъ противу друга,
Движеньемъ безотчетнымъ рукъ
Схватясь за мечъ, а та—за лукъ
И съ вызывающей осанкой
И, по обычаю, на бой
Духъ разжигая похвальбой
И благородной перебранкой?

1888.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

А. И. М—й.

Пусть—вся въ крови моя поэма;
Пускай Бринильды грозенъ видъ,—
Но изъ-подъ панцыря и шлема
Въ ней сердце нѣжное сквозитъ,
И душу ей святымъ крещеньемъ
Лишь озари, и освѣти
Ея высокимъ дерзновеньямъ
Христомъ открытые пути,—
Она бы образъ тотъ явила
Душевныхъ силъ и красоты,
Который намъ осуществила
Въ любви и жертвѣ вѣчной—ты...

БРИНГИЛЬДА.

ПОЭМА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Гудруна — жена убитаго Сигурда.
Брингильда — жена Гуннара, брата Гудруны.
Медди.
Гермунда.
Герварда.
Урлунда-Красавица.
Древняя Гильда.
} пять королевъ.

Время — миѳическихъ преданій Скандинавской Старшей Эдды.

Мертвый Сигурдъ на высокомъ помостѣ лежитъ:
Весь съ головы золотою покрытъ онъ фатой:
Факелъ горитъ въ головахъ, а въ ногахъ у него
Блѣдная, взглядъ неподвижный, Гудруна сидитъ.
Пять королевъ на ступеняхъ помоста вокругъ —

Прим. для чтенія вслухъ... «Бога ради, читая вслухъ, не скандуйте стиховъ, какъ, съ сожалѣнію, у насъ принято при чтеніи греческихъ и латинскихъ поэтовъ и переносится также и на русскіе трехсложные

Древняя Гильда на креслахъ высокихъ одна:
Съѣхались съ разныхъ концовъ на ужасную вѣсть.
Воины въ шлемахъ стальныхъ оцѣпляютъ ихъ кругъ.
Сзади толпятся старѣйшины, дворъ и рабы.
Ропотъ въ чертогѣ и гулъ отъ толпы на дворѣ.

Утромъ съ шурьями на ловы поѣхалъ Сигурдъ.
Тотчасъ почти принесенъ былъ домой, весь въ крови.
Кровь изъ большихъ десяти изливалася ранъ.

Входитъ Брингильда въ чертогъ, дверь на отмашь раскрывъ.

Шуба соболья и волосы въ снѣжной пыли.
Холодъ за нею въ широкія двери пахнулъ.
Въ стороны съ факела пламя метнулось, вздымясь.
Дрогнулъ, заискрясь, Сигурдовъ покровъ золотой.
Глянувши быстро на всѣхъ, молча въ уголъ прошла.
Слушаетъ, пристально глядя, что́ вкругъ говорятъ.

размѣры; не надобно думать совсѣмъ о размѣрѣ: читайте какъ прозу, но выразительно, гдѣ требуется, и съ удареніемъ на тѣ слова въ стихахъ, на которыя слѣдуетъ по смыслу. Скандованіе убиваетъ всякое одушевленіе, всякій лиризмъ, всѣ переливы чувства, словомъ пропадаетъ вся сила діалога. Въ рѣчахъ Гудруны и еще болѣе — Брингильды — скорѣе — декламація, а не скандованіе...» (*Изъ письма автора*).

Подлѣ Гудруны, у ногъ ея, Медди была.
Горе чужое — да чуткое сердце у ней!
Руку слегка на колѣни ея положивъ,
Молвила: «Милая! Жалко смотрѣть на тебя!
Словно ты каменной стала! Хоть слово скажи!
Еле ты дышишь, и то вѣдь вздрогнешь всякій разъ!
Знаю, голубонька! Тяжкое горе твое!
Свѣтлый былъ свѣтъ на душѣ — темна ночь налегла!
Цвѣтикъ въ прогáлинкѣ — всякій затопчетъ тебя!
Елочка крàй-лѣску — всякій обидитъ тебя!
Лань ты моя круглоокая! серна моя!
Чуется, тяжко тебѣ одинокой-то жить!
Въ горы ль, бывало, олень твой бѣжитъ, — ты за нимъ!
Пьетъ ли въ ручьѣ,—ты ужь скачешь и плещешься вкругъ!
Будь моя волюшка — охъ! — унесла бы тебя!
Холила бъ въ замкѣ своемъ... Здѣсь вѣдь ужасъ и мракъ!»

Молча Гудруна, въ отвѣтъ, лишь тихонько съ колѣнъ
Руку подруги сложила холодной рукой.

Молвитъ Гермунда: «И вправду ужь лучше ты плачь!
Легче, какъ выплачешь горькое горе заразъ!
Слезъ еще много на первое горе найдешь.
Вотъ, какъ другія пойдутъ — такъ и рада бъ — да нѣтъ!

Высушать въ сердцѣ въ конецъ всѣ живые ключи!
Я схоронила двоихъ — да какихъ вѣдь мужей!
Пять сыновей у меня въ одномъ пало бою!..
Съ факеломъ, въ бурную ночь я бродила межь тѣлъ,
Всѣхъ собрала. Нагрузила тѣлами ладью.
Ѣду. Надъ ними стою — и ни словъ нѣтъ, ни слезъ.
Думаю: что же? зачѣмъ же осталась я жить?..
Только — живу. Двое внуковъ остались: рощу.
Домъ свой, народъ, все какъ было, во страхѣ веду.
Въ фо̀льстингъ старшинъ собираю. Суды имъ сужу.
Съ моря ли, съ суши ли врагъ — я встрѣчаю сама:
Всѣхъ впереди колесница моя иль корабль...
Внукамъ отцовскій вѣнецъ поклялась передать,
Въ женскихъ рукахъ не сломавъ ни едина зубца.
Такъ вотъ и ты поступай. У тебя вѣдь есть дочь.»

Молвитъ Герварда: «А я-то? что вынесла я!
Было и царство, и войско, и слава у насъ!
Въ домѣ — большая семья, вѣчно гости, пиры!
На́ берегъ выйдешь — и нѣту конца кораблямъ!
Словно безсчетно чудовищъ морскихъ на песокъ
Всплыли съ глубинъ и на солнцѣ рядкомъ улеглись,
Головы съ пастью драконовъ поднявъ высоко́!
Нынче — волчецъ тамъ да верескъ: Аланы прошли!
Все — сожжено!.. что поби́то, что у̀гнано въ плѣнъ!

Я — королева — въ толпѣ очутилась рабынь!
Гнали насъ съ мѣста на мѣсто, голодныхъ, босыхъ...
Взялъ меня въ жены каганъ. У него на пирахъ —
Мужнинъ, отца, троихъ братьевъ,—всѣхъ пять череповъ—
— Въ кубки обдѣлали ихъ — наливала виномъ,
Ихъ разносила съ поклономъ пирующимъ я!
Что же? привыкла! сжилась! и съ каганомъ сжилась!
Въ почестяхъ тоже, какъ слѣдъ... принимали царей...
Только его отравили... какой-то тамъ грекъ...
Вслѣдъ пришло войско... самъ кесарь... все бросилось врозь!
Я по болотамъ скрывалась, по дебрямъ — совсѣмъ
Думала — смерть! — да попала сюда, и еще
Мужа нашла, — королева опять, въ третій разъ!
Ты молода еще: что же крушиться тебѣ?
Мужа — постой — не такого найдешь! Ужь повѣрь,
Знаю я — всѣ они, каждый по своему милъ!
Дикій Аланъ — и по немъ даже плакала я!»

Словно не видитъ, не слышитъ, Гудруна сидитъ.
Взглядъ устремила впередъ. Ни кровинки въ лицѣ.

Молвитъ Урлунда-Красавица: «Годъ пожила
Съ первымъ я мужемъ, Гудруна. Какъ умеръ онъ, — я
Думала: кончено! больше ужь нечего жить!

Бросилась даже за нимъ на костеръ: удержать
Люди насилу могли! Цѣлый годъ я была
Словно какъ мертвая: пла́чу, не ѣмъ и не пью.
Встрѣтился Оттенъ—и стыдно бъ признаться мнѣ въ томъ—
Стыдно — но я, Государыни, вамъ признаюсь:
Встрѣтился Оттенъ — и сердце зажглось не спросясь!
Что впереди — я не знаю, но слава богамъ,
Бла̀гами ихъ какъ цвѣтами осыпана я!
Дѣти-красавцы! а старшій ужь правитъ рулемъ,
Знаетъ всѣ снасти, какъ парусъ поставить, когда.
Такъ ужь его и прозва́ли Волченкомъ Морскимъ!..
Развѣ мы знаемъ удѣлъ свой!.. Какъ ты родилась,
Норны связали ужь въ узелъ твой жребій навѣкъ,
Намъ — ни распутать, ни вновь своего не скрутить!»

Древняя Гильда за ней пожелала сказать:
Жадно всѣхъ очи къ ея устремились устамъ.
Всюду какъ жемчугъ слова подбирались ея.

«Въ старые годы намъ слезы вмѣнялись въ позоръ.
Замужъ шла—знала, что мужнинъ конецъ—твой конецъ,
Шла съ нимъ на одръ—знала: также пойдешь на костеръ.
Чуть не сто лѣтъ я живу. Что же? въ радость мнѣ жизнь?
Со́рокъ годовъ ужь какъ въ море ушелъ мой король.

Я разсылала гонцовъ: возвращались ни съ чѣмъ.
Башню на крайнемъ утесѣ поставила я,
Стража на вышкѣ, а я на бойницѣ весь день.
Парусъ его покажись: я узнаю изъ ста!..
Вѣщій есть старецъ, вѣдунья-жена у меня.
Валка—вѣдунья: въ пещерѣ надъ Геллой *) живетъ,
Ходъ тамъ въ пещерѣ есть узкій, и въ Геллу окно;
Всѣхъ истязуемыхъ тѣни тамъ видитъ она:
Нѣтъ до сихъ поръ между нихъ моего, говоритъ.
Вѣщій же—Снорро: являлся къ нему самъ Одинъ.
Травы онъ знаетъ. Нажжетъ ихъ — что снопъ упадетъ,
Духомъ же къ самой Валгаллѣ восходитъ тогда.
Тамъ, притаясь, онъ въ толпѣ челядинцевъ глядитъ:
Видѣлъ и свѣтлаго Бальдура, Брагги-пѣвца,
Фриггу, Одина — сидятъ за высокимъ столомъ.
Тѣни жь сражаются, мчатся на бѣлыхъ коняхъ,
Жены, любуясь, стоятъ по сторонкамъ вокругъ —
Нѣтъ короля моего, нѣтъ Олафа и тамъ!
Такъ я его по тремъ царствамъ, по всѣмъ, сторожу.
Какъ гдѣ явился — узнаю — и тотчасъ къ нему!
Лодка съ горючей смолой на-готовѣ всегда,
Царское платье, вѣнецъ. Въ тотъ же мигъ уберусь,
Сяду, спущуся въ открытое море сама,

*) Гелла — адъ.

Брачную пѣснь запою и смолу запалю, —
И — полечу голубицей въ догонку къ нему!»

Смолкнула Дивная: вспыхнувшій пламень погасъ.
Молча склонили главы королевы предъ ней.
Съ низкимъ поклономъ лишь Медди дерзнула сказать:

«Нынче какъ ты, Государыня, мало такихъ!
Гдѣ же намъ съ этимъ терпѣньемъ и вѣрой прожить!
Мужъ уѣзжаетъ... на годы пропалъ о немъ слухъ:
Ждешь ты, живешь — сирота — ни жѐна, ни вдова;
Ждешь, узоро́чья ему вышиваешь, сидишь;
Подвиги тоже шелками рисуешь его:
Крѣпишься, крѣпишься, стелешь стежокъ за стежкомъ,—
Нѣтъ — да и капнетъ тебѣ на работу слеза...
Ты—вѣдь весь вѣкъ на гнѣздѣ, а вѣдь онъ-то—кружитъ,
Такъ залетитъ, что, гляди, и забылъ обо всемъ!..»

Молча сидѣла Брингильда въ тѣни, на скамьѣ.
Умныхъ рѣчей королевъ ужь не слышитъ давно.
Вдругъ она встала, на помостъ къ Сигурду взошла,
Сбросила шубу соболью съ крутого плеча,
На̀ руку бѣлый спустила покровъ съ головы,

Черныя косы откинула быстро назадъ.
Ферязь на ней золотая; за поясомъ — ножъ;
Гладкое, низко на лбу, золотое жь кольцо.

Сдернувъ съ Сигурда покровъ съ головы и груди —
Десять зіяющихъ ранъ обнажила на ней.
Вмигъ отскочила Гудруна и вскрикнула такъ,
Воплемъ такимъ, что гудѣньемъ тотъ крикъ отдался
Въ кованыхъ чашахъ на полкахъ кругомъ по стѣнамъ.
Точно мечомъ поразилъ ея сердце въ упоръ
Грозныхъ Брингильды очей торжествующій взглядъ.

Тутъ полились, что потокъ, у Гудруны слова:

«Прочь, ненавистная! скройся, уйди ты отъ насъ!
Только ты горе и слезы приносишь съ собой!
Дѣло твое — эта кровь! неповинная кровь —
Къ крови ты съ дѣтства привыкла что къ сладкимъ медамъ!
Дикимъ Аланомъ, не дѣвкой родиться бъ тебѣ!
Чѣмъ виноватъ онъ — Сигурдъ — предъ тобою, скажи?
Тѣмъ ли, что между мужей онъ что солнце сіялъ?
Тѣмъ ли, что слава его облетѣла весь свѣтъ?
Видѣла ты, что когда выходилъ онъ со мной,

Всѣ разступалися, съ радостью глядя на насъ:
Ты только черною тучей смотрѣла, одна!
Лѣтомъ, когда уѣзжали они на войну,
Я не хотѣла, чтобъ съ братьями ѣхалъ Сигурдъ,
Я, какъ надъ малымъ ребенкомъ дрожала надъ нимъ,
Три дня, три ночи молила — и сдался бы онъ,
Если бъ не взглядъ твой, не сжатыя губы твои,
Это презрѣнье и вмѣстѣ насмѣшка въ лицѣ!
Сѣлъ ужь когда на коня — я упала безъ чувствъ —
Помнишь — какимъ залилася ты смѣхомъ тогда!
Смерти его ты ужь хочешь, ты ищешь давно!
Радуйся жь — вотъ онъ!.. Твое это дѣло, твое!
Скажешь: ты дома была? Да твои ужь глаза —
Взглядомъ убьешь, обернешься медвѣдемъ, орломъ, —
Прежде была — говорятъ же — Валкиріей ты!
Братья пріѣдутъ — постой! старшину соберутъ,
Любъ ли Сигурдъ былъ народу — узнаешь тогда!»

Рѣчь перебить ей хотѣла Брингильда: «Молчи!»
Вскрикнула снова Гудруна. — «Оставь хоть на мигъ!
Дай хоть въ послѣдній-то разъ поглядѣть на него!
Ахъ, Государыни! горькая доля моя!
Только какъ вспомню... вотъ нынче—поднялся чѣмъ свѣтъ,
Ходитъ на цыпочкахъ, самъ снарядился, одинъ,
Бережно крался къ дверямъ, чтобъ меня не будить —

Я притаилась — лежу — и все вижу — молчу —
Только онъ къ двери, — вскочила, его обняла, —
Поднялъ меня какъ ребенка, — опять уложилъ —
И — уходилъ и смѣялся, кивнулъ головой, —
Только и видѣла!.. Встала, во дворъ выхожу —
Вижу — бѣжитъ его конь, его Грани, одинъ....
Гдѣ жь твой хозяинъ? — я въ шутку спросила его:
Конь палъ на землю — и слезы изъ глазъ полились —
Плакалъ слезами — а мнѣ еще все не въ домёкъ!
Только вдругъ вижу — несутъ!.. Что тутъ сталось со мной!
Я и теперь даже въ разумъ прійти не могу!
Гдѣ я? съ какой я упала теперь высоты?
Вотъ ты хотѣла, ехидна, чего — моихъ слезъ!
Радуйся жь! хватитъ тебѣ ихъ на всю твою жизнь!
Пей ихъ, соси ихъ, суши мое сердце, змѣя!
Ишь, нарядилась какъ! золото, камни, янтарь...
Точно не смерть у насъ въ домѣ, а свадебный пиръ!
Бѣдный мой, бѣдный!..» И сильно руками всплеснувъ,
Голосомъ стала рыдать и упала на одръ,
Жаркой къ колѣнямъ Сигурда прижавшись щекой.

Сжалося сердце у всѣхъ у пяти королевъ:
Изъ-коса взглядъ на Брингильду бросаютъ порой.
Стража сурово глядитъ, на щиты опершись.

Тихія женщинъ рыданья въ толпѣ раздались.
Тихо Брингильда Гудрунѣ въ отвѣтъ начала:

«Слушай, Гудруна. Теперь, сколько хочешь, кляни,
Все что есть злобы въ душѣ изливай на меня!
Прежде... вчера еще.. голосъ твой — имя твое —
Кровь подымали во мнѣ и мутили глаза,
Кажется — такъ бы тебя растерзала сейчасъ!
Только въ желѣзной уздѣ я держала свой духъ,
Руки сжимая, — ногтями ихъ рѣзала я!
Нынче жь спокойно, безъ злобы, отвѣчу тебѣ!..

«Нынче, когда принесенъ былъ убитый Сигурдъ, —
Въ полную грудь мнѣ хотѣлось вздохнуть въ первый разъ!..
Въ горы ушла я, блуждала по бѣлымъ снѣгамъ,
Пѣла во всю свою волю побѣдную пѣснь —
Пѣла какъ въ дѣтствѣ пѣвала по раннимъ зарямъ,
Розовымъ блескомъ ихъ тѣшась на горныхъ высяхъ!..
«Крошкой-Валкиріей» звали тогда ужь меня —
Послѣ ужь «Грозной Валкиріей» прозвали... Да!
Бросила прялку я, броню одѣла и шлемъ,
Грозной Валкиріей — вправду — являлась въ бояхъ:
Мечъ мой, къ кому я хотѣла, побѣду склонялъ!

«Ахъ, эти годы мои — золотые года!

Я, что орлица, жила въ недоступной выси!
Мелкую тварь, что ютится въ норахъ, по землѣ,
Въ жалкой враждѣ — и не знала, не видѣла я!..
Ахъ! для чего имъ хотѣлось, чтобъ замужъ я шла!..

«Былъ у насъ замокъ — спасенье, я думала, тамъ!
Замокъ — и въ лѣто на снѣгомъ покрытой горѣ.
Только подъемный надъ пропастью подняли мостъ —
Въ замокъ и доступу нѣтъ... Царство вѣчной зимы!
Только одинъ и цвѣтетъ тамъ минутный цвѣтокъ —
Подлѣ оттаявшей глыбы — фіялокъ семья.
Вкругъ — клокотанье ручьевъ — водопадовъ грома,
Радуги всюду надъ ними въ алмазной пыли,
Синее небо и—міръ безпредѣльный кругомъ!

«Я и сказала своимъ, что туда удалюсь.
Только тотъ смѣлый, кто въ замкѣ добудетъ меня, —
Только одинъ онъ и будетъ мнѣ мужъ. И ушла.

«Сколько тамъ дней — и не помню, не знаю — прошло...
Разъ — открываю глаза — свѣтозарный ли богъ,
Горній ли духъ-повелитель льдяныхъ этихъ странъ,
Въ чистомъ эѳирѣ рожденный, въ нетлѣнной зарѣ,

Смертный ли чудной невѣдомой мнѣ красоты, —
— Шлемъ золотой — изумленный и радостный самъ —
Мечъ обнаженный опущенъ — стоитъ предо мной...
Онъ — этотъ витязь — онъ здѣсь!.. Вотъ онъ — мертвый—
Сигурдъ!
Вотъ — продолжала, касаясь Сигурда рукой,
Вотъ эти волосы — въ кудряхъ вились по плечамъ...
Блѣдныя щеки — румянцемъ пылали тогда...
Сжаты уста — но съ приподнятой верхней губой,
Какъ отвѣчали они изумленью въ очахъ,
Ясному взору, что вмѣстѣ и грѣлъ, и ласкалъ!
Мигъ — и зажглися сердца наши тѣмъ же огнемъ;
Вотъ на рукахъ его обручи — видите — вотъ
Эти три — бѣлаго золота — это мои!
Краснаго — вотъ на рукахъ моихъ — это его!
Тутъ же, предъ ликомъ небесъ, обручилися мы,
Въ вѣчной любви поклялись и на жизнь, и на смерть!»

Слушали всѣ, удивленно къ ней очи поднявъ:
Только Гудруна смущенный потупила взглядъ.
Сердце смиряя съ трудомъ, та опять начала:

«Знали, Гудруна, вы съ матерью — чей былъ Сигурдъ!
Знали, что ѣдетъ онъ сватовъ за мной посылать!

Зельемъ ли вы опоили его на пиру,
Чарами ль память отшибли, — но въ этотъ же день
Дочь обручила, Гудруну, съ нимъ нѣжная мать!

«Что? вы подумали, что̀ же со мной будетъ, что?
Жизнь мою, сердце мое — пожалѣли тогда?
Смѣрили бездну, куда вы втоптали его,
Бездну, гдѣ въ вѣчной ночи́ нѣтъ ни солнца, ни звѣздъ,
Развѣ изъ ада лишь жгучее пламя пахнетъ,
Слышны лишь стоны, проклятья, да скрежетъ зубовъ —
Муки осмѣянной — чистой какъ небо — любви!
Съ нимъ—когда ластилась съ подлой ты страстью къ нему,
Въ нѣгѣ постыдной гася въ немъ божественный духъ,
Лаской кошачьей геройство въ немъ тщась усыпить, —
Думала ль ты, что тутъ подлѣ же, о̀-бокъ съ тобой —
Та, чьи обманомъ украли вы честь и права,
Та — для которой любовь — это подвигъ и долгъ?!
Думала, да!.. но судила о ней по себѣ:
«О, покорится!.. Не тотъ, такъ другого нашла!
Родомъ не ниже, красавецъ, Морской же Король» —
Душу, несчастная, въ разумъ-то взять ли тебѣ,
Душу — небесный тотъ свѣтъ, что намъ свѣтитъ въ богахъ,
То, что въ Валгаллѣ насъ вводитъ въ ихъ радостный кругъ!

«Слушайте жь всѣ теперь. Да! это дѣло — мое!

Все какъ задумала, все довела до конца.
Сватовъ Гуннара заставила выслать ко мнѣ.
Въ домъ ихъ, въ семью ихъ — невѣсткою ей — я вошла.
Въ мужѣ — и въ братьяхъ ея — стала зависть будить.
Стала имъ зло на Сигурда нашептывать я.
Стала пророчить имъ тяжкую долю и стыдъ.
Будетъ, твердила, Сигурдъ здѣсь одинъ королемъ.
Мужу Гудруна покоя не дастъ ни на мигъ —
Со свѣту всѣхъ насъ сживетъ или пуститъ съ сумой.

«Въ рунахъ стоитъ: «На Сигурда — Сигурдовъ лишь мечъ».
Мечъ его надобно было тихонько достать.
Ночью—вы спали—въ свѣтлицу прокралась я къ вамъ...
Мѣсяцъ тебя освѣщалъ у него на груди,
Мечъ же высоко надъ вами висѣлъ на стѣнѣ:
Черезъ тебя я ступила, чтобъ снять его тамъ...
Мысль: «не тебя ль заколоть?» промелькнула—но вмигъ,
Какъ отъ шмеля, отъ нея отмахнулася я!..
Въ ночь это было вчера — а съ зарей этотъ мечъ
Сдѣлалъ ужь дѣло свое — у Гуннара въ рукахъ!
Да, — у Гуннара — и всѣ твои братья съ нимъ — всѣхъ
Я натравила и въ волю свою привела...
Волчью срубила имъ печень съ кусками змѣи,

Въ крѣпкую брагу — изъ жабы имъ желчь подлила —
Ѣли и пили всю ночь — и озлились въ конецъ!»

Въ ужасѣ Медди къ Урлундѣ прижалась плечомъ.
Ждутъ съ любопытствомъ Герварда съ Гермундой конца;
Съ дрожью всѣмъ тѣломъ провидица-Гильда сидитъ,
Пристальный взоръ свой соколій въ Брингильду вперивъ.
Тихо рыдала Гудруна, закрывши лицо.
Къ ней обратила Брингильда послѣднюю рѣчь:

«Слушай. Теперь въ моемъ сердцѣ нѣтъ зла на тебя.
Все что давило — какъ снѣгъ растопилось съ души —
Ей и легко, и свѣтло — какъ тогда — на горѣ,
Въ замкѣ въ тотъ мигъ, какъ Сигурда увидѣла я.
Даже... тебѣ утѣшенье могу я сказать...
Взоръ мой въ грядущее видитъ теперь далеко...
Кро̀ви тамъ... кро̀ви... Въ крови́ вашъ погибнетъ весь родъ...
Этли отмститъ за Сигурда... но ты... ты найдешь
Въ мстителѣ счастье свое... и забудешь о насъ...
Развѣ какъ сонъ какой вспомнишь, какъ будто твой духъ
Въ чудное царство взлеталъ — гдѣ все чуждо ему,
Гдѣ все давило, какъ вѣчныя горы, его —
Люди, ихъ облики, души и замыслы ихъ —
Вспомнишь — душа содрогнется, какъ робкій пловецъ,

Вдругъ очутясь въ океанѣ на утлой ладьѣ —
И пожелаешь домой, поскорѣе домой,
Къ дѣтямъ и мужу, къ рабынямъ и прялкѣ своей.

«Будетъ ужасенъ на первое время мой образъ тебѣ!
Злой и холодной Валкиріей буду казаться я вамъ —
Новое жь счастье тебя и со мной примиритъ.
Этого счастья — ты скажешь — она бъ не могла
Здѣсь ни себѣ, ни другому кому-либо дать,
И — скажешь правду!.. Не здѣшнее — счастье мое!
Счастье мое — и не здѣшняя мѣра ему —
Счастье мое — безъ конца, безъ предѣла и — съ нимъ!»

Властно перстомъ на Сигурда при семъ указавъ,
Радостнымъ вся торжествомъ просіяла она,
И — какъ бы взоромъ во глубь проницая небесъ,
Медленно, голосомъ твердымъ, сказала еще:

«Боги съ престоловъ своихъ ужь взираютъ на насъ.
Мчатся навстрѣчу Валкиріи къ новой сестрѣ,
Въ славу героя герои мечами стучатъ о щиты —
Брачный въ Валгаллѣ готовятъ намъ пиръ».
И обратившись къ рабынямъ «подайте вѣнецъ» —
Словно на пиръ, непоспѣшно, надѣла его.

Встала колѣномъ къ Сигурду на одръ, и — еще
Слово сказала: «Послѣдняя воля моя —
Вы на одномъ насъ съ Сигурдомъ сожгите кострѣ».
Тутъ же, на ферязи съ петель застежки разнявъ,
Грудь обнажила, и сердце ощупавъ рукой,
Къ мѣсту межь реберъ приставила ножъ остріемъ.
Сильно ударила правой рукой рукоять,
И, пошатнувшись, упала Сигурду на грудь.
Вскрикнули Медди съ Урлундой. Гудруна глядитъ,
Въ страхѣ широко прекрасныя очи раскрывъ,
Словно не въ силахъ все бывшее мыслью обнять.
Древняя жь Гильда, порывисто съ креселъ вскочивъ,
Прядями бѣлыхъ волосъ потрясая, одна,
Руки воздѣвъ, восклицала въ наитьи святомъ:
«Слава, Брингильда, тебѣ,
Мужа обрѣтшей на вѣкъ въ безразлучную жизнь!»

1888.

Разсказы изъ Русской исторіи.

(Для дѣтей и народа).

РАЗСКАЗЪ ПЕРВЫЙ.

О святыхъ московскихъ митрополитахъ

ПЕТРѢ и АЛЕКСѢѢ

И О СЛАВНОМЪ МАМАЕВОМЪ ПОБОИЩѢ.

Кто бывалъ въ Москвѣ, тотъ ужь конечно первымъ дѣломъ считалъ пойти въ московскій кремль, помолиться въ соборахъ Успенскомъ и Архангельскомъ на гробахъ прежнихъ великихъ князей и царей русскихъ, и приложиться къ мощамъ святыхъ чудотворцевъ московскихъ митрополитовъ Петра, Алексѣя, Іоны и Филиппа. Вотъ о первыхъ двухъ я и буду вамъ разсказывать.

Пятьсотъ лѣтъ тому назадъ Москва не была такая большая, какъ теперь. Тогда это былъ маленькій деревянный городокъ; на той горѣ, гдѣ теперь кремль, стоялъ небольшой княжескій теремъ со службами да пристройками и съ одной деревянной церковкой во имя Спаса. Это та, что нынче называется Спасъ на бору. Кругомъ горы были прикрыты еще густымъ лѣсомъ, и кой-гдѣ развѣ расчищены мѣста

для пашни, да кой-гдѣ стояли слободы или деревушки. Въ городкѣ и въ этомъ терему проживалъ одинъ князь, внукъ св. Александра Невскаго, Иванъ Даниловичъ, по прозванію Калита. Митрополитомъ въ то время былъ св. Петръ, и митрополиты жили во Владимірѣ на Клязьмѣ, и Владиміръ былъ столицею великихъ князей. Объѣзжая свою паству, св. Петръ часто заѣзжалъ въ Москву къ князю Ивану Даниловичу. Полюбился ему этотъ князь въ маленькомъ городкѣ, въ бѣдномъ теремку, надъ Москвою рѣкою, частенько, долго и по душѣ бесѣдовали князь со святителемъ о несчастныхъ дѣлахъ Русской земли, какъ всѣ-то князья ссорятся другъ съ другомъ, никого не слушаются: Татары вмѣшиваются въ ссоры ихъ, и идетъ повсемѣстная война и разореніе. Митрополитъ говорилъ князю Ивану Даниловичу:

«Всѣхъ перевидалъ я князей и всѣхъ ихъ знаю; есть между ними и добраго нрава, да горячи и легкомысленны; въ даль не смотрятъ, а только думаютъ, какъ бы нынче прошло хорошо: думаютъ о себѣ, а не о народѣ, не о всей Руси. И отъ раздѣленія ихъ вся-то Русь—пополамъ распалась; одна часть подъ Литву подпала, другая подъ Татаръ. А князьямъ и горя мало: отъ татарскаго насилія страдаютъ и вздыхаютъ, а о томъ и не думаютъ, какъ бы дѣло повести такъ, чтобы хоть со временемъ, дѣтямъ и внукамъ, совсѣмъ отъ Татаръ избавиться. Изъ всѣхъ князей только ты, Иванъ Даниловичъ, нрава твердаго и ума

великаго. Принимайся съ Богомъ за собираніе земли подъ одну руку твою. Ты бережливъ, казны у тебя много, и такъ тебя прозвали «калита», полный мѣшокъ. Скупай отъ князей села и города: имъ деньги нужны, задаромъ волости продаютъ. И устройся такъ, чтобъ у тебя народу было жить хорошо, и народъ отовсюду къ тебѣ потянетъ. А я въ Москвѣ поселюсь и въ ней свой престолъ митрополичій поставлю, и буду помогать тебѣ совѣтомъ и дѣломъ, и молитвами моими передъ Господомъ и Пресвятой Богородицей. Еще когда на родинѣ моей, въ землѣ Галицкой, удалился я въ пустыню, и потомъ помогъ мнѣ Господь устроить тамъ монастырь, и объѣзжалъ паству митрополитъ Максимъ, и въ нашу землю пріѣхалъ, вышли мы, иноки, отъ него благословиться; и поднесъ я владыкѣ моей рукой написанную икону Успенія Божіей Матери; а написалъ я эту икону, какъ она мнѣ явилась въ сонномъ видѣніи. И принялъ ее митрополитъ и облобызалъ, и потомъ украсилъ ее золотомъ и каменьями и всегда хранилъ въ кельѣ своей. По кончинѣ его выбрали меня, недостойнаго, митрополитомъ всея Руси, и поѣхалъ я къ патріарху въ Царьградъ на ставленіе. Оказалось, что въ то же время попустилъ Господь, игуменъ Геронтій взялъ отъ того покойнаго владыки утварь святительскую и жезлъ и икону Успенія, и отправился тоже въ Царьградъ къ патріарху, думая обмануть его и получить митрополію всея Руси. Значитъ, сами того не зная, на разныхъ корабляхъ плыли мы къ Царь-

граду. Мнѣ былъ вѣтеръ попутный и плаванье тихое; я пріѣхалъ и былъ посвященъ въ санъ митрополичій патріархомъ, какъ вдругъ пріѣзжаетъ и Геронтій, и какъ вошелъ къ патріарху, такъ и палъ ему въ ноги, и началъ каяться и просить прощенія. И разсказалъ онъ, что какъ плылъ онъ по морю, его постигла жестокая буря и всѣ думали, что ужь погибнутъ. И впалъ онъ, Геронтій, яко бы въ забытье; въ этомъ забытьѣ явилась ему Божія Матерь и сказала: «напрасно трудишься, санъ святительскій достанется не тебѣ». И устрашился онъ, и положилъ, если Богъ его помилуетъ, жизнь оставитъ, то какъ пріѣдетъ въ Царьградъ, во всемъ покается патріарху. И Господь помиловалъ, и вотъ онъ принесъ и похищенную имъ утварь святительскую и жезлъ и икону, да приметъ ихъ тотъ, кому онѣ принадлежатъ по праву. И всѣ мы дивились неизреченному чуду; патріархъ простилъ Геронтія, видя слезы его, и всѣ мы купно прославляли Господа и молили, да не оскудѣетъ промыселъ Его надъ нами. Такъ икона моя опять перешла ко мнѣ, и ее-то хочу я поставить у тебя въ Москвѣ: да приметъ Царица небесная подъ святой покровъ свой твои благія начинанія. Ты же построй, во имя Ея, во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, соборный храмъ, и пророчу тебѣ, что если ты меня во всемъ послушаешь, то и самъ прославишься съ родомъ твоимъ больше другихъ князей, и городъ твой прославится надо всѣми русскими городами; святители послѣ меня будутъ жить въ

немъ; руки его взыйдутъ на плещи враговъ его, и Богъ прославится въ немъ».

Такъ бесѣдовалъ святитель съ княземъ, и послушался его князь Иванъ Даниловичъ. И сталъ онъ скупать какъ можно больше земель отъ сосѣднихъ князей; иные, можетъ быть, и знали его тайную думу объ освобожденіи отъ Татаръ, и сами, умирая, отказывали ему свои владѣнія. Отъ этого при немъ и при сыновьяхъ его московское княжество заняло всѣ земли между Окой и Бѣлымъ озеромъ и Сухоной, всѣ нынѣшнія губерніи Московскую, Ярославскую, Костромскую и части Новгородской и Нижегородской; а средняя Волга, отъ Углича до впаденія въ нее рѣки Ветлуги, вся протекала ужь по московскимъ землямъ. По Волгѣ же, да по Окѣ, шла съ давнихъ временъ вся судовая торговля Россіи изъ-за Новгорода, отъ Балтійскаго моря въ Азію и обратно. Иванъ Даниловичъ устроилъ въ Мологѣ большую ярмонку; а какъ онъ всю землю свою постарался очистить отъ разбойниковъ, и по рѣкамъ учинилъ стражу, чтобъ не грабили товаровъ тамъ проходившихъ, и вездѣ устроилъ правильный судъ, а дѣла свои съ Татарами велъ такъ, что они не показывались въ его владѣніяхъ, и была при немъ на Руси «тишина великая»,—то въ земли его стало переходить много народу изъ другихъ княжествъ; и народъ сталъ богатѣть отъ промысловъ и торговли; а самъ московскій князь сдѣлался черезъ то еще богаче и сильнѣе другихъ князей. И начали переѣзжать

къ нему отъ другихъ князей самые знатные и умные бояре, и дѣлались ему помощниками, и вмѣстѣ съ нимъ стали думать тайную думу, какъ избавиться отъ Орды. И умеръ Иванъ Даниловичъ Калита (въ 1340 г.), а дума его не умерла при сынѣ его Симеонѣ Гордомъ. Симеонъ уже сталъ именоваться великимъ княземъ всея Русіи, и гордо держалъ себя съ князьями и Татарами. Можетъ быть и готовился онъ нанести Ордѣ рѣшительный ударъ, какъ вдругъ, въ 1353 году, пришла въ Россію страшная моровая язва, извѣстная подъ именемъ черной смерти; цѣлыя области опустѣли; въ нѣкоторыхъ городахъ не осталось ни одного человѣка,—и самъ великій князь Симеонъ, во цвѣтѣ лѣтъ и мужества, заразился ею и умеръ. Но, умирая, передалъ престолъ брату Ивану Ивановичу и писалъ ему въ своемъ завѣщаніи: «Слушайся старыхъ бояръ, они отцу нашему и намъ добра всегда хотѣли, слушайся затѣмъ, чтобъ и— *свѣча не погасла*». А что разумѣлъ онъ подъ этою притчей, чтобы свѣча не погасла? А свѣча тутъ значитъ то дѣло, что задумалъ Иванъ Даниловичъ съ митрополитомъ Петромъ, и думу свою вложилъ въ сердце своимъ боярамъ, то есть освобожденіе отъ Татаръ.

«Не погасла свѣча» при двоихъ сыновьяхъ Ивана Даниловича, одинъ за другимъ княжившихъ въ Москвѣ, ни даже при малолѣтнемъ внукѣ его Димитріѣ Ивановичѣ. Димитрій послѣ отца остался младенцемъ: но именемъ его управляли Русью бояре московскіе и главное св. митро-

политъ Алексѣй. Они занимались дѣлами и въ Орду ѣздили; но былъ тогда еще святый мужъ, который, удалясь отъ міра сего, въ глубинѣ лѣса дремучаго, въ тяжкихъ веригахъ передъ Господомъ подвизался, да благословитъ Богъ святое дѣло въ Москвѣ затѣянное, и строгою жизнію своею подавалъ христіанамъ примѣръ, какъ удостоиться милости Господней. И по тропинкамъ къ обители св. Троицы, имъ построенной, частенько пробирались къ нему князья и бояре — укрѣпиться духомъ и посовѣтоваться о дѣлахъ; по всей Руси шла молва о его святой жизни и о чудесахъ, прославившихъ его и при жизни; ученики его разошлись по всѣмъ концамъ Руси, даже до далекой Перми, разнесли славу о его благочестіи и мудрости, и толпы народу валили къ его обители послушать его поученія. Мужъ этотъ былъ св. Сергій, изъ ростовскихъ бояръ. Особеннымъ другомъ его былъ двоюродный братъ великаго князя Димитрія Ивановича, Владиміръ Андреевичъ, который во всей жизни своей поступалъ по его совѣту, даже отказался отъ престола послѣ Димитрія, чтобы престолъ московскій переходилъ въ одномъ семействѣ отъ отца къ сыну, и не было бы смуты и спора за наслѣдство. Къ Троицѣ прорубили потомъ ужь большую дорогу, и со всякимъ важнымъ дѣломъ ѣздили изъ Москвы за совѣтомъ и благословеніемъ къ Сергію; онъ мирилъ враждующихъ, обуздывалъ строптивыхъ и, можно сказать, сіялъ мудростью и святостью на всю Русь, живилъ ее своимъ духомъ и обнималъ ее всю

своимъ умомъ. Никогда на Русской землѣ не проявлялось столько благочестія; никогда, ни прежде, ни послѣ, не построилось столько монастырей, какъ въ это время — отъ Петра митрополита, и при Алексѣѣ. Русь словно постомъ и молитвою готовилась къ чему-то великому. Митрополитъ Алексѣй питалъ великую дружбу къ Сергію, и самъ, при жизни своей, былъ прославленъ многими чудесами, изъ которыхъ самое великое было излеченіе три года болѣвшей глазами ханской жены Тайдулы. Самъ ханъ писалъ къ московскому князю: «Слышалъ я, что у васъ въ Москвѣ есть такой служитель Божій, который о чемъ Бога ни попроситъ, Богъ все даетъ ему. Отпусти его ко мнѣ, и если онъ исцѣлитъ любимую жену мою, то будетъ у меня съ вами миръ; если же не отпустишь, прійду войною...» Смутился св. Алексѣй. «Дѣло это превыше силъ моихъ», говорилъ онъ; но помолился Богу и отправился въ Орду. Тайдула ожидала его съ нетерпѣніемъ, и разъ, когда ужь св. Алексѣй двинулся въ путь, видѣла она во снѣ приближающагося къ ней какого-то мужа, одѣтаго въ такія одежды, въ какія одѣвались русскіе священники, только великолѣпнѣе. Она запомнила эти одежды и велѣла такія изготовить. Пріѣхалъ Алексѣй и сталъ посѣщать болящую и лечить ее, горячо молиться Богу и кропить болящую святой водой. Богъ не оставилъ его молитвы—и жена ханова прозрѣла. Святитель прославилъ чудо Господне, а Тайдула въ благодарность подарила ему изготовленныя ею ризы и перстень, и мѣсто,

принадлежащее ей въ Москвѣ, на которомъ потомъ Алексѣй построилъ обитель въ честь архангела Михаила...

Эти-то святые мужи съ боярами московскими и наставляли юнаго Димитрія, какъ управлять ему государствомъ, и были ему вѣрными помощниками, когда онъ пришелъ уже въ возрастъ.

И вотъ, черезъ сорокъ лѣтъ по смерти Ивана Даниловича Калиты, пришлось въ первый разъ испытать Россіи, готова ли она помѣряться съ Татарами, испытать, много ли накопилось въ ней силы; пришлось провѣрить — такая ли же она, какъ была за полтораста лѣтъ передъ тѣмъ, когда въ первый разъ пришли Татары и порознь разбили ея храбрыхъ князей и храбрыя ихъ дружины. Тутъ передъ глазами всей Россіи пришлось въ первый разъ оцѣнить, правое ли дѣло затѣялъ Иванъ Даниловичъ съ митрополитомъ Петромъ, начавъ подбирать земли Русскія въ однѣ руки... Это испытаніе приключилось по случаю страшнаго нашествія Мамаева съ несмѣтной силой татарской. Теперь разскажу я вамъ, какъ это все было.

Дѣло въ томъ, что по мѣрѣ того, какъ въ Московскомъ княжествѣ силы прибывало оттого, что прибывало порядка, въ Ордѣ ея убывало оттого, что тамъ росъ безпорядокъ. Коли умиралъ какой-нибудь ханъ, тотчасъ начиналась страшная рѣзня; послѣ одного хана, Бербидека, сынъ его, напримѣръ, зарѣзалъ своихъ 12 братьевъ, да и самъ былъ убитъ. Московскіе князья пользовались этими смутами и выторговывали, чтобъ дани платить меньше, а случалось,

что и по три года совсѣмъ не давали дани. Но ко времени Димитрія Ивановича въ Ордѣ появился умный и грозный Мамай и всю Орду забралъ въ свои руки. Послалъ онъ рать на Россію, требуя дани какъ при первыхъ ханахъ; но Димитрій разбилъ эту рать на рѣкѣ Вожѣ. И какъ прибѣжали къ Мамаю разбитые его мурзы, онъ какъ звѣрь разъярился. «Ахъ вы, холопы татарскіе,—кричалъ онъ,—видно забыли времена Батыевы: вотъ я вамъ ихъ напомню! Камня на камнѣ не оставлю, въ конецъ истреблю русскій народъ, чтобъ и слуху объ немъ на землѣ не было». И сталъ онъ собирать большое войско; пригналъ, кромѣ своихъ, и Армянъ, и Черкесовъ, и всякихъ другихъ Азіатовъ, и всѣмъ говорилъ: «Потрудимся немного, а ужь всѣ разбогатѣемъ отъ русскаго золота». Готовился онъ къ войнѣ тихо; въ Москвѣ и не знали, какъ онъ перевалилъ за Волгу, и потомъ за Донъ, и подходилъ уже къ землѣ Рязанской.

Въ нынѣшней Рязанской губерніи тогда былъ свой князь, по имени Олегъ. Княжество его тогда подходило одной стороной къ степямъ донскимъ, откуда и шли Татары; другой стороной подходило оно къ Литвѣ, а рѣкой Окой отдѣлялось отъ княжества Московскаго. Мамай подговорилъ и Литву присоединиться къ нему, чтобъ подѣлить Московское государство. Рязанскій князь, находясь въ серединѣ между тремя силами, не зналъ, что̀ ему дѣлать, чтобы спастись. Онъ послалъ сказать и Мамаю, и Литвѣ, что бу-

детъ на ихъ сторонѣ, да и Димитрія увѣдомилъ, что идетъ на него страшная орда татарская, и что идетъ она тихо, поджидая Литвы.

Извѣстіе это не могло не всполошить Москвы. Но тамъ давно ужь словно ждали чего-нибудь такого: всѣ давно ужь чувствовали, что нѣтъ-нѣтъ, а прійдется разсчитаться съ Ордою, и казалось для того силы ужь понакопилось довольно. Отъ этого великій князь тотчасъ принялъ рѣшеніе—не дожидать Татаръ; напротивъ, положилъ—не пустить ихъ въ свои земли, а скорѣе идти имъ навстрѣчу въ степи и не дать соединиться съ Литвою. И вотъ поскакали гонцы отъ Димитрія и въ Новгородъ, и въ Псковъ, и къ тверскому князю, и къ подручнымъ князьямъ, и по городамъ, и по боярскимъ вотчинамъ, и по всѣмъ деревнямъ, чтобы всѣ, кто годенъ на службу, выходили бы постоять за землю Русскую, за вѣру православную. Тогда еще не было такой арміи, какъ теперь; теперь Государь отдастъ по телеграфу приказъ, и приказъ въ ту же минуту получится въ каждомъ полку, бьютъ тревогу, и полки, готовые, обученные и вооруженные тотчасъ же выступаютъ въ походъ; гдѣ летятъ на подводахъ, гдѣ по желѣзной дорогѣ. Но въ тѣ времена такихъ полковъ солдатскихъ не было. Отъ князей раздавались боярамъ и дворянамъ помѣстья съ тѣмъ, чтобы они изъ крестьянъ и всякихъ людей выбирали молодцовъ, обучали ихъ ратному дѣлу, пріучали ихъ къ оружію и къ пѣшему и къ конному строю; и

какъ получатъ гонца, тотчасъ бы забирали хлѣба и шли бы на сборное мѣсто. И по городамъ былъ такой же урядъ; тамъ сидѣли княжескіе воеводы. Огнестрѣльнаго оружія, ружей и пушекъ, тогда тоже еще не было, а сражались копьями, мечами, саблями, рогатинами, палицами и пускали изъ луковъ стрѣлы. Когда соберутся такимъ образомъ отряды по областямъ, тогда большой бояринъ или подручный князь ведетъ свое войско или въ Москву, или куда великимъ княземъ указано. Тутъ ужь ихъ расписываютъ по полкамъ: кому быть въ большомъ полку, кому въ передовомъ, въ правой или лѣвой рукѣ. Конница отдѣльно, пѣхота отдѣльно. Дорогъ большихъ въ тѣ времена еще было мало и были плохи, а больше все ходили на стругахъ по рѣкамъ, конница шла берегомъ, зимою шли по льду. На сей разъ войску великій князь велѣлъ собираться въ Коломнѣ.

Такъ по слову великаго князя Димитрія Ивановича ударили въ набатъ по всему его государству, возгласили въ церквахъ, что часъ пришелъ, въ онь же Господь даруетъ спасеніе Руси отъ тяжелой неволи татарской; раздался стукъ оружія, потянулись къ Коломнѣ со всѣхъ сторонъ ополченія. Въ Москвѣ, на рѣкѣ—то и дѣло трубили трубы, возвѣщавшія проходъ дружинъ. Подходили на судахъ, подходили и пѣшіе, и конные, благословлялъ ихъ и кропилъ святою водою митрополитъ Кипріанъ, и направлялись они къ Коломнѣ, куда между тѣмъ подходили и другія войска по Окѣ, и сверху, и снизу. Урядивши все съ боярами и

князьями, великій князь передъ отъѣздомъ на войну поѣхалъ благословиться на великій подвигъ къ Сергію: все-таки ему страшно было, чтобы, въ случаѣ неудачи, не потерять того, надъ чѣмъ трудились его отецъ, дядя и дѣдъ. Но Сергій словомъ своимъ утѣшилъ колебанія его души и предрекъ ему побѣду; пригласилъ на трапезу и далъ ему отъ себя двухъ мужей, уже схимы пріявшихъ: Александра Пересвѣта и Андрея Ослабю. Они въ міру были знаменитые витязи; преподобный повелѣлъ имъ снова надѣть бранные доспѣхи и нашилъ кресты на схимы ихъ, сказавъ: «Сіе будетъ вамъ крѣпче всякихъ шеломовъ».

Съѣздивъ къ Сергію, Димитрій простился съ семействомъ своимъ и поѣхалъ въ Коломну, куда уже собралось 150,000 войска. Это было войско только его государства, да подручныхъ ему князей; ни тверской князь, ни Псковъ, ни Новгородъ не прислали ему помощи. Псковичи и Новгородцы отговаривались потомъ, что все равно не поспѣли бы. За то пришли два племянника литовскаго князя съ крѣпкой дружиной полоцкой и брянской; хотя и были они родомъ литвины, но были православные и, кажется, были женаты на русскихъ княжнахъ. 20-го августа Димитрій выступилъ изъ Коломны. Шли Окой до рѣки Лопасны и повернули къ Дону; 6-го сентября подошли къ Дону, а 7-го перешли его и стали близъ рѣчки Непрядвы на отлогихъ высотахъ, откуда открывалось обширное поле Куликово. Несмѣтная рать татарская уже видна была съ дру-

гой стороны поля, гдѣ возвышалась гора: на горѣ стоялъ самъ Мамай. Великій князь ѣздилъ по полкамъ, устраивалъ ихъ, указалъ, гдѣ стоять большому полку, гдѣ сторожевому; а двоюроднаго брата и вѣрнаго друга своего Владиміра Андреевича, князя серпуховскаго, поставилъ скрытно за лѣсомъ въ засадѣ, наказывая ему ударить въ тылъ Татарамъ, когда они начнутъ одолѣвать. Любо было смотрѣть Димитрію на свое воинство. Весело вѣяли знамена; князья, бояре и воеводы стояли при полкахъ своихъ или, устроивая ихъ, носились на лихихъ коняхъ съ золоченой сбруей, на богатыхъ сѣдлахъ, имѣя на головахъ золотые и серебряные шлемы, желѣзныя кольчуги на груди. Ратники, готовясь къ бою, всѣ какъ бы идя къ святому причастію, одѣли бѣлыя рубахи и лучшія одежды: всѣ рады были за Христа и святую Русь испить чашу смертную—и вотъ въ этотъ же часъ подоспѣлъ отъ св. Сергія посланецъ-инокъ и привезъ отъ него Димитрію просвиру и благословеніе войску, склонились знамена, сняли шеломы воины, перекрестились, и шопотъ молитвы побѣжалъ по рядамъ.

Наступила ночь. Воины прилегли на ночлегъ. Ночь эта приходилась на Рождество Богородицы, была тихая, звѣздная; только съ одной стороны неба подымалась мгла, предвѣщавшая на утро туманъ. Великая была эта ночь: много потомъ разсказывалось чуднаго, что̀ подъ покровомъ ея совершилось. Димитрій, удалясь въ шатеръ свой, то молился, то высылалъ сдѣлать какое-нибудь распоряженіе. Ему не

спалось: очень онъ чувствовалъ, что завтрашній день онъ одинъ въ отвѣтѣ за судьбы Россіи... Не спалось и многимъ ратнымъ людямъ и военачальникамъ. Былъ между прочими у Димитрія знаменитый бояринъ, пришелъ онъ къ нему изъ южной Руси съ Волыни, именемъ Боброкъ. Ночью онъ поѣхалъ по рядамъ, а въ полночь заѣхалъ къ великому князю, видя у него свѣтъ. Боброкъ понималъ его безпокойство и хотѣлъ сообщить ему свои кой-какія добрыя примѣты о завтрашнемъ днѣ. Онъ пригласилъ князя сѣсть на коня и поѣхать съ нимъ. Сѣли они на коней, выѣхали изъ лагеря и поскакали по полю Куликову: на серединѣ между русскихъ и татарскихъ полковъ Боброкъ остановился. «Слушай, и скажи, что ты услышишь на татарской сторонѣ», сказалъ онъ князю. Прислушался великій князь и отвѣчалъ: «Слышу стукъ и кликъ, словно базаръ идетъ; слышу еще, словно волки воютъ и птицы летаютъ, вороны каркаютъ и орлы клегчутъ». — «Послушай теперь на русскую сторону», сказалъ Боброкъ. Димитрій послушалъ и сказалъ: «Тишина великая, только отъ огней словно зарево». — «Знаменья добрыя, объяснилъ Боброкъ; вотъ что это значитъ: что волки воютъ и птицы степныя въ непривычную пору всполошились: значитъ чуютъ добычу, быть великому побоищу. Шумъ со стороны Татаръ — значитъ нестроеніе, тишина съ нашей стороны—порядокъ и благодать Божія въ сердцахъ людей, а гдѣ благодать Божія, тамъ и побѣда... Есть у меня и другія примѣты, и по нимъ

выходитъ, что будетъ тебѣ на врага одолѣніе, но много падетъ воинства христіанскаго...»

Разъѣхались они по своимъ шатрамъ; воины спали въ полѣ. Иноки Сергіевы, подъ открытымъ небомъ, всю ночь стояли на молитвѣ надъ спящимъ лагеремъ. Но не всѣмъ воинамъ спалось. Съ нѣкоторыми приключилось нѣчто такое, что они, потолковавъ съ товарищами, рѣшили прямо пойти къ великому князю и объявить ему. И докладываютъ Димитрію, что трое ратниковъ пришли къ нему за очень важнымъ дѣломъ, и велѣлъ ихъ допустить великій князь. И сталъ одинъ разсказывать: «Меня зовутъ Ѳома Коцюгей; стоялъ я въ сторожевыхъ противъ татарскаго стана, и было мнѣ видѣнье: отъ восточной стороны, вижу я, идетъ словно воинство великое; вдругъ на это воинство съ полуденной стороны идутъ два свѣтлые юноши, въ доспѣхахъ воинскихъ и съ мечами; и начали они воинство это рубить и словно восклицали: Кто вамъ велѣлъ погубляти отечество наше? И кого изрубили, а прочихъ отогнали».—«А мы,— сталъ разсказывать другой, — прилегли было; и вдругъ я взглянулъ на небо и вижу, что въ воздухѣ, со стороны степи, идетъ словно великое множество черныхъ эѳіоповъ, на коняхъ и на колесницахъ, и вдругъ появился словно въ святительскихъ ризахъ мужъ съ огненнымъ жезломъ въ рукѣ, и тоже словно воскликнулъ: «Почто пришли вы погублять стадо мое», и устремился на нихъ съ жезломъ своимъ—и всѣхъ ихъ разогналъ. Я толкнулъ товарища, онъ

тоже увидалъ и сказалъ мнѣ: Это никто иной, какъ угодникъ Божій святый Петръ митрополитъ. И оба мы испугались, и пока толковали, подходитъ къ намъ Ѳома Коцюгей и разсказалъ, что ему привидѣлось. Мы и положили о такомъ дѣлѣ прямо пойти и доложить тебѣ». И выслушалъ ихъ великій князь, перекрестился и сказалъ: «Пращуру моему св. Александру Невскому помогли побѣдить шведскую рать святые угодники Божіи, убіенные нечестивымъ Святополкомъ, благовѣрные князья святые Борисъ и Глѣбъ; не они ли подвиглись и нынѣ намъ на спасеніе? А святый Петръ митрополитъ неусыпно молится за Русь передъ престоломъ Всевышняго. Помолимся и мы имъ, братья, чтобы помогли они намъ въ сей великій день. Ступайте теперь съ Богомъ, отдохните и никому не разсказывайте, что̀ видѣли».

Прошла таинственная ночь. Жаркая утренняя молитва укрѣпила духъ воиновъ; всѣ стали по своимъ мѣстамъ. Но густой осенній туманъ покрывалъ поле. Димитрій взъѣзжалъ на холмы, но тщетно сквозь туманъ старался оглядѣть войско свое и поле, гдѣ должна была рѣшиться судьба дня. Въ девятомъ часу утра потянулъ наконецъ вѣтерокъ, проглянуло солнце, и сквозь уносящійся клубами туманъ открылось Димитрію на далекое пространство сверкающее оружіемъ, въ порядкѣ, съ распущенными знаменами стоящее, его воинство. Туманъ совсѣмъ разсѣялся, и увидѣлъ великій князь, что съ противоположной стороны на горѣ стоитъ высокій шатеръ Мамаевъ. Словно чудовищная птица

подняла свою голову и смотритъ на русскую рать и широко развернула свои темныя крылья: это была рать татарская, которая, какъ тѣнь отъ тучи, подвигалась на полѣ Куликовомъ на русское войско. Казалось Димитрію, что полкамъ татарскимъ и конца нѣтъ, и что они вдвое многочисленнѣе русскихъ... Двинулись и наши; обѣ рати начали становиться одна противъ другой. Великій князь ѣздилъ по полкамъ, увѣщевалъ воиновъ постоять за землю Русскую, за вѣру православную. «Памятуйте, братцы, говорилъ онъ, — теперь вся Русь за насъ молится; святые угодники и чудотворцы россійскіе надъ нами бодрствуютъ, а преподобный Сергій прислалъ намъ вчера же предреченіе побѣды»... Ужь нѣсколько коней притомилъ онъ и пересаживался на свѣжаго. Онъ былъ высокаго роста, тученъ тѣломъ, лицо имѣлъ открытое, черные волосы и окладистую черную бороду. Наконецъ, подъѣхалъ онъ къ ставкѣ своей, гдѣ стояло большое великокняжеское черное знамя, и стали бояре и воеводы уговаривать его остаться тутъ въ безопасномъ мѣстѣ, за густыми рядами войска. «Нѣтъ, отвѣчалъ Димитрій,—я хочу быть впереди, а если вы опасаетесь, что войско, не видя меня подъ чернымъ знаменемъ, усумнится, то пусть одѣнетъ кто-нибудь изъ васъ мои великокняжескія одежды и станетъ въ серединѣ полковъ, подъ моимъ чернымъ знаменемъ: пускай войска и принимаютъ его за меня; меня же не удерживайте; на мнѣ былъ починъ, мнѣ и отвѣтъ за все дѣло. Мнѣ и биться въ не-

редовыхъ». И вызвалъ онъ своего любимаго боярина Бренка и сказалъ ему: «Ты, Бренокъ, всегда твердъ и спокоенъ; я же горячъ; ты пожалуй и лучше меня съумѣешь распорядиться, когда пойдетъ свалка». И надѣлъ онъ на Бренка, своего боярина, свои одежды, а самъ, переодѣвшись простымъ воиномъ, въ желѣзномъ шлемѣ, въ кованыхъ латахъ, отправился въ передовую дружину.

Войска между тѣмъ стояли ужь близко другъ противъ друга. Изъ татарскихъ полковъ выѣхалъ огромнаго роста богатырь, широкій въ плечахъ и свирѣпаго вида; ѣздилъ онъ и насмѣхался надъ русскими полками, вызывая на единоборство охотниковъ и глумясь, что никто не осмѣливался. И увидалъ его Сергіевъ инокъ Пересвѣтъ. «Не смущайтесь, братцы, — крикнулъ онъ своимъ — великъ Богъ нашъ и велика крѣпость Его! Перевѣдаюсь-ко я съ нечестивцемъ», сказалъ онъ, и понесся на него на конѣ своемъ, — самъ тоже высокаго роста, въ желѣзныхъ доспѣхахъ, имѣя на шлемѣ своемъ черную схиму съ нашитымъ на ней рукою святаго Сергія бѣлымъ крестомъ. Разъѣхались они на коняхъ, и потомъ понеслись другъ на друга: ударъ былъ такъ силенъ, что оба пали мертвые, а равно и кони ихъ.

Тогда Димитрій сказалъ: «Сіе мѣсто буди намъ гробъ за имя Христово и за вѣру христіанскую—впередъ!» И полки наши бросились на Татаръ, и заволновалось все поле Куликово; и густая пыль поднялась надъ всѣмъ полемъ и скрыла то страшное, что на немъ происходило...

Двоюродный братъ Димитріевъ Владиміръ Андреевичъ да воевода Боброкъ, тотъ самый, что ночью пріѣхалъ къ великому князю, стояли въ засадѣ въ скрытомъ мѣстѣ за лѣсомъ и смотрѣли на битву; пыль закрывала передъ ними поле и не позволяла видѣть, кто одолѣваетъ; слышали только отдаленный гулъ сѣчи, словно реветъ невидимое море, стонъ стоитъ въ воздухѣ, а земля гудитъ. Жутко имъ было. Прошелъ второй и третій часъ; стало Владиміру примѣтно, что татарская сила словно все впередъ подается, и бой все углубляется въ нашу сторону. «Что же, братъ, по пусту стоимъ мы, сказалъ наконецъ Владиміръ Боброку; пожалуй, намъ и помогать будетъ некому, какъ всѣ наши полягутъ мертвые». Въ это время потянулъ имъ въ лицо вѣтеръ съ поля битвы и понесъ густую пыль имъ въ глаза. «Погоди еще», отвѣчалъ Боброкъ. Не хотѣлъ онъ ударить, потому что изъ-за пыли нельзя бы вѣрно разсмотрѣть, гдѣ наши, гдѣ Татары. Пожалуй бы ринулись на удачу, наткнулись бы на своихъ. Но вотъ, въ три часа вѣтеръ подулъ въ тылъ нашей засадѣ и попріоткрылъ передъ Владиміромъ и Боброкомъ завѣсу пыли. Глянулъ Боброкъ и кликнулъ: «Ну, князь, теперь насталъ часъ! Съ Богомъ теперь, братцы!» и съ крикомъ весь отрядъ кинулся въ свалку.

Татары—къ тому часу почти совсѣмъ ужь одолѣли нашу рать, и вдругъ увидѣвъ свѣжіе полки, выходящіе изъ-за лѣсу и съ горъ на нихъ несущіеся, подумали, что «вотъ оно главное-то войско русское! дали намъ Русскіе поутомиться,

а сами лучшихъ князей и воеводъ спрятали да берегли, и теперь выпускаютъ на насъ, когда ужь мы устали, когда кони наши и руки наши уже оцѣпенѣли, и оружіе иступилось»... И стали они кидать мечи и копья, и побѣжали назадъ. Ободрились наши и присоединились къ Владимірову отряду, налегли на Татаръ, и давай рубить бѣгущихъ. Увидѣлъ съ возвышенія Мамай, что дрогнули силы его, и что въ полѣ Куликовомъ словно волна назадъ отхлынула и быстро-быстро на него самого несется, самъ поскорѣй сѣлъ на коня, и шатеръ свой бросилъ, и побѣжалъ. Князь Владиміръ съ Боброкомъ, со всѣми своими полками скачутъ и бьютъ, и рубятъ; встрѣтилась рѣка Меча, бросились Татары вплавь, и многое множество ихъ потонуло отъ страха великаго и русскихъ мечей.

Тутъ на рѣкѣ Мечѣ остановили коней своихъ Владиміръ и Боброкъ и повернули полки назадъ; видѣли, что сила татарская яко снѣгъ растаяла, яко дымъ разсѣялась, захотѣли посмотрѣть, что сталось съ главнымъ войскомъ русскимъ. Направились они къ ставкѣ великокняжеской; ѣхали по трупамъ: на десять верстъ лежали мертвые и раненые. Сперва встрѣчались все тѣла татарскія, потомъ татарскія и русскія; что дальше, то гуще — гдѣ рядами, словно сѣно скошенное, гдѣ кучами, какъ копны, и конскіе и человѣческіе трупы; смѣшались тѣла христіанскія съ тѣлами татарскими, и кровь христіанская смѣшалась съ татарскою. Испуганные кони безъ всадниковъ носились по полю; сте-

нали раненые и молили о помощи. Видно, что тѣсно было поле Куликово, и негдѣ было развернуться обоимъ воинствамъ, рубились и рѣзались зло, въ тѣснотѣ и давкѣ. Пробрался наконецъ Владиміръ со своей дружиной къ ставкѣ великокняжеской; тутъ, видно, бой былъ упорный: черное знамя лежало подрублено, подъ нимъ изрубленный же въ великокняжескихъ доспѣхахъ лежитъ бояринъ Бренокъ. А самого великаго князя нѣтъ нигдѣ. Сталъ Владиміръ «на костяхъ», и приказалъ трубить въ трубы. Громко раздались трубы въ умолкшемъ полѣ Куликовомъ, и стали со всѣхъ сторонъ подходить оставшіеся въ живыхъ ратники, и кучками, и по одиночкѣ, и цѣлые, и раненые, кто могъ ходить. Но великаго князя не было. Стали разспрашивать воиновъ: одни говорили, что видѣли, какъ подъ нимъ былъ убитъ конь, и онъ садился на другого; кто говорилъ, что это онъ пересаживался ужь на третьяго коня; иной сказывалъ, что видѣлъ его раненаго въ трупахъ; другой говорилъ: «Я видѣлъ, какъ на него напало четверо Татаръ, онъ бился, и побѣжалъ. Я бросился къ нему на помощь, да на самого меня наскочило трое Татаръ». Приказалъ Владиміръ вездѣ искать его, и самъ поѣхалъ. И вотъ два костромича, Ѳедоръ Морозовъ да Ѳедоръ же Хлоповъ, нашли его при опушкѣ лѣса лежащимъ подъ только-что срубленнымъ деревомъ. Латы его всѣ были изсѣчены, избиты и измяты, весь онъ былъ кровью обрызганъ, но самъ еще живъ, только въ безпамятствѣ: видно нашли его въ полѣ въ безчувствіи ка-

кіе-нибудь воины, приняли за убитаго, и по обычаю, до сихъ поръ сохраняющемуся, срубили дерево и прикрыли князя его вѣтвями. И должно быть сами спасители его потомъ убиты были, потому что никто не могъ разсказать, какъ Димитрій въ обморокѣ могъ очутиться подъ прикрытіемъ: но не разъ, должно быть, Димитрій молился потомъ за своихъ безвѣстныхъ спасителей.

Окликнулъ Владиміръ и привелъ въ чувство Димитрія, своего возлюбленнаго двоюроднаго брата: «Братъ милый! на насъ милость Господня, мы побѣдили!» — «Кто говоритъ мнѣ?» томнымъ голосомъ спросилъ Димитрій, и очнувшись увидѣлъ радостныя лица воиновъ, поднялся на ноги, обнялъ брата и возблагодарилъ Господа за побѣду. Ранъ на немъ не оказалось; должно быть онъ былъ ошеломленъ сильнымъ ударомъ въ голову. И поѣхалъ обозрѣвать поле Куликово и отыскивать, нѣтъ ли еще живыхъ между мертвыми. Нашли тѣло Пересвѣта подлѣ богатыря татарскаго; нашли восемь князей бѣлозерскихъ; всѣ лежали убитые другъ подлѣ друга... и много другихъ князей и бояръ, и когда стали считать живыхъ, изъ всего войска насчитали только 40,000. Поплакавъ надъ павшими, великій князь сказалъ живымъ: «Господа и отцы, и братья, и чада мои! Благодарю васъ ото всей земли, что столько потрудились и славно послужили ей. Если дастъ Богъ мнѣ быть на моей отчизнѣ на великомъ княженьѣ, на Москвѣ, всѣхъ одарю васъ и пожалую. А теперь похоронимте братьевъ нашихъ,

пріявшихъ на полѣ семъ вѣнцы мученическіе». И простоялъ Димитрій тамъ на полѣ Куликовомъ еще восемь дней, пока разбирали тѣла убитыхъ. И отслуживъ наконецъ по всѣмъ панихиду, поднялся онъ домой, въ Москву. Въ Коломнѣ епископъ, духовенство, всѣ люди встрѣтили его съ крестами и иконами; по дорогѣ вездѣ высыпалъ ему на встрѣчу народъ и со слезами называлъ его спасителемъ земли Русской; въ Москвѣ такая же встрѣча ожидала его и брата его Владиміра Андреевича, и все воинство: со всѣхъ церквей ударили колокола, далеко за городъ вышли митрополитъ Кипріанъ со всѣмъ св. соборомъ, семейства княжескія, народъ, жены и дѣти... Митрополиту Алексѣю не суждено было видѣть этого торжества, къ пріуготовленію котораго много потрудился и онъ: онъ преставился въ 1378 г., за два года до нашествія Мамая, въ глубокой старости, 78 лѣтъ, пробывъ 24 года на митрополичьей каѳедрѣ. Уже чувствуя приближеніе кончины, онъ отслужилъ литургію, причастился святыхъ даровъ, о великомъ князѣ, о великихъ князьяхъ и боярахъ, о воинствѣ и всѣхъ православныхъ христіанахъ помолился, далъ всѣмъ послѣднее цѣлованіе и—угасъ. Вступивъ въ Москву, Димитрій прямо направился въ Успенскій соборъ поклониться иконѣ Успенія Божіей Матери, писанной митрополитомъ Петромъ, и гробамъ святителей Петра и Алексѣя. Потомъ тотчасъ поѣхалъ къ Сергію и одарилъ монастырь вотчинами, и, возвратясь въ Москву, задалъ пиръ всѣмъ своимъ сподвижникамъ. Веселіе было вели-

кое. Всѣславили Бога и Димитрія Ивановича, и, приравнивая его къ Александру Невскому, назвали его Донскимъ, какъ того Невскимъ, а брата его, Владиміра Андреевича—Храбрымъ. Такъ за ними эти прозвища и остались на послѣдующія времена. Такое же пированіе пошло и по всему Московскому государству: вездѣ чествовали возвратившихся въ живыхъ ратниковъ, какъ побѣдителей. Плакали по убіеннымъ, но утѣшались тѣмъ, что всѣ они приняли вѣнцы мученическіе. Одинъ ратникъ разсказывалъ, что онъ во время битвы, когда Татары ломили главныя силы наши, впалъ якобы въ изступленіе, и видѣлъ безчисленное множество вѣнцовъ съ неба сходящихъ на убіенныхъ христіанъ. И было тогда установлено на вѣчныя времена праздновать память сложившихъ животъ свой на Куликовомъ полѣ, въ Дмитровскую субботу. Очнулась Русская земля, и высоко поднялъ голову народъ по всей державѣ Московскаго великаго княжества, впервые ощутивъ свою силу и почуявъ на себѣ благословеніе Божіе.

Но съ пораженіемъ Мамая еще не кончились наши бѣды отъ Татаръ. Азія не вдругъ согласилась выпустить изъ рукъ своихъ Русь. И сама-то Русь еще не вошла во всю свою силу: въ роковую годину—Рязань ей измѣнила, Тверь, Псковъ и Новгородъ не прислали помощи. Азія еще разъ при Донскомъ, да два раза при сынѣ его высылала изъвнутри себя страшныя орды, страшныхъ завоевателей: Тохтамыша, Эдигея и Тамерлана, изъ коихъ первые двое под-

ходили подъ самую Москву и жгли ее; Тамерланъ же подходилъ только къ Рязанской землѣ, и повернулъ назадъ, устрашенный, какъ говорятъ наши лѣтописи, видѣніемъ. Это было уже при сынѣ Димитрія Донскаго. Вдругъ пришла вѣсть, что идетъ на насъ свирѣпый завоеватель, что ужь онъ покорилъ чуть не всю Азію, сокрушилъ турецкаго султана Баязета и возитъ его вездѣ съ собою въ желѣзной клѣткѣ; и что идетъ онъ на насъ въ страшныхъ силахъ, со всѣми покоренными имъ народами... Переполохъ былъ великій; войско не собрано; оставалось только прибѣгнуть къ помощи небесной, — и послали во Владиміръ перенести въ Москву икону Владимірской Божіей Матери. И въ лѣтописяхъ нашихъ записано, что въ ночь на вшествіе ея въ Москву, Тамерланъ, стоявшій тогда въ Ельцѣ, увидѣлъ сонъ: видѣлъ онъ великую гору, и шли съ горы святители и грозили ему златыми жезлами своими, а надъ ними въ воздухѣ, въ сіяніи, стоитъ благолѣпная жена въ багряныхъ ризахъ и тоже гнѣвно грозитъ ему... И поутру страшный завоеватель, до сихъ поръ не вѣдавшій преградъ въ пути своемъ, — повернулъ назадъ отъ предѣловъ россійскихъ въ степи. Окончательно избавились мы отъ грозы татарской только при правнукѣ Димитрія Донскаго, Иванѣ III Васильевичѣ, но при немъ уже почти вся Русская земля на сѣверѣ была собрана подъ его руку — и Тверь, и Новгородъ, да скоро потомъ и Псковъ, и Рязань.

РАЗСКАЗЪ ВТОРОЙ.

(Начало восточнаго вопроса).

I. Взятіе Турками Константинополя.—II. Москва—Третій Римъ.—III. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный: Покореніе мусульманскихъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго.—Завоеваніе Сибири.

I.

Взятіе Турками Константинополя.

Изстари, какъ только крестилась Русская земля, у насъ тотчасъ установились самыя дружескія сношенія со всѣми православными царствами — съ царствомъ Болгарскимъ, Сербскимъ, и особенно съ царствомъ Греческимъ. Болгары и Сербы — того же славянскаго племени, какъ и Русскіе; языкъ ихъ и теперь мало чѣмъ отличенъ отъ нашего церковнаго. Они крестились за сто лѣтъ прежде Руси, а потому у нихъ много священныхъ и историческихъ книгъ давно ужь переложено на славянскій языкъ — и книги эти переходили и къ намъ. Изъ этихъ же Болгаръ и Сербовъ были поставлены первые наши священники, да и потомъ ихъ всегда много приходило на Русь, и многіе изъ нихъ выбирались у насъ и въ митрополиты. На Руси всегда знали, что̀ въ тѣхъ земляхъ дѣлается; тамошнія событія всегда записывались въ наши лѣтописи рядомъ съ нашими и греческими, и читались и заучивались грамотными людьми.

Словомъ сказать, эти народы жили съ нами въ самой тѣсной связи, а церкви ихъ, т. е. церковь болгарская, сербская, да еще волошская (въ нынѣшней Молдавіи и Валахіи) и наша, всѣ православныя, были между собою какъ сестры, — процвѣтшія подъ сѣнью общей матери своей — церкви константинопольской.

Константинополь же, или иначе Царьградъ, былъ для всего Востока какъ бы великою столицею, откуда исходилъ свѣтъ всякой премудрости и въ дѣлахъ вѣры, и во всякой наукѣ. Онъ у всѣхъ считался священнымъ городомъ, потому что и заложенъ-то былъ своимъ строителемъ, римскимъ императоромъ Константиномъ Великимъ, на освященной землѣ, въ знаменье окончательной побѣды христіанства надъ древнимъ язычествомъ. До Константина Великаго римскіе императоры, еще язычники, жили въ Римѣ, въ Италіи, и это считается первый Римъ. Разсказываютъ, что когда Константинъ Великій крестился, то во снѣ онъ слышалъ гласъ, дабы построилъ онъ новый Римъ, на мѣстѣ близъ древняго городка Византіи. Мѣсто это было прекраснѣйшее, на семи холмахъ; тамъ росли высокіе кипарисы и круглый годъ цвѣли розаны; небо всегда ясное, воздухъ теплый; а выходило это мѣсто на проходъ изъ Мраморнаго моря въ Черное, такъ что къ нему со всѣхъ сторонъ могли приходить корабли. Константинъ Великій заложилъ стѣны съ башнями, рвами и воротами, построилъ дворцы и храмы Божіи, приглашалъ и вельможъ своихъ строить чудныя палаты, — и

въ короткое время, на семъ прекраснѣйшемъ, благословенномъ мѣстѣ, выстроился великолѣпный городъ, куда собраны были рѣдкости и диковинки со всего свѣта, особенно же предметы священные для христіанъ. Во храмы свезены были и хранились Нерукотворенный ликъ Спасителя на полотенцѣ, поясъ и ризы Богоматери, и части отъ древа Креста Господня, найденнаго въ Іерусалимѣ матерью Константина Великаго св. царицею Еленою, и столбъ, къ которому привязанъ былъ Господь Іисусъ Христосъ, когда біенъ былъ, и всякія орудія, которыми мучимы были первые исповѣдники Христовы, и цѣпи, коими прикованы были въ темницахъ, и одръ желѣзный, на коемъ были сожигаемы. Въ теченіе времени наполнились храмы многими чудными иконами, мощами и гробницами святыхъ мужей и самого царя Константина и матери его Елены, Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Аѳанасія Великаго и другихъ. Благочестивые странники всякаго языка и племени стремились въ Константиновъ градъ, и цѣлыя недѣли проводили въ осмотрѣ богатствъ, святынь и чудесъ его, и въ изумленіи прозвали его Царьградомъ. Русскихъ много всегда туда пріѣзжало и приходило — и по торговымъ дѣламъ, и по посольскимъ, и особенно по благочестію. Многіе Русскіе тамъ и жили, многіе постригались въ греческихъ монастыряхъ для прохожденія суроваго житья тамошнихъ монаховъ, особенно на Святой Горѣ Аѳонской, не подалеку онъ Константинополя; у Русскихъ тамъ былъ, и теперь есть, свой рус-

скій монастырь Св. Пантелеймона, и содержался на приношенія изъ Руси. Не помня себя отъ изумленія, обходили наши путники зданія города; дивились красотѣ его постройки и мѣста, выходящаго на два моря; дивились пышности и блеску царскаго двора; присутствовали при духовныхъ и придворныхъ церемоніяхъ; на церемоніяхъ этихъ видали императора во всемъ его царскомъ облаченіи и взирали на него какъ на первѣйшаго во всемъ мірѣ человѣка, Богоизбраннаго поборника и защитника Святой церкви. Они свободно допускаемы были къ Патріарху и. принявъ его благословеніе, выходили отъ него, славя его ласковое вниманіе къ нимъ, простымъ людямъ. Но болѣе всего ихъ приводилъ въ радостный священный трепетъ — храмъ Св. Софіи Премудрости Божіей, о которомъ еще посланные великимъ княземъ Владиміромъ бояре говорили, что, «когда они стояли въ немъ, то не знали, на землѣ или на небѣ они находятся, и что тамъ Богъ явно съ людьми пребываетъ». Таковъ вышелъ этотъ новый городъ, сіявшій мраморомъ и золотомъ, построенный Константиномъ Великимъ, называемый Новымъ Римомъ, или Вторымъ Римомъ, или по имени строителя — Константинополемъ, т. е. Константиновымъ градомъ, или по красотѣ и святости его — Царьградомъ, или наконецъ отъ прежде бывшаго около него мѣста — Византіей. Таковъ онъ былъ, что люди словно не находили ему довольно звучнаго и достойнаго имени, и надавали ему нѣсколько именъ, одно красивѣе другого.

И вотъ, въ теченіе времени, все хуже и хуже стали приходить въ Москву вѣсти изъ Греческой земли, и изъ Сербской, и изъ Волошской — вѣсти о томъ, что ихъ все болѣе и болѣе тѣснятъ Турки. Вдругъ въ 1382 году пришло извѣстіе, пріѣхали и съ плачемъ разсказывали въ Москвѣ сербскіе люди, что царству ихъ пришла конечная гибель; что славный царь сербскій Лазарь поднялся всею землею на Турокъ, и былъ разбитъ турецкимъ султаномъ Амуратомъ. Оба воинства сошлись на равнинѣ, называемой Коссово поле. У царя Лазаря былъ храбрый воевода, именемъ Милошъ, лѣтами еще младъ, но уже столь знаменитъ и славенъ, что стали завидовать многіе царедворцы, старые воеводы. Они — наканунѣ самой битвы и шепнули царю Лазарю за ужиномъ, что Милошъ хочетъ предаться Туркамъ. Слухъ дошелъ до Милоша, и вотъ на что онъ рѣшился: ночью ушелъ онъ изъ своего стана, прошелъ въ турецкій лагерь, и сказалъ, что онъ славный воевода Милошъ, и что желаетъ измѣнить своему царю и служить турецкому султану, а для того, молъ, хочетъ его видѣть. Рано утромъ его провели къ Амурату. Оба войска уже стояли другъ противъ друга, и готовы были броситься въ бой. Милошъ, допущенный передъ очи султана, объявилъ, что имѣетъ нѣчто сообщить ему тайно. Султанъ велѣлъ всѣмъ отойти. Тогда Милошъ вдругъ обнажилъ свой мечъ, и вонзилъ его прямо въ сердце султана. Видя это, Турки тотчасъ изрубили въ куски безстрашнаго слугу царя Лазаря. Но кровь

его не принесла пользы Сербамъ. Турки тотчасъ провозгласили султаномъ Амуратова сына Баязета, и одолѣли Сербовъ. Царь Лазарь былъ убитъ; почти все войско его пало; царство Сербское покорено Турками, а на Коссовомъ полѣ они сложили изъ срубленныхъ головъ сербскихъ высокій столбъ.

За симъ пришла вѣсть о такомъ же паденіи и разрушеніи царства Болгарскаго.

Потомъ пошли извѣстія, что то тотъ, то другой султанъ подступалъ къ самому Царьграду, и что императоръ съ трудомъ отъ нихъ отбивается. Потомъ пришло въ Москву приглашеніе отъ папы римскаго, на соборъ для соединенія Церквей Восточной и Западной, съ обѣщаніемъ, что если это соединеніе воспослѣдуетъ, то папа двинетъ всѣхъ европейскихъ королей противъ Турокъ. Отъ насъ поѣхалъ митрополитъ Исидоръ, родомъ Грекъ, и ему данъ былъ наказъ не подписывать на соборѣ ничего противнаго православію. Соборъ состоялся въ городѣ Флоренціи, въ Италіи. Многіе Греки согласились признать верховенство папы надъ вселенской Церковью. Вернулся въ Москву митрополитъ Исидоръ, сталъ служить обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, возвѣстилъ торжественно, что отнынѣ рушилось средостѣніе между двумя Церквами,—что отнынѣ только въ христіанствѣ стало едино стадо и единъ пастырь; а кто же этотъ пастырь — оказалось, когда Исидоръ вдругъ началъ вмѣсто вселенскихъ патріарховъ на эктеньѣ поминать римскаго папу. Государемъ въ Москвѣ былъ въ то время внукъ Ди-

митрія Донскаго, Василій Васильевичъ Темный; онъ былъ въ то время слѣпъ,—но одинъ замѣтилъ Исидорову новость и указалъ духовенству. Всѣ ужаснулись. Оказалось, что Исидоръ на соборѣ подписалъ соединеніе Церквей совсѣмъ въ томъ смыслѣ, какъ хотѣли папы. Великій князь назвалъ его не пастыремъ, а волкомъ, велѣлъ посадить подъ стражу въ Чудовъ монастырь, созвать свой соборъ и судить отступника. Исидоръ однако бѣжалъ изъ тюрьмы. Въ Константинополѣ тоже вышла смута изъ-за Флорентійскаго собора. Пріѣхали туда епископы, подписавшіе соединеніе. Народъ встрѣтилъ ихъ крикомъ: «вѣру продали!» Сдѣлался бунтъ. Собранъ былъ соборъ — и проклялъ измѣнниковъ.

Таково было колебаніе и потрясеніе въ Цареградской Церкви и во всемъ Греческомъ царствѣ, со всѣхъ сторонъ тѣснимомъ Турками. Наконецъ въ 1453 году по Р. Х., т. е. слишкомъ за 400 лѣтъ до нашего времени, разнеслась по всему восточному православному христіанству страшная вѣсть, что Царьградъ взятъ Турками,—что султанъ турецкій Магометъ II сѣлъ на престолѣ греческихъ императоровъ, — что храмы Константинопольскіе (самый храмъ Св. Софіи) обращены въ мусульманскія мечети. Вѣсть эта приводила всѣхъ въ оцѣпенѣніе. Куда теперь обратить очи? Гдѣ тотъ свѣтъ истинной вѣры, который сіялъ столько вѣковъ въ Царьградѣ на поученіе и радость вселенной — и на обличеніе и посрамленіе враговъ Церкви? Что же теперь будетъ въ христіанствѣ, когда поплѣнена и поругана

та Церковь, которая премудростью своихъ великихъ учителей — Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Василія Великаго и многихъ другихъ, — просвѣщала всѣ другія православныя церкви и была живой хранительницей святыхъ апостольскихъ преданій? Плакали люди въ пустыняхъ, плакали во храмахъ, когда пастыри объявили прихожанамъ о страшномъ событіи. Расходились по домамъ люди и толковали, что это не начало ли свѣтопреставленія? И словно стадо разсѣянное пошли скитальцами Греки во всѣ земли, по всему міру, и вездѣ около нихъ сбирались люди, и всѣмъ они разсказывали жалостную повѣсть о взятіи Царьграда, и всѣ ихъ слушали съ воздыханіемъ и слезами. Многое множество этихъ Грековъ, а съ ними и Болгаръ и Сербовъ, потянулось къ Москвѣ — и изъ Москвы по русскимъ городамъ и обителямъ; вездѣ былъ имъ братскій пріемъ и посильная милостыня. Страданія ихъ Церкви и жалкая судьба ихъ царствъ, родственныхъ нашему, придавали въ глазахъ русскихъ людей особую святость этимъ путникамъ: многіе изъ нихъ были въ своей странѣ великіе стратиги, философы и имѣли высокій духовный санъ, и всего лишились и едва жизнь спасли, и теперь питаются только подаяніемъ, а многое множество ихъ братій влачитъ дни свои въ неволѣ. Всѣ эти бѣдствія были понятнѣе на Руси, чѣмъ гдѣ-либо, потому что всѣ эти изгнанники одной съ нами вѣры — и потому еще, что въ рѣдкомъ русскомъ-то семействѣ не оплакивали кого-нибудь изъ своихъ близкихъ, томящагося

или умершаго въ неволѣ у татарскихъ хищниковъ; многіе и сами были выкуплены изъ рабства на обильныя приношенія, которыя собирались со всей Руси на выкупъ ордынскихъ плѣнниковъ. Самимъ на Руси было памятно, какъ Татары брали русскіе города, — какъ народъ и князья его сражалися и умирали въ бою съ невѣрными, — и всѣ разспрашивали у Грековъ, какъ же у нихъ все это сдѣлалось?

И Греки разсказывали:

«У нашего императора Константина Палеолога было всего 8,000 воиновъ; съ ними онъ заперся въ Царьградѣ, и пять мѣсяцевъ бился противъ 280,000 арміи султана. Надо вамъ знать, что городъ съ сухопутной стороны обведенъ высокими стѣнами съ башнями, а съ моря входъ въ его гавань запирался желѣзною цѣпью. Султанъ вдоль всѣхъ стѣнъ построилъ батареи и непрестанно, и днемъ и ночью, палилъ въ городъ каменными ядрами; только все, что онъ днемъ разобьетъ стѣнъ, то Греки успѣютъ ночью исправить. Палитъ онъ, да вдругъ какъ ударитъ во всемъ лагерѣ въ бубны да въ барабаны, засвистятъ въ зурны и флейты, и съ кликомъ и воемъ, съ огнями и лѣстницами бросятся Турки на приступъ—и тутъ ужь Богъ знаетъ что̀ дѣлается: съ высокихъ мѣстъ смотришь и видишь только, что пороховой дымъ какъ пелена лежитъ надъ стѣнами и городомъ, и въ этомъ дыму слышны только стукъ и трескъ оружія, крики воиновъ, плачъ и рыданіе женъ и дѣтей,—и съ турецкой стороны — зурны, флейты и барабаны, а съ грече-

ской, изъ города, звонъ колоколовъ съ церквей, гдѣ не прерывалась божественная служба. Богъ все миловалъ: пять мѣсяцевъ сряду Греки, хотя и мало ихъ было, да отбивали приступы. Султанъ сонъ потерялъ отъ досады. И подкатилъ онъ къ городу, на 60 волахъ, огромную пушку вѣсомъ въ 1,900 пудовъ, длиною въ 4 сажени; ее заряжали каменнымъ ядромъ въ 36 пудовъ; ядро за четыре версты попадало въ цѣль—и когда падало на землю, то пробивало яму слишкомъ въ два аршина глубины. И стрѣлять изъ нея можно было только семь разъ въ день, а то она слишкомъ накалялась—и надобно было послѣ выстрѣла тотчасъ смазывать нутро ея бычачьимъ саломъ. Другія пушки, а ихъ было около двухъ сотъ, тоже были тяжелыя; ихъ везли по 40 воловъ. Изъ этихъ-то пушекъ громили стѣны. Видя, что и это не беретъ, Магометъ началъ думать, какъ бы ему въ самый городъ, т. е. въ самую гавань Царьградскую ввести свои корабли, и съ двухъ сторонъ палить; а какъ входъ въ гавань съ моря былъ запертъ желѣзною цѣпью, то онъ придумалъ перетащить корабли въ гавань по суху, съ внутренней ея стороны, настлавши досокъ и смазывая ихъ жиромъ. Это и исполнилъ онъ ночью—и тогда ужь съ двухъ сторонъ открылъ огонь. Часть стѣны наконецъ упала. Турки ворвались въ городъ—и началась рѣзня отчаянная. Одолѣли невѣрные и разсыпались по городу, пошли рѣзать и грабить, оскверняли храмы, ломали утварь церковную, сдирали иконы и топтали ихъ ногами. Султанъ самъ на бѣломъ конѣ въѣхалъ

въ городъ и прямо къ Св. Софіи; туда ворвались ужь Турки и шла рѣзня; Султанъ вошелъ во храмъ, распахнулъ царскія врата, вошелъ въ алтарь и сѣлъ на престолъ по турецки, т. е. поджавши ноги; съ престола велѣлъ прекратить рѣзню, вычищать храмъ — и своимъ мулламъ отнынѣ служить въ немъ службу Магомету. Первымъ дѣломъ, онъ потребовалъ къ себѣ императора. Но императора нигдѣ не было. Онъ бился какъ храбрый ратникъ; незадолго передъ тѣмъ, покрытый кровью, подъѣхалъ онъ къ Св. Софіи, вошелъ во храмъ, наполненный старцами, женами и дѣтьми и многимъ духовенствомъ; палъ передъ алтаремъ, покаялся, простился съ патріархомъ и съ царицею, поклонился на всѣ четыре стороны до земли, прося простить ему прегрѣшенія его и обиды, буде кого онъ обидѣлъ, — и сказалъ при этомъ: «Простите, православные христіане! видно часъ мой пришелъ—испить за народъ мой чашу искупленія. Ежели Турки возьмутъ меня живого въ плѣнъ, то и весь народъ попадетъ въ вѣчное къ нимъ рабство; если же буду убитъ на бою, то хоть султанъ и сядетъ на престолъ мой, но Богъ цареву жертву приметъ— и вѣчнаго рабства народу не будетъ. Господь воздвигнетъ мстителя за кровь мою». Засимъ онъ причастился Св. Таинъ и пошелъ изъ церкви, сѣлъ на коня и опять поскакалъ на битву. Султану сказали, что видѣли императора біющимся съ Турками во вратахъ градскихъ, и что онъ убитъ. Султанъ велѣлъ отыскать его тѣло. Стали разбирать тѣла и

нашли тѣло царево, только безъ головы, и признали его только по царскимъ украшеніямъ на сандаліяхъ, или на башмакахъ. Султанъ велѣлъ отыскать непремѣнно голову. Срубленныхъ головъ между тѣлами валялось множество—и греческихъ, и турецкихъ; стали ихъ подбирать, обмывать, наконецъ нашли. Султанъ призвалъ плѣнныхъ греческихъ бояръ и сказалъ, чтобъ они, разсмотрѣли — точно ли это царева голова. Они со страхомъ и слезами отвѣчали: «Она и есть глава царева». Самъ султанъ содрогнулся, облобызалъ голову и послалъ ее патріарху. Патріархъ положилъ ее въ золотой и серебряный ковчежецъ, и тайно ночью похоронилъ подъ престоломъ Св. Софіи».

Много страшнаго и чудеснаго разсказывали Греки. Говорили, между прочимъ, что «въ ночь передъ послѣднимъ, трехдневнымъ боемъ, на 21-е мая, на память строителя града Св. царя Константина и матери его Елены, весь городъ вдругъ освѣтился словно заревомъ. Думали, что пожаръ. Увидали, что свѣтъ выходитъ изъ верхнихъ оконъ Софійскаго храма, обнявъ собою весь куполъ, — что все пламя потомъ, слившись вмѣстѣ, превратилось въ невыразимый свѣтъ, и этотъ свѣтъ поднялся на небо — и словно растворились двери небесныя, и пріяли свѣтъ и опять затворились. Спрошенные о томъ, что̀ это значитъ, патріархъ и архіерей объявили, что этотъ свѣтъ—благодать Божія, и съ нею ангелъ Господень, данный Богомъ на соблюденіе святой церкви сей и на сохраненіе граду сему, въ сію нощь

отошедшая на небо, такъ какъ Богъ, по грѣхамъ нашимъ, предаетъ нынѣ градъ сей въ руки враговъ».

Въ Москву къ великому князю стали постоянно пріѣзжать знатные ученые изъ Грековъ, и Сербовъ, и Болгаръ. Наши государи принимали ихъ въ своихъ покояхъ слезно и участно, и приглашали ихъ къ столу своему, и вмѣстѣ съ своими боярами разспрашивали и разсуждали подробно, отчего и какъ все это случилось. Греки такъ имъ объясняли: «Всѣмъ вамъ вѣдомо, государи, что съ изначала, когда Господь нашъ Іисусъ Христосъ разослалъ свв. Апостоловъ по всей землѣ проповѣдывать слово Свое, повелѣлъ Онъ всѣмъ Церквамъ быть въ любви и общеніи одна съ другою, и въ случаѣ какихъ неустройствъ собираться на вселенскіе соборы и соборнѣ постановлять догматы вѣры, высматривать и утверждать правое ученіе. И такъ продолжалося въ церкви вселенской до тѣхъ поръ, пока папа римскій не вздумалъ поставить себя выше соборовъ; самъ онъ нарекъ себя намѣстникомъ Іисуса Христа — и сталъ требовать, чтобы вся вселенская Церковь признала его главою и повелителемъ. И Церкви—британская, и гальская, и германская, и испанская покорились ему, и овладѣлъ онъ въ этихъ странахъ двумя третями земель, и чрезъ легатовъ своихъ началъ повелѣвать самими тамошними королями. Желая власть свою надъ ними укрѣпить и имѣть вѣрѣ своей защитника, а себѣ покорнаго слугу, онъ одного изъ нѣмецкихъ королей вѣнчалъ императорскимъ вѣнцомъ и

нарекъ римскимъ императоромъ, и сказалъ ему: «Будь ты мнѣ правою рукою, и приведи ты подъ власть мою всю землю». Накинулись они на славянскія царства, исповѣдывавшія греческую вѣру по книгамъ свв. Кирилла и Меѳодія,—и гдѣ кознями, гдѣ кровопролитіемъ успѣли отторгнуть отъ единыя православныя вселенскія Церкви, въ свое стадо, изъ общей единой семьи славянской, Чеховъ, Моравамъ и Поляковъ. Но мечъ папы и змѣиная хитрость его сокрушались о вѣрныхъ отеческой Церкви, Сербовъ, Болгаръ, Грековъ и Русскихъ. И оттого возненавидѣли папы все восточное христіанство! И какихъ бѣдъ они ему ни причинили! Когда проявился Магометъ, и пошли мусульмане огнемъ и мечомъ обращать всѣ народы къ его вѣрѣ, и взяли святой градъ Ерусалимъ, гдѣ находится Гробъ Господень, и ополчилось противъ нихъ все христіанство,—папы воспользовались бѣдствіями греческаго народа и захватили Константинополь, шестьдесятъ лѣтъ держали его въ рукахъ своихъ, и учредили тамъ свою латинскую имперію, и были намъ хуже Турокъ — потому что Турки все-таки позволяютъ намъ вѣру нашу исповѣдывать, а Латиняне всѣхъ силою приводили къ папѣ! Завели они также рыцарей и велѣли имъ огнемъ и мечомъ распространять латинскую вѣру и въ вашихъ старорусскихъ земляхъ, у Латышей и Эстовъ, у Литовцевъ, и у васъ, Русскихъ, называя васъ дикими русскими язычниками! Нашимъ законнымъ императорамъ удалось таки отнять опять Царьградъ

и выгнать Латинянъ, а у васъ — сами вы знаете — ваши князья св. Александръ Невскій и многіе другіе оборонили отъ рыцарей природную-то Русскую землю!»

«Грѣхъ нашъ великій въ томъ и есть,—продолжали бесѣдовать Греки,—что мы, Греки, больше возлюбили жизнь спокойную и праздную, въ роскоши и удовольствіяхъ и въ праздныхъ толкованіяхъ, чѣмъ труды воинскіе; вмѣсто того чтобы самимъ крѣпко биться съ Латинянами—вызвали мы Турокъ защищать насъ отъ враговъ нашихъ. Турки пришли и поселилися въ нашихъ земляхъ; Латиняне и стали ихъ науськивать на насъ, думая; что какъ потѣснятъ насъ Турки, мы поневолѣ къ папѣ же обратимся за помощью. Турки покорили Болгарію, Сербію, и отъ Греческой имперіи остались только городъ Константинополь, да Морея, да нѣсколько острововъ. Папы стали къ намъ засылать, будто насъ жалѣютъ, и объявили намъ, что они пошлютъ всѣхъ королей своихъ намъ на выручку, но что для этого намъ надо отъ своей вѣры отказаться и признать власть римскаго первосвященника. Для этого они собрали соборъ въ городѣ Флоренціи въ Италіи, куда и отъ васъ ѣздилъ митрополитъ Исидоръ. Нѣкоторые изъ нашихъ вельможъ и даже духовныхъ согласились было и подписали соединеніе, но народъ и слышать не хотѣлъ объ измѣнѣ вѣрѣ, а тѣмъ паче — покойный императоръ Константинъ Палеологъ; всѣ мы, уже подъ пушками Магомета, говорили: «Лучше Турки, чѣмъ Латины!..» Взяли Турки Царьградъ—папы и думаютъ,

что ужь теперь-то насъ, православныхъ, сломятъ, и говорятъ и пишутъ намъ: «Видите ли вы, неразумные Греки, до чего довело васъ ваше упорство — не признавать папу верховнымъ главою всего христіанства! За этотъ-то грѣхъ васъ Богъ и наказуетъ! Смотрите и сами судите, гдѣ очевидная благодать Божія: мы богаты, а вы въ нищетѣ и безъ куска хлѣба; мы повелѣваемъ народами, и короли земные служатъ намъ,—вы стали рабами поганыхъ; наши храмы и дворцы украшаются мраморомъ и золотомъ, рѣзьбою и письмомъ,—ваши храмы ободраны и поруганы, негдѣ вамъ и помолиться-то! Ужели не видите, что Богъ во гнѣвѣ отвратилъ отъ васъ лице Свое?! Обратитесь къ намъ, покайтесь, откажитесь отъ своей вѣры, признайте власть папы — папа и проститъ васъ, и пошлетъ королей своихъ выгнать Турокъ изъ вашей земли, и будете вы спасены». Но и въ неволѣ и въ бѣдствіи мы отвѣчаемъ папѣ: «Судьбы Господни неисповѣдимы. По грѣхамъ нашимъ Богъ посылаетъ на насъ испытаніе и тяжкую кàру; но мы согласны скорѣе претерпѣть всяческія муки отъ Турокъ, чѣмъ душу погубить, отъ истинной вѣры отречься — и признать тебя, смертнаго человѣка, земнымъ богомъ. Богъ нашъ на небесахъ; здѣсь на землѣ установилъ Онъ свою апостольскую Церковь, во главу ея поставивши не смертнаго человѣка, а Сына Своего Іисуса Христа, и Духомъ Своимъ Святымъ въ Церкви пребывая и животворя ее, и таинственно волю Свою объявляя въ постановленіяхъ Св. соборовъ. Человѣкъ

ты еси — и смертенъ, и шатокъ, и погрѣшимъ; Духъ же Святый, въ церкви пребывающій, вѣченъ и незыблемъ, и премудрости исполненъ».

«Таково-то, государи, несчастное положеніе наше», говорили Греки. «И на кого упованіе свое возложимъ? И къ кому въ скорби своей прибѣгнемъ? Кто возстановитъ святые храмы наши? Кто возстановитъ тронъ Константиновъ и державу его исторгнетъ изъ рукъ нечестивыхъ? Кто снова освятитъ храмъ Софіи — и снова огласитъ его ангельское пѣніе и послышатся въ немъ словеса Бога живаго?»

И слушали наши государи, и князья, и бояре, и митрополитъ, и епископы — и сердце у нихъ разрывалось отъ жалости. И рвалось ретивое на защиту православія; но окидывая умственнымъ взглядомъ дѣла свои, видѣли, что Московское государство само еще подъ властью Татаръ, а другая половина Руси во власти у Латинянъ, у Литвы и Польши; да если бы и пойти Русскимъ отбивать Царьградъ для Грековъ, то пришлось бы въ одно время воевать и съ Турками, и съ Латинянами, которые не потерпятъ, чтобъ православіе опять возсіяло на Востокѣ... «Ничѣмъ-то мы вамъ пособить не можемъ,—съ горестью говорили наши Грекамъ,—остается только всѣмъ покориться волѣ Божіей, крѣпко стоять въ вѣрѣ и ожидать часа, когда Господь воздвигнетъ мстителя за неправды на враговъ имени Его».

«Богъ даетъ крѣпость мышцѣ и младенцевъ умудряетъ,—отвѣчали Греки;—а наша вся надежда только на

васъ, государи, и на единовѣрный намъ русскій народъ. У насъ въ нашихъ старинныхъ книгахъ вотъ что̀ записано: когда св. Константинъ Великій избралъ мѣсто для постройки Царьграда, вдругъ изъ норы выползъ великій змій—и на змія ниспалъ съ неба орелъ, и подхватилъ змія и унесъ на высоту, а змій вокругъ него обвился. Они скрылись изъ глазъ; но скоро орелъ опять показался и упалъ на то же мѣсто, ибо змій сталъ его душить и одолѣвать; увидавши это, подбѣжали люди и змія убили, а орла освободили. Мудрецы тогда же объяснили, что орелъ есть знаменіе христіанское, а змій—мусульманское,—и значитъ, что мусульманство одолѣетъ христіанъ, но потомъ и христіане побѣдятъ его. Теперь половина пророчества исполнилась: змій одолѣлъ орла. Сбудется и вторая половина: прійдутъ люди и убьютъ змія. Какіе же это будутъ люди? Охъ, государи, есть объ этомъ и другое у насъ пророчество, а записано оно уже пятьсотъ лѣтъ тому назадъ,—что прійдетъ русскій родъ и купно со строителями града побѣдитъ Измаильтянъ, и приметъ Царьградъ, и воцарится тамъ... На великія дѣла блюдетъ Божій промыслъ—великій русскій народъ».

— «Аминь! да будетъ воля Господня!» говорили наши государи, и князья, и бояре, и митрополитъ, и епископы—и осѣнили чело свое крестнымъ знаменіемъ, чистосердечно и безкорыстно отдавая себя водительству святаго промысла Божія.

II.

Москва—Третій Римъ.

А промыслъ Божій въ то время уже явно оказывался надъ Москвою. Тамъ уже начинали прозрѣвать, что труды великихъ подвижниковъ за землю Русскую скоро имѣютъ получить свою мзду; явно было, что данничеству ордынскому скоро прійдетъ конецъ. Въ Москвѣ великимъ княземъ былъ въ то время внукъ Димитрія Донскаго, Василій Васильевичъ Темный. При немъ былъ и соборъ Флорентійскій, и взятіе Турками Царьграда. Много этотъ князь потерпѣлъ несчастій на вѣку своемъ: дядя и двоюродные братья отнимали у него престолъ — даже выкололи ему глаза, отчего онъ и прозванъ Темнымъ; попался онъ и въ плѣнъ къ Татарамъ и былъ выкупленъ за дорогую цѣну пожертвованіемъ бояръ и народа. Но несчастіе не заставило его отступить отъ пути, указаннаго предками; съ помощью старыхъ бояръ своихъ онъ побѣдилъ враговъ и скрѣпилъ государство еще сильнѣе. Утѣшеніе великое доставлялъ ему выроставшій при немъ сынъ его, Иванъ. Слѣпецъ прозиралъ духомъ великую будущность сына. Будущность эта была ему предсказана, когда Иванъ былъ еще отрокомъ. Пріѣзжалъ въ Москву ходатаемъ за буйныхъ

своихъ согражданъ одинъ изъ святыхъ мужей Новгородскихъ, архіепископъ Іона. Во время бесѣды его съ великимъ княземъ о дѣлахъ Руси, вдругъ входитъ въ горницу сынъ и наслѣдникъ Васильевъ, Иванъ. Святитель взглянулъ на него и сказалъ: «Вотъ кому Богъ пошлетъ свободу отъ власти ордынской!» и потомъ долго еще въ молчаніи глядѣлъ на отрока, на разумныя его очи, и вдругъ закрылъ лицо свое руками, заплакалъ и произнесъ: «Отрокъ же сей приведетъ и мою родину, великій Новгородъ, подъ свою руку!»

Василій Темный умеръ въ 1462 году 17-го марта. Ему наслѣдовалъ этотъ Иванъ. Двадцать лѣтъ прошло со взятія Турками Царьграда. Въ это время, уже опомнившись отъ перваго удара, Греки—даже тѣ, которые понадѣялись было на папу и подписали соединеніе вѣръ,—увидѣли, что спасеніе ихъ можетъ выйти только изъ самаго православія; а какъ изъ православныхъ государствъ въ то время очевидно возвышалось одно государство православное, именно—Московское, на Москву и обратились съ надеждой очи всего Востока. Завязались у Грековъ тѣснѣйшія сношенія съ Москвою. Патріархъ греческой Церкви самъ не могъ переѣхать въ Москву: ему нужно было бодрствовать за свою паству въ отечествѣ; онъ и благословилъ россійскому духовенству самому соборнѣ выбирать себѣ митрополита. Но званіе защитника Церкви—лежавшее, по преемству отъ св. Константина Великаго, на греческихъ царяхъ,—Греки

хотѣли, согласно древнимъ пророчествомъ, передать торжественно и по всѣмъ правамъ государю московскому. Дѣло это они устроили такъ: многіе изъ знатныхъ Грековъ проживали въ Римѣ — и по наружности признали папу. Они и, главное, грекъ кардиналъ Виссаріонъ сталъ папѣ внушать мысль, что съ великимъ княземъ московскимъ можно обдѣлать разомъ два дѣла: и обратить его въ католичество, и получить помощь на Турокъ; для этого постараться женить его на племянницѣ послѣдняго греческаго императора, Константина Палеолога, Софьѣ, которая въ приданое принесла бы ему свои права на престолъ Константиновъ, а какъ ревностная католичка — обратила бы самого въ католичество; онъ, молъ, противъ женской прелести и ея хитрости не устоитъ. Папа (который не могъ сладить со своими королями, чтобы дружно обратить ихъ на Турокъ) съ радостью ухватился за эту мысль и послалъ въ Москву сватомъ грека же, Георгія. Это сватовство, какъ сказано въ нашей лѣтописи, Иванъ Васильевичъ взялъ въ мысль, и, поговоривъ съ митрополитомъ и боярами, отправилъ въ Римъ своего посланца, итальянца, принявшаго въ Москвѣ православіе, Ивана Фрязина, смотрѣть невѣсту и для переговоровъ. Иванъ Фрязинъ наговорилъ папѣ обѣщаній съ три короба, и повезъ невѣсту. «Ну, дочь моя,—говорилъ, отпуская ее, папа,—послужи святому престолу Римскому, и будешь ты великая изъ женъ, если еретическаго царя Ивана приведешь въ римскую вѣру». Невѣсту провожалъ

папскій кардиналъ и хотѣлъ вступить въ Москву торжественно въ своей красной мантіи, со всей своей свитой, и чтобъ впереди его несли большой латинскій крестъ. Онъ намѣревался и вѣнчать жениха съ невѣстой по своему. Но за нѣсколько верстъ до Москвы крестъ ему велѣли спрятать; невѣста, какъ вступила въ Москву, такъ и объявила, что никогда не измѣняла православію,—и въ тотъ же день была обвѣнчана съ Иваномъ Васильевичемъ, въ Успенскомъ соборѣ, митрополитомъ. Кардиналъ началъ было разговоръ о вѣрѣ; но, когда митрополитъ Филиппъ изложилъ ему всю римскую неправду, онъ замолчалъ, сказавъ, что нужныхъ книгъ съ собой не взялъ, не ждалъ спора, такъ какъ Иванъ Фрязинъ говорилъ въ Римѣ, что здѣсь всѣ согласны на соединеніе вѣръ. Ему сказано было, что вольно жь было вѣрить; Фрязинъ вралъ отъ своего лица, и никакихъ грамотъ съ собой о томъ не имѣлъ; за это, молъ, великій князь прогонитъ его съ очей своихъ. И точно великій князь прогналъ его, но не надолго,—потомъ опять принялъ на службу. Кардиналъ съ тѣмъ и уѣхалъ. Папа римскій остался не при чемъ.

Иванъ же Васильевичъ, какъ женился на греческой царевнѣ, такъ и принялъ на себя всѣ права предковъ, и облаченіе императорское, и гербъ византійскихъ императоровъ—двуглаваго орла. Митрополитъ на торжественныхъ службахъ, обращаясь къ нему, сталъ называть его царемъ: «Божіею милостью радуйся и здравствуй преславный царь

Иванъ, великій князь всея Руси, самодержецъ» и пр. Въ грамотахъ своихъ къ иностраннымъ государямъ великій князь сталъ именоваться царемъ и императоромъ. При дворѣ своемъ завелъ онъ царскіе обычаи и чины, какъ было у греческихъ царей; иностранныхъ пословъ сталъ принимать — сидя на престолѣ, въ порфирѣ, въ шапкѣ древняго великаго императора греческаго Константина Мономаха, въ бармахъ его, со скипетромъ въ рукѣ. Всѣ эти регаліи — были Софьино приданое и привезены ею. Утверждая себѣ наслѣдника, онъ уже торжественно вѣнчалъ его на царство, какъ вѣнчались греческіе цари. Въ глазахъ своихъ подданныхъ онъ уже сталъ монархомъ, требующимъ безпрекословнаго повиновенія и строго карающимъ за ослушаніе, возвысился до недосягаемой царственной высоты, передъ которою и бояре, и князья одного съ нимъ корня должны были благоговѣйно преклониться наравнѣ съ послѣднимъ изъ его подданныхъ. Прежніе государи московскіе женились или на дочеряхъ другихъ удѣльныхъ князей, или на дочеряхъ своихъ бояръ: Иванъ III уже хотѣлъ въ своемъ семействѣ браковъ съ вѣнценосцами: старшаго сына своего, тоже Ивана, умершаго прежде отца, женилъ на Еленѣ, дочери господаря молдавскаго; дочь Елену выдалъ за Александра, великаго князя литовскаго; императоръ германскій сваталъ племянника своего маркграфа баденскаго за другую дочь Іоанна, но Іоаннъ нашелъ этого жениха слишкомъ незначительнымъ для того владѣтелемъ. Ясно было, какъ сказалъ

нѣкогда великій князь Симеонъ Гордый, новая «свѣча» зажжена была въ Москвѣ.

Съ этой поры все въ ней пошло измѣняться, самый наружный видъ ея: Иванъ III Васильевичъ засталъ ее деревянную, а оставилъ каменную, златоглавую; было на что, еще издали, подъѣзжая къ ней, перекреститься русскому люду! Онъ построилъ высокія каменныя стѣны съ башнями и стрѣльницами, Успенскій соборъ, каменный вмѣсто обветшавшаго деревяннаго, соборы Архангельскій и Благовѣщенскій, каменный дворецъ, Грановитую Палату для торжественныхъ собраній и пріемовъ, и многіе храмы, все изъ камня. Для всякаго дѣла сталъ выписывать изъ-за границы разныхъ мастеровъ, Итальянцевъ и Грековъ, пушкарей, литейщиковъ, строителей и всякихъ художниковъ.

Во всѣхъ своихъ дѣлахъ великій князь сталъ рѣшительнѣе; первое, онъ привелъ подъ свою руку Великій Новгородъ и его обширныя земли, т. е. всю Новгородскую, Олонецкую, Петербургскую и Архангельскую губерніи. Всѣ эти земли занялъ и заселилъ Новгородъ изстари, поставилъ тамъ города и селенья и державствовалъ надъ всею этою страною. Горды были Новгородцы своимъ державствомъ и богатствомъ, ибо они-то собственно изстари заправляли чуть не всей торговлей въ Россіи: въ низовыхъ городахъ закупали хлѣбъ, оттуда же получали товары азіатскіе; со своихъ владѣній и изъ Сибири получали мѣха, и продавали нѣмецкимъ купцамъ, и посылали сами корабли за-море—

черезъ Волховъ, Ладожское озеро, Неву. Нѣмецкіе товары Новгородцы развозили по Россіи. Но отъ этой торговли разбогатѣли только важнѣйшіе купцы въ Новгородѣ и назвалися боярами: вся земля была ихняя; города, которые они ставили, они называли своими пригородами, держали крѣпко—и все на свою только пользу, словомъ—изъ всѣхъ своихъ земель, какъ говорится, выжимали сокъ. Эти богачи заправляли въ Новгородскихъ земляхъ всѣмъ: сами судили судъ—и тѣснили свои пригороды и весь сельскій или черный людъ. Управлялись они сходкой, по старинному *вѣче:* ударятъ въ вѣчевой колоколъ—и всѣ должны собираться на Ярославовъ дворъ. И приходятъ богачи со своими нахлѣбниками и кормяжниками. Пойдетъ несогласіе, крикъ, драка; которая сторона одолѣетъ, давай топить противниковъ въ Волховѣ, съ мосту. По мѣрѣ того, какъ стали усиливаться съ одной стороны Московское государство, а съ другой—Литовское, новгородская держава очутилась вдругъ между двумя сильными сосѣдями. Поняли Новгородцы, что имъ не устоять, и вышло между ними раздѣленіе: богачи-купцы, бояре, захотѣли поддаться Литвѣ, гдѣ панамъ было житье привольное—короля они ни въ грошъ не ставили, а простой народъ тѣснили, имѣли даже право казнить смертію,—такой порядокъ нравился богачамъ-купцамъ, боярамъ новгородскимъ—и желательно было имъ завести и у себя; но черный людъ новгородскій на это не соглашался, и лучше хотѣлъ совсѣмъ отойти подъ государя московскаго, у котораго судъ

равный для всѣхъ—и для большихъ, и для малыхъ людей. Иванъ Васильевичъ ужь одинъ разъ усмирялъ Новгородцевъ, замышлявшихъ измѣну, и поднялся теперь, чтобы окончательно присоединить Новгородъ къ Московскому государству, потому что понималъ—если бы да успѣла Литва захватить Новгородскія земли, то и православію тамъ бы пришелъ конецъ, и Поляки стали бы пановать надъ Русскимъ народомъ. Онъ собралъ войско, но крови проливать не желая, окружилъ войскомъ Новгородъ, и заперъ всѣ у него входы и выходы; самъ сталъ подлѣ, на Городищѣ, и ждалъ. Попались какъ въ западню Новгородцы—и пошла у нихъ сумятица; звонятъ въ вѣчевой колоколъ, собираются, кричатъ; одни кричатъ: хотимъ государя московскаго! другіе: хотимъ Казиміра литовскаго! Изъ-за словъ—драка, гвалтъ, топятъ противниковъ въ Волховѣ; въ дѣла путаются и богачихи-боярыни, и бабы. А великій князь стоитъ на Городищѣ, все знаетъ, что̀ въ Новгородѣ дѣлается, — молчитъ и смотритъ. Вотъ, наконецъ, стали у Новгородцевъ истощаться запасы. Начали они пересылаться съ Иваномъ Васильевичемъ и спрашивать: чего онъ хочетъ? «Сами знаете», отвѣчалъ онъ. Въ Новгородѣ наконецъ сдѣлался голодъ, и они порѣшили бить челомъ государю, чтобы онъ принялъ Новгородъ на всю свою волю. Государь и велѣлъ быть Новгороду какъ другимъ русскимъ городамъ; вѣче уничтожено; колоколъ снятъ, отвезенъ въ Москву и повѣшенъ тамъ на колокольнѣ звонить за одно со всѣми русскими

колоколами. Вся держава новгородская присоединена къ Московскому государству. Послѣ покоренія Новгорода были присоединены Тверское княжество (1485), Вятка (1489), еще прежде—Пермь (1472), и московскіе люди стали ходить за Уральскія горы. Оставались еще Рязань и Псковъ, но и тѣ были во всемъ покорны Іоанну и присоединены ужь при сынѣ и наслѣдникѣ его.

Также рѣшительнѣе Иванъ Васильевичъ сталъ поступать и съ Ордою. Золотая Орда къ этому времени распалась на три части: отъ главной Сарайской или Золотой Орды (на Нижней Волгѣ) отпали Крымская Орда и Казанская. Крымскій ханъ Менгли-гирей былъ врагъ на смерть ханамъ Золотой Орды, и потому Иванъ III велъ съ нимъ тѣсную дружбу, всегда имѣлъ въ немъ вѣрнаго помощника и насылалъ его то на Золотую Орду, то на Литву, чтобы не давать имъ соединиться, когда воевалъ съ Татарами или съ Литвой. Съ Золотой Ордой и господствомъ ея надъ Россіей онъ покончилъ слѣдующимъ образомъ: Разсказываютъ, что Софья Ѳоминишна постоянно твердила ему: «Не для того, молъ, вышла я за тебя замужъ, чтобы ты меня и дѣтей моихъ сдѣлалъ татарскими данниками». Иванъ Васильевичъ на ея горячность усмѣхался и молчалъ, а дани въ Орду не посылалъ. У хана было подворье въ Москвѣ—царь это подворье занялъ подъ церковь. Ханъ Ахматъ послалъ наконецъ пословъ съ грозной рѣчью. По старому обычаю, послы, входя въ Москву, несли изобра-

женіе хана, по татарски басма, которому князья русскіе должны были кланяться. Иванъ Васильевичъ вышелъ со всѣмъ дворомъ своимъ навстрѣчу посламъ, взялъ изъ рукъ ихъ эту басму—и вдругъ, къ ихъ ужасу, изломалъ ее, бросилъ на землю и растопталъ ногами, а пословъ велѣлъ казнить кромѣ одного, которому сказалъ: «Ступай, разскажи хану, что́ сдѣлалъ я съ его басмою и послами. То же будетъ и съ нимъ, если не оставитъ меня въ покоѣ». Ханъ потомъ пришелъ съ войскомъ и сталъ на рѣкѣ Угрѣ. Иванъ Васильевичъ и тутъ не хотѣлъ положиться на военную удачу: тянулъ время, передвигалъ то туда, то сюда свое войско; а самъ отправилъ внизъ по Волгѣ другое войско подъ самую столицу ханскую, Сарай, и ждалъ вѣстей. Такъ прошла вся осень. Въ войскѣ русскомъ и не знали тайной посылки другого отряда подъ Сарай—и роптали; роптали и въ Москвѣ; стыдили великаго князя примѣромъ прадѣда его Димитрія Донскаго, называли его «бѣгуномъ» и писали къ нему укорительныя письма. Иванъ Васильевичъ на все молчалъ. Вдругъ Ахматъ услыхалъ, что Русскіе сожгли его столицу,—и побѣжалъ. Великій князь съ торжествомъ въѣхалъ въ Москву, и устыдилъ всѣхъ, которые въ немъ усумнились, и самъ посмѣялся надъ ними. Побѣда не стоила ему ни единой капли крови. Вотъ какъ онъ умѣлъ обдѣлывать великія дѣла. Ахматъ потомъ въ Ордѣ былъ убитъ своими же. Золотая Орда распалась на части.

И вотъ такой-то государь царствовалъ въ Московской Руси сорокъ три года (1462—1505). До него и князья московскіе, начиная отъ Ивана Даниловича Калиты, и народъ Московскій, словно молча, но понимая другъ друга, трудились надъ освобожденіемъ отъ Татаръ; и въ этой молчаливой работѣ, въ этой тайнѣ, которую знали всѣ, но и другъ другу не высказывали, — чувствовали свою силу и свое превосходство надъ жителями прочихъ русскихъ областей, которые жили сами по себѣ, и объ общемъ дѣлѣ не помышляли, и тяготы его не несли, каковы были, напримѣръ, Новгородцы. Теперь дѣло было сдѣлано. Отъ Орды Русь была свободна; народъ Русскій, единый по крови, по вѣрѣ и языку, имѣлъ вмѣсто многихъ князей одного государя. Удачи, побѣды и великій умъ Ивана III еще болѣе возвысили мнѣніе Русскихъ о самихъ себѣ и о величіи своего государя. Когда же палъ Царьградъ и съ нимъ прирожденный защитникъ православія — царь греческій, и Иванъ Васильевичъ женился на греческой царевнѣ, то на него перешло вмѣстѣ съ царскимъ вѣнцомъ и царскими регаліями и законное званіе, права и обязанности великаго и единаго поборника истинной вѣры, тогда Русскіе люди съ гордостью стали говорить: «Государи наши во всемъ свѣтѣ единые браздодержатели святыхъ Божіихъ престоловъ! Чистое православное ученіе только въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ удержалось и паче солнца свѣтится! Два Рима пали, третій стоитъ (т. е. Москва), а четвертому не быть».

И не одни Русскіе люди разумѣли такъ. Съ паденіемъ Орды, при Иванѣ III Васильевичѣ, передъ очами всего міра словно вдругъ спала завѣса, скрывавшая доселѣ въ тишинѣ созрѣвавшее государство Московское — одно изъ православныхъ государствъ, свободное отъ чуждаго ига. И къ престолу Московскихъ государей понеслись мольбы и вопли о защитѣ со всѣхъ православныхъ земель, стенавшихъ подъ игомъ мусульманскимъ и подъ гнетомъ латинскимъ. Эти жалобы и вопли ясно указывали, какое значеніе въ мірѣ получаетъ Россія, что дѣлать московскимъ государямъ и на какой подвигъ направить имъ отнынѣ силы своего народа, у котораго подъ игомъ татарскимъ глубоко запечатлѣлась въ сердцѣ великая заповѣдь—стоять за своихъ и пострадать за Христа.

Покончивъ внутреннія дѣла свои, въ этомъ-то разумѣ и началъ дѣйствовать Иванъ III Васильевичъ, а потомъ и сынъ его Василій Ивановичъ, царствовавшій послѣ него двадцать восемь лѣтъ (1505—1533). Они начали сами наступать на Татаръ, отбивать у нихъ земли, строить на этихъ земляхъ крѣпости. Въ Литовской Руси, гдѣ народъ былъ русскій и православный, а король — католикъ, стали желать, чтобы опять соединиться подъ одну природную державу; Иванъ III и сынъ его, именуясь государями всея Руси, начали требовать древней своей отчизны — Кіева и всѣхъ Русскихъ земель, подпавшихъ подъ власть Литвы и Польши во времена татарскаго владычества. Иванъ Ва-

сильевичъ успѣлъ отвоевать Сѣверскую землю, а сынъ его Василій Ивановичъ—Смоленскъ. Смоленскъ защищалъ храбрый литовскій воевода Сологубъ, и два раза отбилъ нашъ приступъ. Когда великій князь открылъ въ третій разъ пальбу, жители закричали со стѣнъ, чтобы государь прекратилъ огонь; государь велѣлъ перестать стрѣлять, и Смоляне, князья и бояре смоленскіе, весь народъ, старцы и юноши, матери и дѣвицы, иноки и инокини, всѣ предводимые епископомъ и духовенствомъ, съ хоругвями и крестами, вышли изъ города со свѣтлами очами, со многою любовью, навстрѣчу великому князю. Всѣ тотчасъ смѣшалися съ московскими людьми, здоровались, обнимались и цѣловались, какъ единокровные и единовѣрные братья, послѣ долгой разлуки сошедшіеся. Кликъ радости не умолкалъ и провожалъ великаго князя при вшествіи его въ городъ, прямо къ собору Пречистыя Богоматери; тамъ совершенъ былъ молебенъ: протодіаконъ возгласилъ многолѣтіе природному государю; многолѣтіе повторили хоромъ епископъ со всѣмъ духовенствомъ, оба клироса, послѣ чего епископъ, благословивъ крестомъ великаго князя, сказалъ ему: «Божіею милостію радуйся и здравствуй, православный царь, великій князь всея Руси, самодержецъ на своей отчинѣ и дѣдинѣ, градѣ Смоленскѣ, на многая лѣта». И снова въ церкви пролилися слезы радости, и снова пошло цѣлованіе и обниманіе...

Иванъ III Васильевичъ и сынъ его Василій дѣйствовали

тихо и осторожно; употребляли силу ужь тогда, когда дѣло напередъ умомъ подготовили. Они, можно сказать, срывали только зрѣлый плодъ. Но не таковъ былъ сынъ Васильевъ, Иванъ IV Васильевичъ Грозный: оставшись послѣ отца малолѣтнимъ, какъ только вошелъ въ возрастъ, онъ, — наставляемый умнымъ и ревностнымъ ко благу Россіи митрополитомъ Макаріемъ и духовникомъ своимъ, попомъ Сильвестромъ,—горячѣе отца и дѣда принялъ къ сердцу долгъ свой и какъ государя всея Руси, и какъ христіанскаго православнаго царя, порфиророднаго помазанника Божія, избраннаго Богомъ для совершенія таинственныхъ судебъ Его, подобно судіямъ и царямъ ветхозавѣтнаго Израиля, и великимъ византійскимъ императорамъ, которыхъ кровь, по бабкѣ его Софьѣ, текла и въ немъ. Начатое отцомъ и дѣдомъ его дѣло, онъ двинулъ впередъ со всею горячностью своей вѣры—и все при немъ совершенное было такъ мудро задумано, что не нарушилось во всѣ послѣдующія смутныя времена; чего довершить не удалось ему—довершено было Петромъ Великимъ и Екатериною II; а многое при немъ заведенное, послѣ разныхъ шатаній и переворотовъ въ теченіе времени, — возобновляется у насъ только нынѣ, конечно въ лучшемъ видѣ.

II.

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Покореніе Казани и Астрахани.

По кончинѣ родителя своего Иванъ IV Васильевичъ остался на престолѣ младенцемъ по четвертому году, на рукахъ бояръ и матери своей правительницы Елены, дочери русскаго выходца изъ Литвы, Михаила Глинскаго. Восьми лѣтъ онъ лишился и матери. Во все его малолѣтство правили бояре. И Димитрій Донской въ малолѣтствѣ получилъ престолъ, и за него тоже управляли бояре. Но бояре при малолѣтствѣ Ивана Васильевича уже не походили на тѣхъ старыхъ московскихъ бояръ, воспитанныхъ въ дѣлахъ Иваномъ Калитою и сыномъ его Симеономъ Гордымъ, и святителемъ Алексѣемъ и преподобнымъ Сергіемъ. Когда уничтожены были удѣлы, бывшіе удѣльные князья, или ихъ дѣти и внуки, поступили на службу великаго князя, и заняли по знатности своей да и по родству съ нимъ — мѣста выше старыхъ бояръ, и понемногу оттѣснили ихъ отъ двора и отъ высшихъ должностей. Тѣ разъѣхались большею частью по деревнямъ и несли тяжелую ратную службу, и, надо сказать, эти земскіе бояре и дворяне доблестно и честно сослужили свою службу царямъ

и Россіи наравнѣ со всѣмъ народомъ Русскимъ. Новые же бояре, заступившіе ихъ мѣсто при дворѣ, все не могли забыть, что отцы и дѣды ихъ были прежде вольные князья неслужилые,—и думали, что если ужь нельзя имъ воротить отцовскихъ удѣловъ, то нельзя ли, по крайности, устроиться имъ такъ на Москвѣ, какъ устроились русскіе же князья, одного съ ними корени, въ Литвѣ, или паны въ Польшѣ; эти литовскіе князья и польскіе паны владѣли огромными землями и городами, жили у себя во владѣніяхъ какъ особые царьки; король въ земли ихъ не вступался; они дѣлали что̀ хотѣли съ подвластнымъ имъ нароромъ, даже смертью казнили. При малолѣтствѣ Ивана Васильевича, бояре и въ Москвѣ захватили всю власть; при дворахъ своихъ завели, какъ въ Литвѣ, огромное число челядинцевъ, кормежниковъ и нахлѣбниковъ, которые сновали въ народѣ, расхваливали своихъ «кормильцевъ», распускали про недруговъ ихъ дурные слухи, мутили народъ и подымали его на бунтъ, когда того требовалось этимъ кормильцамъ,—и народъ кидался на дворы ихъ недруговъ и жегъ ихъ и грабилъ. Когда кто изъ этихъ вельможъ назначался намѣстникомъ въ какой нибудь городъ, они увозили съ собою всю свою сволочь, раздавали ей мѣста — и такъ тѣснили и обирали жителей, что цѣлыя волости пустѣли, люди разбѣгались. Въ Москвѣ же эти верховные бояре враждовали другъ съ другомъ за первенство, убивали, отравляли, замучивали другъ друга въ пыткахъ,

ссылали въ ссылку, грабили домы и деревни тѣхъ, кого одолѣютъ. Обиженные — если имъ удавалось уйти — отъѣзжали въ Литву, въ Крымъ, подымали короля и хана на Россію, сами въ ихъ войскахъ ходили разорять отечество. Одинъ изъ такихъ перебѣжчиковъ, Семенъ Бѣльскій, нѣсколько лѣтъ жившій въ Крыму, даже хвастался, что три раза подымалъ Ногайцевъ и Крымцевъ на Россію. Не останавливались они и передъ саномъ митрополита: каждой партіи хотѣлось имѣть митрополита изъ своихъ сторонниковъ; которые были имъ неугодны, тѣхъ сводили съ престола: такъ свергли они, одного за другимъ, двоихъ митрополитовъ—Даніила и Іоасафа. Въ спорѣ съ митрополитомъ Макаріемъ одинъ изъ бояръ, Головинъ, наступивъ на его мантію, изорвалъ ее, въ знакъ презрѣнія, ногами. Говорятъ, и Елену, мать царя, они опоили ядомъ, и дядей его замучили. О воспитаніи царя они не заботились; обходились съ нимъ грубо; царь самъ потомъ вспоминалъ: «Мы, бывало, съ братомъ Юрьемъ играемъ, а князь Иванъ Шуйскій развалится на лавкѣ и ногу положитъ на постель отца моего»... Старались потакать всякому его дѣтскому желанію, пріучали его травить кошекъ, собакъ, людей, бросать ихъ внизъ съ высокаго крыльца или изъ оконъ; когда онъ подросъ, ночью цѣлой ватагой сами они или ихъ дѣти садились на коней и скакали по Москвѣ, творя всякія безчинства... Чуть кто полюбится юному царю, другимъ дѣлалось завидно— и его, въ глазахъ царя, убивали или ссыла-

ли; на просьбы, на слезы, на испугъ ребенка не смотрѣли. «Въ такихъ-то злокозненныхъ боярскихъ обычаяхъ и небреженіи» — какъ говорилъ потомъ самъ царь — возрасталъ онъ въ дѣтствѣ, и по мѣрѣ того, какъ возрасталъ, самъ выходилъ такимъ же, какъ всѣ его окружающіе, и, достигши четырнадцати лѣтъ, началъ дѣлать съ ними то, чему изъ ихъ же примѣра научился, — началъ казнить то того, то другого, кто ему не понравится.

Но рядомъ съ этими безнравственными и свирѣпыми боярами, очевидно, подлѣ юноши-царя находился кто-то, старавшійся насадить въ душѣ его страхъ Божій и просвѣтить его разумъ наукою: царь зналъ отлично Священное Писаніе, исторію церковную, римскую и русскую, и творенія Отцовъ Церкви; мастеръ былъ писать и говорить рѣчи. Ни отъ кого изъ древнихъ нашихъ царей не осталось столько сочиненій; при пріемѣ пословъ, или когда онъ давалъ наказы своимъ посланникамъ или воеводамъ, въ горницѣ всегда сидѣлъ писарь и записывалъ его рѣчи. Былъ подлѣ него кто-то, внушавшій ему великое понятіе о долгѣ христіанскаго царя передъ Богомъ, о значеніи русскаго государя для всего православія. По всей вѣроятности, этотъ невѣдомый сѣятель добра въ юной и пламенной душѣ Іоанна былъ митрополитъ Макарій. Онъ же вѣроятно внушилъ царю, когда ему исполнилось семнадцать лѣтъ, мысль вѣнчаться торжественно на царство и вступить въ бракъ. 16-го января 1547 года совершилось вѣнчаніе, а 3-го фе-

враля была свадьба царя съ Анастасіей изъ рода Романовыхъ, стараго боярскаго рода временъ Димитрія Донскаго. Торжественность обряда вѣнчанія и напоминаніе при этомъ царственныхъ обязанностей не могли не оставить впечатлѣнія на юнаго царя; бракъ съ прекрасной и кроткой царицей Анастасіей долженъ былъ омерзить ему прежнія его утѣхи. Но тутъ случилось еще одно событіе, глубоко потрясшее его душу. Черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы, апрѣля 12, сдѣлался въ Москвѣ страшный пожаръ, отъ котораго между прочимъ взорвало вспыхнувшимъ порохомъ стрѣльницу и часть стѣны въ Кремлѣ; черезъ нѣсколько дней, 20-го апрѣля, новый пожаръ въ нынѣшней Яузской части; наконецъ іюня 24-го налетѣла на Москву страшная буря съ громомъ и молніей, отъ которой Москва загорѣлась разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, — и скоро, при самомъ сильномъ вѣтрѣ, словно огненное море разлилось по всему городу. Государь съ царицею едва спасся на Воробьевы Горы. Митрополитъ Макарій чуть не задохся въ Успенскоръ соборѣ: его спустили на веревкѣ изъ тайника къ Москвѣ-рѣкѣ; онъ упалъ и расшибся.

Съ Воробьевыхъ Горъ, при раскатахъ грома, при блескѣ молніи, трепещущій царь смотрѣлъ на пожираемую пламенемъ свою столицу. На другой или на третій день, когда огонь утихъ, онъ ѣздилъ провѣдать болящаго митрополита, посѣтилъ пожарище, гдѣ бѣдные погорѣльцы посреди дымящихся развалинъ, съ воплями и слезами, бродили, оты-

скивая своихъ пропавшихъ безъ вѣсти близкихъ, или свое имущество, — и не находили даже мѣста, гдѣ стояли ихъ домы. На огромномъ пепелищѣ города торчали только почернѣлыя каменныя трубы, да обгорѣвшія каменныя церкви. Около двухъ тысячъ народу сгорѣло... Нѣкоторыми боярами пущены были слухи, будто городъ подожгли бояре, князья Глинскіе; толпа кинулась отыскивать мнимыхъ виновниковъ; убили боярина Глинскаго, дядю царскаго... «Все сіе навелъ Богъ на насъ грѣховъ ради нашихъ, ибо множество согрѣшили и беззаконствовали... Богъ же праведнымъ Своимъ судомъ приводитъ насъ на покаяніе»... Вотъ что отовсюду, отъ митрополита и іереевъ и ото всего народа, устрашеннаго бѣдствіемъ, и ото всѣхъ сокрушившихся о потерѣ достоянія своего и своихъ родныхъ и близкихъ въ пламени,—слышалъ царь, и больше всѣхъ устрашился и сокрушился духомъ, ибо въ бѣдствіи народа видѣлъ, по Писанію, ка́ру Господню за свои прегрѣшенія: «И вниде страхъ въ душу мою, — говорилъ онъ потомъ, — и трепетъ въ кости мои, и смирился духъ мой, и позналъ я свои согрѣшенія». Онъ далъ обѣтъ покаяться и стать другимъ человѣкомъ; наложилъ на себя постъ и молитву; потомъ созвалъ святителей и покаялся въ грѣхахъ своихъ, причастился Св. Таинъ. Но прощенія святителей ему казалось еще мало. Онъ объявилъ по всѣмъ городамъ, чтобы съѣхались въ Москву отовсюду выборные люди. Когда они съѣхались, онъ въ воскресный день велѣлъ всѣмъ собраться на Лоб-

ное мѣсто въ Москвѣ; послѣ обѣдни вышелъ изъ Кремля, сопровождаемый боярами, митрополитомъ и духовенствомъ съ крестами и хоругвями. Отслужили молебенъ, послѣ чего царь обратился къ митрополиту и во всеуслышаніе говорилъ ему: «Молю тебя, святый владыко, будь мнѣ помощникомъ. Знаю, что ты дѣлъ благихъ и любви желатель. Я остался—ты знаешь, владыко,—послѣ отца своего четырехъ лѣтъ, и послѣ матери—осьми. Не стало родителей моихъ, чтобы пещись обо мнѣ, а сильные мои бояре и вельможи обо мнѣ не радѣли, а самовластвовали, саны и почести похищали именемъ моимъ, творили всякія корысти и обиды—и никто имъ не возбранялъ: я словно былъ глухъ и не слышалъ, и — ради юности моей и пустоты — не имѣлъ въ устахъ моихъ на нихъ обличенія. О, неправедные лихоимцы! неправедные судьи и хищники! какой отвѣтъ теперь дадите намъ за слезы, которыя вы исторгли? Я же чистъ отъ пролитой нами крови. Ожидайте воздаянія своего!»

Потомъ поклонился царь на всѣ четыре стороны и сказалъ народу: «Люди Божіи и Богомъ намъ порученные! взываю къ вашей вѣрѣ къ Богу, къ любви вашей къ намъ. Всѣхъ разореній вашихъ, всѣхъ неправдъ бояръ моихъ въ лѣта моей юности теперь исправить уже невозможно. Молю васъ, простите другъ другу всѣ вражды ваши! Простимте всѣ другъ другу обиды наши! Отнынѣ, на сколько Богъ дастъ мнѣ силы, самъ я буду вамъ судія и оборона, буду

неправды исправлять и отнятое возвращать». Засимъ онъ указалъ на одного молодого человѣка, по имени Алексѣя Адашева, съ которымъ сблизился послѣ пожара,—и велѣлъ ему принимать всѣ челобитныя отъ бѣдныхъ и обиженныхъ и разсматривать вмѣстѣ съ царемъ. И всѣ выборные, и всѣ люди московскіе, и митрополитъ Макарій со всѣмъ священнымъ соборомъ, и князья, и бояре, слышавшіе такія слова изъ устъ юноши-царя, сердцемъ умилилися, и на испрашиваемое царемъ прощеніе сладкія слезы радости испущали, и молили Господа, да отпуститъ Онъ всѣмъ согрѣшенія ихъ и помилуетъ. И слыша сіе, юноша-царь самъ проливалъ слезы и радовался о всеобщемъ прощеніи—и по юношеской горячности своей, въ веселіи сердца, думалъ, что отнынѣ наступаетъ во всей державѣ его вѣчный миръ и любовь, какъ подобаетъ быть въ христіанскомъ царствѣ; въ ознаменованіе сего, тутъ же простилъ всѣхъ — какіе были виновные передъ нимъ бояре, съ тѣмъ, чтобы ужь о прошломъ и помину не было. И съ великой радостью и многими слезами разошлись съ Лобнаго мѣста люди московскіе, и разъѣхались выборные по домамъ и разсказывали вездѣ, чему были свидѣтелями,—и радостью и свѣтлыми надеждами исполнилася Русская земля, будучи вся за едину душу съ царемъ своимъ.

Съ сего времени, т. е. съ 1547 года, до самой кончины царицы Анастасіи, съ 1560 году, въ теченіе тринадцати

лѣтъ совершились великія дѣла царствованія Ивана IV Васильевича. Про это время его лѣтописцы говорятъ: «Царю нашему обычай таковъ: начало его премудрости — страхъ Господень; оставилъ онъ всѣ забавы, и только тщится порученныя ему отъ Бога царства соблюсти, и устроить, и оборонить отъ всѣхъ иновѣрныхъ басурманъ и латынянъ; ничего иного у него на умѣ нѣтъ—какъ только о избавленіи единородныхъ нашихъ братій, православныхъ христіанъ, просто сказать, только законъ Христовъ и ратныя дѣла. Любовь же его, ко всѣмъ сущимъ подъ рукою его, къ вельможамъ, и къ среднимъ, и къ младшимъ,—ко всѣмъ ровная: по достоянію всѣхъ любитъ, всѣхъ жалуетъ; ни единаго забвеннымъ видѣть отъ жалованія своего не хочетъ... дабы во страшное второе пришествіе Христово, когда послышитъ гласъ: «Ты еси царь правды?», могъ бы безъ стыда отвѣчать: «Азъ есмь — и вотъ люди, которыхъ ты мнѣ далъ, Господи!»

У царя Ивана Васильевича былъ еще родной братъ, Юрій, и двоюродный—Владиміръ Андреевичъ. Обоихъ онъ вскорѣ послѣ пожара женилъ; перваго помѣстилъ жить въ одномъ дворцѣ съ собою, и три юныя четы были почти неразлучны. При нихъ находился еще Алексѣй Адашевъ, тотъ юный другъ царевъ, котораго государь возвысилъ изъ знатныхъ людей за добрый нравъ, приблизилъ къ себѣ, поручивъ ему принимать и разсматривать съ царемъ всѣ подаваемыя на его имя просьбы; домашнимъ наставникомъ

при всей этой царственной молодежи былъ Благовѣщенскаго собора протопопъ Сильвестръ, мужъ строгій нравомъ и мудрый въ совѣтахъ, а главнымъ руководителемъ царя, какъ видно по всѣмъ дѣламъ, тогда имъ совершеннымъ, былъ митрополитъ Макарій.

И вотъ какъ разсуждали тогда въ царской думѣ, что̀ надобно было дѣлать, чтобы Московскому государству достигнуть той высоты, на которую ставили его и гласъ всего угнетеннаго восточнаго православія, и собственное его положеніе между двумя враждебными ему силами — дикой Азіей и римскимъ папой, повелѣвавшимъ всѣми почти европейскими королями и уже употреблявшимъ тогда всѣ усилія—чтобы отторгнуть отъ отеческой вѣры и подчинить себѣ всю Литовскую Русь. Нужно было прежде всего внутри государства завести порядокъ управленія и судъ; по прежнему положенію въ города посылали намѣстниковъ изъ Москвы: оказывалось, что эти намѣстники только грабятъ жителей—и потому ихъ рѣшено отмѣнить, а пусть города и волости сами выбираютъ изъ земства присяжныхъ излюбленныхъ людей, которые бы судили по правдѣ и крестъ бы на томъ цѣловали; и подати и оброки бы сбирали и въ Москву отвозили, и отъ разбоевъ бы оберегали, и воровъ бы ловили; гдѣ же будутъ какіе царскіе чиновники, то чтобы и при нихъ находились выборные отъ земства довѣренные люди и смотрѣли бы, чтобы они все дѣлали по правдѣ и по закону. А чтобы люди знали—какъ въ какомъ

случаѣ поступить, для того надобно написать законы; почему и былъ собранъ земскій соборъ изъ выборныхъ людей со всего государства въ 1549 году, и на немъ изданъ *Судебникъ*, т. е. законы гражданскіе; потомъ для исправленія дѣлъ церковныхъ, созванъ былъ другой соборъ святителей, въ 1551 году, и какіе на немъ установлены законы, тѣ написали въ другой книгѣ, которая называется *Стоглавъ*, по числу ста статей, въ ней заключающихся. Кромѣ того, разсуждали въ Москвѣ, что много у насъ всякаго богатства— и хлѣба, и льну, и пеньки, и лѣсу, и звѣря, и рыбы, и въ землѣ всякихъ рудъ; но все это сырье мы обработывать не умѣемъ; нѣтъ у насъ ни ремеслъ, ни искусствъ; всякое цѣнное издѣліе надо получать изъ-за границы. А потому, надобно изъ Европы выписать знающихъ людей, чтобы у насъ у самихъ завести всякое дѣло. Выискался въ Москвѣ нѣмецъ Іоаннъ Шлитте, которому дали денегъ и письмо къ нѣмецкому императору Карлу Пятому, чтобы онъ дозволилъ ему, Шлитте, нанять всякихъ людей изъ Нѣмцевъ— заводить у насъ всякія мастерства. Шлитте въ 1547 же году отправился въ Нѣмецкую землю, но чѣмъ кончилось его посольство, я разскажу послѣ.

Главное же, чѣмъ юный царь хотѣлъ заслужить вины юности своей и исполнить долгъ христіанскаго государя,— была брань съ врагами имени Христова—Татарами, которые не давали намъ покою и по паденіи Золотой Орды.

Золотая Орда, по смерти Ахмата, какъ разрубленный на

части змѣй, у котораго ожила каждая часть, распалась на нѣсколько царствъ: Казанское, Астраханское, Крымское, Ногайскія Орды и Царство Сибирское. Всѣ эти орды главное промышляли грабежемъ. Особенно насъ безпокоили Крымъ и Казань. Ханъ крымскій получалъ подарки отъ Московскаго и отъ Литовскаго государства, чтобъ только не приходилъ съ ордой своей грабить, и жечь, и уводить плѣнниковъ. Да и съ подарками на него нечего было надѣяться; дары онъ отъ насъ бралъ, а все стращалъ: «Не укроетесь отъ меня за своими стѣнами—крѣпостями, дремучими лѣсами». И въ самомъ дѣлѣ безпрестанно нападалъ, жегъ даже нѣсколько разъ Москву. За подарками присылали пословъ и ногайскіе князья. И всѣ эти послы, и крымскіе, и ногайскіе, были чудные: ѣдетъ посланникъ въ Москву, и гонитъ табунъ лошадей, а какъ пріѣдетъ — то ходитъ къ боярамъ и царю о посольскихъ дѣлахъ говорить, то сидитъ на конной площади, самъ лошадей продаетъ. Солонъ былъ намъ этотъ ханъ, но все-таки отъ него отдѣляла насъ степь, и московскіе государи устроили по всему рубежу крѣпости, заставы и разъѣзды и содержали тамъ войско. А прямо пойти и истребить его было тогда еще нельзя, и походъ степью труденъ, пока до Перекопа доберешься, да и самъ крымскій ханъ былъ подручникъ турецкому султану, и султанъ за него бы вступился; а султанъ ужь и такъ разнюхивалъ пути въ Россію, пытался завладѣть Астраханью, чтобъ оттуда Волгой добраться и до Москвы. Казань же была

къ намъ ближе и была еще несноснѣе. Грабители казанскіе господствовали на Волгѣ, разбойничали даже подъ Костромой, разбивали обозы и караваны нашихъ купцовъ, портили всю нашу торговлю съ Азіей,—не говоря ужь о томъ, что въ Казани, какъ въ Крыму, сотни тысячъ русскихъ невольниковъ, воровски взятыхъ, томились въ рабствѣ. Царь Иванъ Васильевичъ рѣшился прежде всего покончить съ Казанью. Два похода были неудачны. Одинъ походъ былъ на другой же годъ (1548) послѣ пожара. Пошли зимой изъ Нижняго по льду, по Волгѣ. Но полились дожди, настала оттепель. Много пушекъ провалилось въ продушинахъ съ людьми и лошадьми. Царь долженъ былъ оставить предпріятіе и возвратился въ Москву, съ великими слезами, что не сподобилъ Богъ ему поратовать противъ враговъ христіанства. Черезъ два года послѣ того (въ 1550) пошли во второй походъ, тоже зимой; расположились къ осадѣ Казани. Опять пошли дожди: порохъ подмокъ, стрѣлять нельзя было; разлились ручьи; надо было снимать осаду. Но походъ этотъ обошелся не безъ пользы. На устьѣ Свіяги поставили городъ Свіяжскъ, много безпокоившій Казанцевъ и очень много послужившій въ третьемъ нашемъ походѣ.

Наконецъ, еще черезъ два года, въ 1552 году, рѣшили идти подъ Казань лѣтомъ. Собрано было 150,000 войска. Царь выступилъ самъ изъ Коломны іюля 3-го, 1552 года. Войска шли тремя путями. Волгой сплавляли запасы, пушки,

порохъ, всякіе снаряды и тяжести. Часть войска съ царемъ пошла на Владиміръ, а другая—черезъ Рязань, къ Сурѣ. Походъ былъ веселый. Пищи было обиліе. Въ чистыхъ поляхъ лоси словно сами выходили стадами на убой. Гуси и бѣлые лебеди стадами плавали въ тихихъ заводяхъ; рѣки кишѣли рыбою. Шли словно не въ походъ, а на охоту, и на привалахъ и ночлегахъ жарили добычу какъ для пира. Жители — Русскіе, Мордва, Мещера, Черемиса подвозили хлѣба и съ любопытствомъ разглядывали войска, бояръ, юнаго царя. Казанцы тоже готовились принять гостей, и писали государю: «Ждемъ васъ на пиръ: не въ первый разъ бѣжать вамъ со срамомъ отъ нашего юрта». 30,000 заперлись въ своемъ крѣпкомъ городѣ съ высокими каменными мечетями, башнями и съ толстыми, дубовыми и земляными стѣнами; остальное же войско и всю свою конницу поставили за лѣсомъ, подъ начальствомъ своего хитраго князя Епанчи, и условились съ нимъ, какъ скоро они выставятъ на башнѣ знамя и станутъ махать имъ, то это значитъ, что Русскіе идутъ на приступъ—и чтобъ Епанча ударилъ на нихъ съ тыла. Распорядясь такъ, они смѣло поджидали нашихъ—и вотъ 23-го августа увидѣли при восходѣ солнца, что русскіе полки, съ музыкой и распущенными знаменами, между которыми выше и шире всѣхъ развѣвалась царская хоругвь съ изображеніемъ Іисуса Христа, подходятъ къ городу и растягиваются, чтобы обложить его съ разныхъ сторонъ. Какъ только увидали себя лицомъ къ

лицу обѣ силы,—и русская, и татарская,—въ тотъ же день перевѣдались между собою въ кровавой схваткѣ, и съ перваго раза поняли, что дѣло пойдетъ на упоръ съ обѣихъ сторонъ. Царь съ воеводами и со своимъ розмысломъ,— т. е. нѣмцемъ-инженеромъ, умѣвшимъ вести подкопы въ землѣ, чтобы порохомъ взрывать башни и стѣны, — всѣ первые два дня не сходилъ съ коня, высматривая мѣста, гдѣ ставить пушки, откуда приступать къ городу, и куда вести подкопы. На четвертый день, 27-го августа, наши открыли огонь изъ 150 пушекъ. Казанцы отвѣчали тѣмъ же, и начался почти непрерывный, остервенѣлый бой. Больше всѣхъ донималъ нашихъ хитрый князь Епанча. Наши осаждали Казань, а онъ словно насъ держалъ въ осадѣ. Наши не пускали въ Казань хлѣба, а онъ отбивалъ хлѣбъ, который везли къ намъ, и являлся всегда тамъ, гдѣ его меньше всего ожидали. Чтобъ его истребить — пришлось отрядить противъ него половину войска. Царь думалъ сначала, что жаждой принудитъ Казанцевъ сдаться, потому что Казань стоитъ на горѣ—и отъ воды не близко; онъ и перерѣзалъ всѣ ихъ пути къ Казанкѣ и къ рѣкѣ Булаку, но видитъ, что они все держатся. Узнали, что у нихъ около городской стѣны въ одномъ мѣстѣ есть родникъ, куда они ходятъ подземнымъ путемъ и берутъ воду. Царь приказалъ подъ этотъ ходъ подвести подкопъ. Десять дней рылись въ землѣ, и вдругъ рабочіе услыхали надъ собой голоса и шаги. Накатили въ этомъ мѣстѣ одиннадцать бочекъ пороху и зажгли

фитиль: послѣдовалъ взрывъ — и часть стѣны и тайникъ полетѣли на воздухъ. Но Казанцы не уныли духомъ, принялись съ самомъ городѣ рыть колодезь; дорылись таки до воды; вода оказалась мутная и вонючая, но они пили ее черезъ силу, пухли и болѣли, но не сдавались. Русскіе били въ стѣны изъ пушекъ и таранами, кидали огромные камни, выстроили великіе туры или подвижныя башни, придвинули ихъ къ стѣнамъ и съ нихъ стрѣляли въ городъ на улицы, изъ пищалей и луковъ. Но ничто не помогало. Чуть не каждый день высыпали Казанцы густыми толпами то изъ тѣхъ, то изъ этихъ воротъ, и завязывалась жестокая сѣча, такъ что войско наше потомилось таки довольно. Къ тому же пошли дожди; всѣ мѣста, гдѣ оно стояло, обратились въ болота, и одинъ разъ налетѣла такая буря, что много судовъ нашихъ потопила на Волгѣ, сорвала палатки воиновъ и даже царскій шатеръ. Стали говорить, что это неспроста, что это дѣйствіе нечистой силы, что у Казанцевъ есть кудесники: что при восходѣ солнца разные старики и бабы выходятъ на стѣны, кривляются и вопятъ страшнымъ голосомъ, и одеждами своими машутъ на русскій лагерь, этимъ накликаютъ вѣтеръ и облака, и изъ нихъ дождь льется рѣкою... Царь повелѣлъ послать на перекладныхъ въ Москву привезти крестъ съ частицами отъ древа креста Господня, и съ нимъ вокругъ всего нашего лагеря сдѣлать крестный ходъ съ иконами и кропить святою водою. Наступили красные дни. Войско ободрилось,

видя, что Богъ не токмо въ ничто обратилъ чары сатанинскія, но и многимъ благочестивымъ мужамъ въ сонномъ видѣніи возвѣщалъ скорое паденіе царства басурманскаго. Самъ царь во снѣ слышалъ — якобы изъ Казани звонъ знакомаго ему большаго колокола Симонова монастыря.

Время между тѣмъ уже подходило къ октябрю. Дѣло замѣшкалось оттого, что все ждали, когда будутъ готовы подкопы. Наконецъ къ 1-му числу октября розмыслъ, или инженеръ государевъ, объявилъ, что готовы два подкопа подъ главныя башни казанскія. Царь тотчасъ объявилъ по войску, чтобы всѣ причастились и исповѣдались, ибо приближается день, въ онь же пити всѣмъ общую чашу; приказалъ, чтобы въ ночь на 2-е число все было готово, и какъ черезъ два часа по восходѣ солнца взорвутъ подкопы, то чтобы со всѣхъ сторонъ кидались на приступъ. Самъ царь въ эту ночь въ своей походной церкви велѣлъ служить раньше заутреню. Вдругъ, главный воевода, князь Михайло Ивановичъ Воротынскій, присылаетъ ему сказать, что 45 бочекъ пороху ужь въ подкопѣ, что Казанцы свѣдали о нашемъ дѣлѣ, и что нельзя терять ни минуты. Царь велѣлъ выстроиться полкамъ какъ можно тише, а самъ остался дослушать заутреню. Діаконъ читалъ Евангеліе и едва произнесъ: «Да будетъ едино стадо и единъ пастырь»—вдругъ грянулъ громъ, земля затряслась. Царь бросился къ выходу изъ шатра, и видитъ: заря сіяетъ на небѣ, небо чисто и ясно: полки русскіе, словно притаясь,

стоятъ передъ стѣнами казанскими и въ тишинѣ дожидаются знака,—а надъ Казанью стоитъ темный высокій столбъ дыму, вверху освѣщаемый розовыми лучами восходящаго солнца,—и глыбы земли, обломки башенъ и стѣнъ, люди, бревна, поднятые силою взрыва, падаютъ изъ этого дымнаго столба со страшной высоты на городъ... Служба прервалась было, но царь велѣлъ доканчивать и вернулся на свое мѣсто. Діаконъ сталъ читать на эктеніи молитву о царѣ—и какъ только произнесъ: «и покорити подъ нозѣ его всякаго врага и супостата»,—раздался новый ударъ, взорвало другой подкопъ, еще грознѣе перваго. Вслѣдъ затѣмъ раздался крикъ всего русскаго войска: «Съ нами Богъ». Царь вышелъ еще изъ шатра и видѣлъ, какъ полки кинулись къ проломамъ,—къ стѣнамъ; они ставятъ лѣстницы, а на стѣнахъ вдругъ высыпали головы татарскія, и видно было, что тамъ все задвигалось: наши лѣзутъ на стѣны, а Татары льютъ на нихъ изъ тагановъ горящую смолу и скатываютъ бревна; въ проломахъ, на грудахъ земли и камней, въ страшной давкѣ—и конные и пѣшіе уже втискиваются въ городъ... Царь вернулся опять въ церковь, жарко молилъ о побѣдѣ; прибѣжалъ къ нему посланецъ отъ князя Воротынскаго, со словами: «Государь, пора тебѣ ѣхать, полки ждутъ тебя». Царь отвѣчалъ: «Какъ отслушаемъ всю службу, то и совершенную милость отъ Христа получимъ». Воротынскій прислалъ вторично. Служба кончилась. Царь причастился Св. Таинъ, одѣлъ доспѣхи,

сѣлъ на коня и поскакалъ со своимъ полкомъ: русскія знамена ужь развѣвались на стѣнахъ Казани.

Свирѣпый бой шелъ въ самомъ городѣ. Толпы Татаръ, тѣснимыя уже изнутри города, по трупамъ взлѣзли въ одномъ мѣстѣ на стѣну, замахали и завопили Русскимъ: «Погодите стрѣлять! пока стояло наше царство и городъ нашъ, мы бились за него и за царя нашего. Теперь выдаемъ вамъ царя своего жива и здрава; ведите его къ вашему царю, а мы выйдемъ въ широкое поле испить съ вами послѣднюю чашу». И выдали своего царя, и вдругъ стали прыгать со стѣнъ, хотѣли пробиться къ лѣсу, и всѣ пали, но много положивъ и нашихъ.

Царь въѣхалъ въ городъ, по кровавой улицѣ, съ которой для того поприбрали трупы, и тутъ въ городѣ его поразило неожиданное зрѣлище: его встрѣтила толпа Русскихъ, только что освобожденныхъ плѣнниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые многіе годы томились въ неволѣ казанской. Увидѣвъ государя, блѣдные, худые, едва прикрытые, они кинулись на колѣни, и кричали: «Отецъ ты нашъ! избавитель ты нашъ! изъ ада ты насъ вывелъ! для насъ, сиротъ своихъ, головы своей не пощадилъ!» Царь велѣлъ ихъ отвести въ свой станъ и кормить со своего стола. На другой день городъ былъ очищенъ отъ труповъ; царь, духовенство, войско торжественно вступили въ Казань: духовенство впереди шло съ церковными хоругвями и крестами; обошли стѣны, кропили святою водой—и выбравъ

мѣсто для постройки соборнаго храма, водрузили на немъ крестъ. Храмъ порѣшено строить во имя Благовѣщенія: да послужитъ сіе первое наше завоеваніе благою вѣстію послѣдующихъ... Воротясь же въ Москву, государь, въ память взятія Казанскаго, построилъ въ Москвѣ Покровскій соборъ, что̀ нынче называется *Василіемъ Блаженнымъ:* на этомъ мѣстѣ прежде было кладбище, на которомъ похороненъ былъ и этотъ блаженный.

Такъ совершилось покореніе Русскими одного изъ царствъ Магомета... Но не однимъ оружіемъ побѣдила Россія Казанцевъ и въ теченіе времени сдѣлала изъ нихъ себѣ дружественный, мирный, трудолюбивый народъ: водрузивъ въ Казани знамя Христово и учредивъ тамъ новую, Казанскую епархію, и отправляя управлять ею св. Гурія, царь предписалъ ему такъ поступать съ мусульманами: «Которые Татары захотятъ креститься волею, а не отъ неволи,— тѣхъ велѣть крестить и лучшихъ держать при себѣ, поучать закону христіанскому и покоить; и всѣхъ приходящихъ съ челобитьемъ приводить къ христіанскому закону, при чемъ разговаривать съ ними кротко, тихо, съ умиленіемъ, а не жестоко и не со страхомъ...» Этотъ наказъ былъ выполненъ св. Гуріемъ и его преемниками какъ нельзя лучше: очень скоро нѣсколько тысячъ магометанъ и язычниковъ обратилось въ христіанство. Царь казанскій потомъ съ семействомъ своимъ просилъ креститься въ Москвѣ, присягнулъ Россіи и получилъ отъ государя помѣстья.

По паденіи Казанскаго царства не могло долго держаться и Астраханское. Царь спустилъ по Волгѣ двухъ воеводъ съ войскомъ, и они безъ большихъ хлопотъ заняли Астрахань. Вся Волга была уже въ нашихъ рукахъ, и въ Москву явились посланники отъ персидскаго шаха, отъ бухарскаго и хивинскаго хановъ и другихъ закаспійскихъ народовъ, чтобъ уговориться насчетъ торговли съ Москвой. Доставивъ теперь торговымъ людямъ прямой доступъ къ Азіи и берега Каспійскіе, Иванъ Васильевичъ хотѣлъ открыть такой же доступъ и къ Балтійскому морю и овладѣть всѣмъ теченіемъ Западной Двины. Съ этой цѣлью начата была имъ война ливонская; царь взялъ всю Ливонію, рыцари объявили свой орденъ кончившимся и поддались Польшѣ. На бѣду нашу, въ Польшѣ въ это время случился храбрый и умный король Стефанъ Баторій—и война, тянувшаяся двадцать лѣтъ, кончилась неудачно: потерею всѣхъ нашихъ завоеваній въ Ливоніи. Но объ этомъ я разскажу послѣ, а теперь докончу только о третьемъ татарскомъ царствѣ, доставшемся Ивану Васильевичу ужь подъ конецъ его жизни—о царствѣ Сибирскомъ.

V.

Завоеваніе Сибири.

Когда вся Волга досталась въ наши руки, государи московскіе должны были заботиться, чтобы по ней плаваніе для торговыхъ каравановъ было безопасное. По Волгѣ и по Дону и при Татарахъ еще жило довольно много русскихъ людей, выходившихъ селиться въ степь по этимъ рѣкамъ и далѣе даже въ Кавказскія горы, на рѣку Терекъ. Хотя эти люди не прерывали своихъ связей съ далекой родиной, крѣпко держались вѣры отеческой и русскихъ обычаевъ, и называли себя людьми государевыми, вольными казаками, — однако государи московскіе, за дальностью, управлять ими и помышлять объ нихъ не могли. На жалобы разныхъ татарскихъ хановъ, что казаки ихъ грабятъ, изъ Москвы частенько отвѣчали, «что степь велика — и государямъ за казаками смотрѣть не можно». Сами же казаки своей постоянною войною съ Татарами не мало намъ приносили пользы, постоянно тревожа Казань и Астрахань. Когда же эти царства были взяты, на Волгѣ, по старой памяти, продолжали собираться въ шайки разные гулящіе люди—и изъ Россіи, и изъ казаковъ, и нападать безъ разбору на всѣ суда, идущія по Волгѣ. Напрасно государь приказывалъ изъ Москвы, чтобъ они надъ государевой казной и торговыми людьми никакого воровства

не чинили. Вольница не унималась; атаманы ея разгуливали по Волгѣ и по Каспійскому морю, словно сами какіе цари морскіе, и царскаго приказа не слушались. Число ватагъ все росло и росло. Нѣкоторые атаманы сдѣлались грозою для судоходовъ. Между прочими особенно страшно для нихъ сдѣлалось имя атамана Ермака Тимоѳеича.

Такъ-то некрасиво встрѣчается намъ въ первый разъ имя Ермака, знаменитаго покорителя Сибири. Кто же былъ этотъ Ермакъ? и откуда онъ взялся? и какъ это случилось, что имя прежняго разбойника—теперь съ благодарностью и уваженіемъ поминается всѣми на святой Руси?

Есть извѣстіе, что дѣдъ Ермака, по имени Аѳанасій Григорьевичъ Аленинъ, былъ посадскій человѣкъ города Суздаля; жилъ тамъ въ великой скудости, переѣхалъ потомъ во Владиміръ съ двумя сыновьями, Родіономъ и Тимоѳеемъ, и промышлялъ извозомъ; нанимался иногда возить и разбойниковъ въ Муромскихъ лѣсахъ, да вмѣстѣ съ ними и попалъ въ тюрьму; изъ тюрьмы потомъ бѣжалъ въ Юрьевъ Повольскій, гдѣ и умеръ, а дѣти его переѣхали жить на рѣку Чусовую, въ нынѣшнюю Пермскую губернію, въ вотчины именитыхъ людей Строгановыхъ.

Строгановы были важные и умные люди. Они выпросили себѣ у государя пустопорожнія земли между рѣками Камой и Чусовой, около Уральскихъ горъ, для того, что тамъ удобно варить соль—и всякой руды много. Царь далъ имъ земли съ тѣмъ, чтобъ ужь они сами тамъ всѣмъ рас-

поряжались: и народъ селили бъ, и городки бы строили, и ружья и пушки имѣли бы, и ратныхъ людей, и сами бы оборонялись отъ сосѣднихъ дикихъ народцевъ.

И Строгановы начали устраивать этотъ край—и вели дѣло умно, и за всякой своей нуждой сами переписывались съ царемъ. Вотъ у нихъ-то и поселились сказанные выходцы, Родіонъ съ Тимоѳеемъ, и родились у нихъ дѣти: между прочими у Тимоѳея былъ сынъ Василій.

Этотъ Василій былъ удалой малый; красавецъ собой; роста средняго; волосы имѣлъ темные, бороду—черную, былъ силенъ и рѣчистъ. Онъ ходилъ на стругахъ по Волгѣ и Камѣ, и когда былъ еще кашеваромъ въ своей артели, товарищи придали ему прозвище Ермакъ, что̀ означаетъ таганъ артельный. Но не ужился Ермакъ у Строгановыхъ: тѣсно ему было жить въ работникахъ, захотѣлось поискать своей долюшки. Манила его жизнь удалая, Волга-матушка, широкое раздольице. Тамъ погуливаютъ люди вольные, казаки государевы, ходятъ—высоко держатъ голову, славой своей и казной похваляются, съ басурманами сражаются за вѣру христіанскую. Пошелъ къ нимъ Ермакъ, да скоро и въ атаманы попалъ. Что тутъ было имъ по Волгѣ подѣлано, сколько годовъ тутъ было погуляно, много ли на душу грѣха было принято,—доподлинно неизвѣстно. Видно только, что или не совсѣмъ воромъ и разбойникомъ считалъ себя Ермакъ, или можетъ быть хотѣлъ заслужить милость царскую,—только, когда разъ взбунтовались Чере-

мса и казанскіе Татары, и царь посылалъ на нихъ воеводъ своихъ—Ермакъ со своею шайкою ходилъ воеводамъ помочь, царю послужить. Угомонили бунтовщиковъ—отплылъ онъ опять разгуливать по Волгѣ-матушкѣ, по морю Хвалынскому. Громче прежняго купцы хивинскіе, бухарскіе, персидскіе и наши стали жаловаться, что на Волгѣ отъ воровства и шалостей способа нѣтъ. Строже прежняго стали грозить изъ Москвы. Наконецъ стряслась бѣда важная. Ѣхалъ въ Москву персидскій посланникъ. Ермаковы люди во хмѣлю и задрали людей посланниковыхъ. Вышла драка, руки расходились, самъ посланникъ былъ убитъ. Тутъ грозный царь опалился, послалъ воеводъ наказать царскихъ ослушниковъ, очистить Волгу отъ разбоевъ. Пришлось волжскимъ удальцамъ противъ царя воевать. Воеводы разбили ихъ огромное скопище. Которыхъ разбойниковъ изловили, которыхъ загнали въ степь, въ море. Ермакъ же, чуть заслышалъ о приходѣ воеводъ, скрылся невѣдомо куда. Объявлено было, что гдѣ только окажутся главные атаманы, тѣхъ брать, вязать и вѣшать безъ всякаго разговора. Въ ихъ числѣ изъ самыхъ главныхъ поименованы—и Ермакъ Тимоѳеичъ, и товарищъ его Иванъ Кольцо.

Плохо пришлось Ермаку Тимоѳеевичу. Пробрался онъ въ мѣста прикамскія съ разбитой своей шайкою, съ худой своей славушкой. Напала на него лютая тоска. Вотъ она куда завела воля вольная, удаль молодецкая: вышелъ на Волгу добрымъ молодцомъ, вернулся царскимъ ослушни-

комъ! Никуда показаться нельзя: по Волгѣ ходить — все ворами слыть, въ Казань, въ Астрахань пойти—быть повѣшену! Ужь нашелъ же ты, Ермакъ, свою долюшку, шатался-мотался по чисту полю, да по синю морю, и выслужилъ награду царскую: всего два столбика съ перекладинкой — на ней петелька шелковая. Все-то теперь Ермаку опротивѣло. Хотя бы все бросить, да въ монастырь пойти. Надо сказать, что Ермакъ не походилъ на другихъ атамановъ: церковь почиталъ и въ шайкѣ своей держалъ порядокъ, и злодѣйства не допускалъ, и за всякое дѣло нехристіанское виновныхъ въ мѣшокъ съ каменьями зашивалъ, да въ воду опускалъ. Повѣдалъ, видно, свою кручину Ермакъ Тимоѳеевичъ своимъ родичамъ: тѣ поговорили Строгановымъ, а Строгановы были умные старики; руки имъ были надобно. Согласились они Ермаку въ бѣдѣ помочь. И послали къ нему ласковую грамоту съ такими рѣчами: «Чѣмъ мотаться тебѣ по бѣлу свѣту, ты бы, Ермакъ Тимоѳеевичъ, послужилъ честнымъ людямъ, а у насъ про тебя дѣло нашлось бы. Пожаловалъ намъ государь земли за Угорскимъ камнемъ, по рѣкамъ по Тагилю и по Тоболу, а мы бы тамъ острожки поставили, чтобы на государевы земли сибирскимъ народцамъ, Остякамъ и Вогуламъ, а тѣмъ паче сибирскому царю, татарину Кучуму, путь перехватили; которые народцы царю покорность изъявятъ, съ тѣхъ бы мы дани принимали и къ царю бы отсылали; а какіе купцы пойдутъ, тѣхъ бы мы оберегали. И ты бы, Ермакъ Тимо-

ѳеевичъ, намъ это дѣло справлялъ; ты бы набралъ вольныхъ людей, охотниковъ, а мы бы тебѣ все нужное дали; послужилъ бы ты царю вѣрой правдою, и заслужилъ бы прежніе грѣхи свои».

Какъ получилъ эту грамоту Ермакъ Тимоѳеевичъ, созвалъ онъ казацкій кругъ и вышелъ къ нему со свѣтлымъ лицомъ, и велѣлъ передъ всѣми читать грамоту. «Кто хочетъ, братцы, со мной иди; кто не хочетъ—тому воля вольная. А ужь я вамъ не товарищъ. Кто же со мной пойдетъ, тотъ на словѣ крѣпко стой, чтобъ ужь воровства и пакости за нами не водилось». И всѣ его любимые товарищи, храбрые есаулы—Иванъ Кольцо, да Иванъ Гроза, Яковъ Михайловъ, Никита Панъ, Матвѣй Мещерякъ—всѣ возрадовались: «Намъ безъ тебя, Ермакъ Тимоѳеевичъ, все равно пропадать. Куда ты, туда и мы. За тебя головы свои положить согласны». И набралось съ ними еще пятьсотъ сорокъ человѣкъ. И пошли они въ Чусовые городки, и приняли ихъ именитые люди Строгановы съ великою честью. И стали снаряжать за Югорскій камень; дали отъ себя еще триста человѣкъ ратныхъ людей, и Литвы, и Нѣмцевъ, и Татаръ, и Русскихъ; снабдили ихъ одежей, и запасами, и воинскими доспѣхами, и ружьями, и маленькими пушечками; свинцу и пороху дали вдоволь, да шесть поповъ, да вожаковъ и переводчиковъ, и проводили ихъ съ молебномъ на судахъ въ дальній путь, въ неизвѣстную землю Сибирскую.

Шелъ Ермакъ по рѣкѣ по Чусовой, потомъ по Серебряной, перетащился волокомъ въ Жаравлю рѣку; тамъ построилъ легкія лодочки-коломенки, поплылъ Жаравлей рѣкой въ Тагиль рѣку; изъ Тагиля вошелъ въ Туру рѣку... Сторона была пустынная, тишина глубокая, ясное время стояло, сентябрь мѣсяцъ. Шли казаки скоро и весело. По рѣкамъ птицы, по берегамъ звѣря — великое множество. Какъ выстрѣлятъ изъ ружья — все всполошится, выстрѣлъ-то по пустыннымъ мѣстамъ далеко перекатывается, чуть ли не на всю Сибирь. Лодочки идутъ, казаки пѣсни поютъ: эхъ, сторона-то богатая!.. Только рѣдко-рѣдко гдѣ пашеньки попадутся; рѣдко-рѣдко гдѣ выглянутъ люди дикіе и прочь побѣгутъ. Только вотъ глядятъ казаки — словно войско стоитъ. Войско зашевелилося: аль встрѣчать идетъ непрошеныхъ гостей? Вышли казаки на берегъ, да какъ грянули изъ ружей — все войско попадало. Засмѣялись казаки, пошли ходить между лежащими, стали искать ихъ набольшаго. Чуть начнутъ Сибирцы подымать головы, опять кто нибудь выстрѣлитъ — и тѣ опять носомъ уткнутся въ землю. Нашли наконецъ набольшаго; оказалось, что войско велъ сибирскаго царя Кучума мурза Таузакъ. Ермакъ обошелся съ нимъ ласково, угощалъ и выспрашивалъ про царя Кучума и про мурзъ его и улановъ, и гдѣ его столица, и сколько у него силы, и далеко ли и какъ идти туда, — отпустилъ его домой. Мурза прибѣжалъ къ Кучуму и на всѣхъ нагналъ страхъ своими разсказами: «Такіе, молъ, идутъ люди,

роду русскаго, какихъ и не видано; сами сильные, а когда стрѣльнутъ изъ луковъ своихъ, то изъ конца дымъ и огнь исходитъ и громко голкнетъ, аки громъ на небеси; стрѣлъ исходящихъ не видать, а уязвляютъ ранами и смертью побиваютъ, и защищаться отъ нихъ никакими ратными збруями не можно; ни куяки, ни панцыри, ни кольчуги наши не держатъ, все пробиваетъ на вылетъ». Это ихъ такъ ружейная пальба перепугала. Ружья-то они еще не видывали, — и у насъ оно недавно завелось, при томъ же царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ. Пушки-то были и до него.

Царь Кучумъ переполошился, а съ нимъ и мурзы, и муллы его, и князьки, и шаманы сибирскіе. Собрались на совѣтъ. Шаманы говорили, что съ этими людьми приходитъ гибель Кучумову царству; что въ воздухѣ, надъ самой Кучумовой столицей, всѣ видѣли городъ, а въ этомъ городѣ—каменныя башни, на башняхъ висятъ колокола, а на верху кресты; что, извѣстно, такіе города—русскіе, и показываются они теперь на небѣ, и, того гляди, сойдутъ на Сибирскую землю, и вся Сибирская страна наполнится русскими людьми и русскими городами. Кучумъ, будучи мусульманиномъ, хоть и презиралъ шамановъ, но побаивался ихъ; говорилъ, что они врутъ, а самъ разспрашивалъ объ огненной пальбѣ. Нашлись, которые видали ружье въ Перми и у Строгановыхъ, и говорили, что отъ грома его вреда не дѣлается никакого, а прошибаетъ только

пулька,—что, все равно, и стрѣла вѣдь ранитъ смертельно. Понялъ ли, не понялъ ли Кучумъ, только тотчасъ повѣстилъ, чтобы самоскорѣйше подымались и шли къ нему всѣ подвластные ему мурзы и уланы, и Татары, и Остяки, и другіе Сибирцы. Самъ онъ заперся въ главномъ своемъ юртѣ, въ городкѣ, называемомъ Сибирь или Искеръ; а сыну своему или племяннику, доподлинно неизвѣстно, по имени Мегметъ-Кулу, назначилъ идти съ большою ратью на Ермака, и чтобъ онъ старался уничтожить Русскихъ; «если жь паче чаянія, не возьмешь силой, то тревожь и истребляй ихъ всѣми мѣрами, а главное старайся заманить ихъ на Иртышъ: тамъ же мы устроимъ засаду и всѣхъ перебьемъ ихъ навѣрное». Этотъ Мегметъ-Кулъ считался самымъ славнымъ Сибирскихъ странъ богатыремъ: великанъ ростомъ, силы непомѣрной, онъ въ своихъ золотыхъ одеждахъ, отороченныхъ соболями, въ чешуйчатыхъ латахъ на груди и въ золотомъ шлемѣ съ орлиными крыльями, далеко виденъ былъ и между своею татарскою конницей, а тѣмъ паче надъ малорослыми Сибирцами, съ головы до ногъ одѣтыми въ звѣриныя шкуры.

Мегметъ-Кулъ сталъ на Тоболѣ рѣкѣ, между Тавдою и Иртышемъ, и дожидалъ нашихъ, стараясь главное объяснить своему войску про ружейную стрѣльбу, чтобы ея не боялись; молилъ стоять крѣпко, потому что по сибирскимъ правамъ, кто побѣдитъ, того и земля будетъ и люди. Провѣдавъ, что казаки недалеко отъ него высадились, послалъ

онъ на нихъ впередъ свою конницу, а вслѣдъ за ней и пѣшее войско съ копьями и стрѣлами. Казаки встрѣтили ихъ выстрѣлами изъ пушекъ и ружей. Тѣ было дрогнули, но скоро опомнились, особенно Татары; да и Сибирцы ужь не падали отъ грома, а только разбѣгутся, да опять скучатся и стрѣляютъ изъ луковъ. Казаки кинулись на нихъ въ рукопашь; сѣча была зла; но, видя паденіе многихъ своихъ, войска Мегметъ-Куловы не выдержали и побѣжали. У нашихъ тоже были и убитые, и раненые. Ермакъ поплылъ дальше, внизъ по Тоболу, спѣша на Иртышъ, гдѣ Кучумовъ юртъ. Дорогой былъ еще бой: разбили казаки Кучумова мурзу Карачу и взяли его юртъ и богатую добычу—золота, припасовъ, меду,—и перетащили все на свои коломенки.

Разсказываютъ, что юртъ этотъ взяли они хитростью. Понадѣлали чучелъ изъ соломы, надѣли на нихъ кафтаны и шапки, — и привязали въ лодкахъ, оставивъ при нихъ малое число людей, а сами тайно высадились на берегъ. Подошли лодки и стали противъ юрта. Высыпали Татары на берегъ, и стали пускать стрѣлы. Стрѣляютъ и дивуются, какіе это люди русскіе — крѣпкіе: стрѣлъ въ нихъ что въ снопики налѣплено, а они всѣ невредимы стоятъ. Настоящіе же казаки тѣмъ временемъ зашли Татарамъ въ тылъ, и вдругъ толкнули изъ ружей. Такъ юртъ и взяли.

Мегметъ-Кулъ между тѣмъ не терялъ казаковъ изъ виду, по высокому берегу въ нѣкоторомъ разстояніи провожая

ихъ своею конницею; гдѣ рѣка съуживается между горъ, онъ засядетъ на горахъ за кустами, и сыплетъ внизъ на плывущихъ стрѣлы и камни. При впаденіи Тобола въ Иртышъ Ермакъ счелъ наконецъ за нужное отдѣлаться отъ своихъ провожатыхъ, причалилъ къ берегу, храбро напалъ на нихъ и заставилъ бѣжать. Убитыхъ тутъ у насъ не было, но почти всѣ казаки были уже ранены. Многіе стали призадумываться. Нужно было хоть гдѣ нибудь остановиться отдохнуть; исходилъ второй мѣсяцъ ихъ похода, наступало 22-е октября. Войдя въ Иртышъ, Ермакъ повернулъ внизъ по рѣкѣ; казаки скоро увидали какое-то старое городище, удобное для привала, и, не встрѣчая на всемъ Иртышѣ непріятеля, расположились въ городищѣ. Но это-то и была устроенная Кучумомъ засада. На это-то городище Кучумъ и разсчитывалъ. Онъ велѣлъ заблаговременно совсѣмъ его очистить и оставить пустымъ. Близъ него же стоитъ высокая гора Чувашева; на этой горѣ расположился самъ Кучумъ съ половиной своего войска; а другую половину, подъ начальствомъ Мегметъ-Кула, укрылъ онъ съ другой стороны городища, сдѣлавъ для того нарочно засѣку и обведя ее валомъ. Завидя казаковъ, Татары притаились въ своихъ мѣстахъ. Казаки же ужь вечеромъ подплыли къ городищу, стали пищу варить и готовить себѣ ночлегъ, какъ вдругъ замѣчаютъ, что въ засѣкѣ людей — видимо-невидимо; свѣдавъ, что и на Чувашевой горѣ стоитъ самъ Кучумъ, и что они окружены всей его силой,— они, усталые и ране-

ные, вдругъ впали въ страхъ и отчаяніе, собирались въ круги и требовали, чтобы ночью же садиться на суда и ѣхать назадъ. Есаулы стали было уговаривать, а имъ отвѣтили: «Да вы посмотрите: ихъ, вѣдь, нехристей — тьмы, а мы всѣ на перечетъ. Сколько товарищей уже похоронили! Понесла насъ нелегкая по невѣдомымъ рѣкамъ — ужли жь затѣмъ, чтобъ берега утыкать крестами надъ казацкими могилами? Погуляли, страху задали, добычи понабрали, пора и честь знать, домой поворотить, чего еще дожидаться?» Слыша такія рѣчи, пріуныли и есаулы, и старшіе по Ермакѣ атаманы, его помощники—Иванъ Кольцо да Иванъ Гроза. Ермакъ одинъ сидѣлъ поодаль, поглядывалъ на засѣку Мегметъ- Кулову и на круги своихъ казаковъ — и очень хорошо зналъ, о чемъ тамъ дѣло идетъ. Приходятъ и говорятъ ему Иванъ Кольцо и Иванъ Гроза, что дѣло плохо, казаки бунтуются. «Пусть наговорятся, натѣшатся», отвѣчалъ Ермакъ. И давши имъ наговориться, позвалъ онъ всѣхъ въ большой кругъ; вышелъ, поклонился и началъ рѣчь: «Что же, братцы, сказалъ онъ:— аль ужь и впрямь приходится намъ бѣжать?»—«Да ужь впередъ-то, кажись некуды; всѣ пути перехвачены», загуторили въ толпѣ. «Одно худо, продолжалъ Ермакъ:—время позднее, рѣки скоро станутъ, до дому не добредемъ, придется зимовать въ глуши—Богъ вѣсть гдѣ и Богъ вѣсть какъ. Пожалуй, въ такомъ мѣстѣ замерзнемъ, гдѣ ни Татарва проклятая, ни Сибирь ихъ немшоная, ни Чудь заблудящая не

подумали—теплыхъ хоромъ намъ не поставили и хлѣба не напахали... Одно только мѣсто для зимовки доброе я знаю, это Кучумовъ юртъ, Сибирь городокъ... Стыдно вамъ, братцы, продолжалъ онъ съ негодованіемъ,—а еще казаки, православные христіане! Какое помышленіе въ сердца свои попустили! усумнились въ помощи Господней! Что̀ на̀ Перми, да на Чусовой отъ этихъ поганыхъ нехристей церквей Божіихъ поругано да пожжено, — народу христіанскаго, русскаго, стариковъ и младенцевъ, помучено, да побито. Того ради Всемогущій Богъ мститъ имъ, окаяннымъ, за кровь неповинную. Нешто мы воровать сюда пришли? Слава Тебѣ Господи, отъ воровства великій обѣтъ дали отстать, царю̀ и честнымъ людямъ, и всему христіанству послужить пошли, и крестъ цѣловали. Вспомните — какими слезами тогда плакали? Какіе обѣты выговаривали? Да всѣмъ намъ здѣсь помереть! А назадъ обратиться, страха ради и живота своего жалѣючи, намъ не можно: и срамъ и слова своего преступленіе! Ужь мы души свои Господу Богу заложили и Его волею идемъ; а что насъ мало, непріятелей же множество,—то вѣдь не отъ многихъ воевъ побѣда бываетъ, но свыше отъ Бога помощь дается; можетъ и безпомощнымъ Богъ помочь; и насъ не покинетъ Онъ, видя сердца наши — чисты и дерзновенны; уповайте на Него твердо, и памятуйте, что̀ дастъ Господь, постоимъ крѣпко,—то и по смерти нашей память наша не оскудѣетъ въ сихъ странахъ, и слава объ ней пойдетъ во-вѣки».

Не дали Ермаку дальше говорить; выходили впередъ атаманы и есаулы храбрые: Иванъ Кольцо да Иванъ Гроза, Мещерякъ Матвѣй, Никита Панъ, и другіе; всѣ говорили: «Всѣ мы готовы умереть за святыя Божія церкви, за вѣру православную пострадать, царю послужить. Постоимъ всѣ до единаго противъ поганыхъ, твердо до крови и до самой смерти. Всѣ на томъ и стоимъ за одну душу».

«Такъ, такъ, заговорилъ казацкій кругъ,—ужь во всемъ на тебя, Ермакъ Тимоѳеевичъ, полагаемся; ты, извѣстно, человѣкъ не намъ чета. Безъ тебя бъ давно ужь намъ всѣмъ пропасть».

Похвалилъ Ермакъ такія рѣчи и велѣлъ потомъ отслужить молебенокъ. И вынесли попы крестъ и Евангеліе, аналойчикъ поставили, засвѣтили свѣчечки... и ужь ночь сіяла всѣми своими звѣздами, когда казаки сторожей разставили, а сами полегли соснуть, крѣпкіе духомъ на завтрашніе подвиги.

И на утро, какъ только отъ солнца освѣтило блистаніемъ свѣтлыя облака, вывелъ Ермакъ свою дружину изъ городища и указалъ на засѣку. «Съ нами Богъ!» крикнули казаки яко едиными устами, дали залпъ и побѣжали на приступъ; Татары выпустили тучу стрѣлъ. Многіе изъ нашихъ попадали; другіе замялися; видя то, Татары въ трехъ мѣстахъ разломали сами засѣку и кинулись всей аравою, думая взять множествомъ—и въ тѣснотѣ не дать стрѣлять изъ ружей. Тутъ-то проявилась сила богатырская, бой по-

шелъ на жизнь и смерть; топоры и сабли въ ходъ пошли; дрались въ рукопашную, — на одного казака приходилося по десяти, по двадцати, по тридцати человѣкъ. Ермака Богъ хранилъ, а съ нимъ у всѣхъ удесятерялась сила: вездѣ поспѣвалъ онъ во-время; отъ одного его вида толпа разбѣгалась... Но столбъ Кучумова царства, душа его войска — надломилась: палъ храбрый Мегметъ-Кулъ, раненый; едва успѣли отбить его, еле жива, и отвесть за Иртышъ. Разстроились его Татары и побѣжали; остяцкіе князьки, стоявшіе у Кучума, вмѣсто того, чтобы поддержать Татаръ, повернули коней и отвели войска во-свояси. Остался Кучумъ одинъ на горѣ съ немногими приближенными, стоялъ какъ ошеломленный, горько заплакалъ и побѣжалъ. Добѣжалъ онъ до столицы своей, гдѣ царствовалъ сорокъ лѣтъ, захватилъ кое-что изъ сокровищъ, и устремился на старости лѣтъ въ скитальческій путь, съ сокрушеніемъ промолвивши: «Нѣтъ такой радости, которая бы потомъ не сложилась на печаль». Скитаясь по степямъ, въ горѣ, онъ потомъ ослѣпъ.

Побѣда Ермака была полная, хотя досталась не дешево. Пятая часть всей дружины его, сто семь воиновъ полегло въ этомъ бою. Но Ермакъ не хотѣлъ терять времени и дать врагамъ опомниться. На другой же день пошелъ къ Кучумовой столицѣ: она была отъ Чувашевой горы всего въ шестнадцати верстахъ. Шли безъ боязни, но приблизясь къ городу, и не слыша оттуда ни голоса, не видя ни лица

человѣческаго, усумнились — не кроется ли тутъ какое лукавство. Осторожно начали казаки входить въ городъ и увидѣли, что юртъ совсѣмъ пустъ. Видно было—люди пометались изъ него въ переполохѣ: все ихъ богатство тутъ валялось, золото, серебро, и каменья дорогіе, и ткани золотыя, и куньи и собольи мѣха, и всякія яства недоѣденныя. Увѣрясь, что лукавства никакого нѣтъ, Ермакъ велѣлъ служить благодарственный молебенъ, съ крестами и святой водою обошелъ вокругъ города, посвящая его истинному Богу, и поздравилъ товарищей съ доброй зимовкой.

Отдохнули наши молодцы, поустроились въ городѣ. Три дня прошли тихо и мирно. На четвертый день показались остяцкіе князьки, подъѣхали, выложили Ермаку богатые дары и запасы, и били челомъ принять отъ нихъ присягу на вѣрность. За ними стали приходить жители съ семьями своими, присягали Ермаку — и онъ приглашалъ всѣхъ ихъ жить попрежнему въ городѣ. Городъ опять наполнился людьми. Ермакъ скоро всѣмъ полюбился, всѣмъ подъ нимъ житье было безобидное. Въ дружинѣ его съизначала заведенъ былъ порядокъ и послушаніе. Всякое дѣло студное наказывалось строго. Атаманы Иванъ Кольцо да Иванъ Гроза были у него помощниками. Все войско раздѣлялось на сотни; у каждой сотни было свое знамя, украшенное святыми образами; сотнями начальствовали есаулы. Подъ ними были пятидесятники и десятники. Туземцы стали даже радоваться, что избавились отъ Кучума. Кучумъ былъ въ

той сторонѣ пришлый царь, родомъ татаринъ; прежнихъ владѣтелей онъ побѣдилъ и самъ сѣлъ на ихъ мѣсто. Изъ дальнихъ улусовъ всю зиму на оленяхъ и собакахъ пріѣзжали остяцкіе и вогульскіе, и всякіе другіе сибирскіе владѣтели къ Ермаку, и тоже вступали въ подданство. Самъ Мегметъ-Кулъ, выздоровѣвшій отъ ранъ, попался въ плѣнъ; Ермакъ держалъ его подъ крѣпкою стражею, но честилъ и обходился съ нимъ дружески. Весною, какъ только прошли рѣки, Ермакъ пошелъ въ походъ внизъ по Иртышу до самой Оби — и гдѣ мирно, гдѣ боемъ привелъ всю страну подъ власть свою. Когда онъ возвращался назадъ, шествіе его было торжественно. На лодкахъ его играла музыка. У него были барабаны, сиповки, литавры и трубы. Казаки были одѣты въ праздничные кафтаны; все обшито было золотомъ. Жители выходили къ нему навстрѣчу, падали ницъ, выносили дары, куньи и собольи мѣха, просили его суда и славили его судъ... Обширныя земли были подвластны Ермаку; многіе народы несли ему дань; вѣнецъ Кучумовъ былъ въ его рукахъ... Ермакъ могъ бы возложить его себѣ на голову... Всякой вольницы изъ Россіи, съ Волги и съ Дону, къ нему потянуло бы множество, и былъ бы онъ силенъ и славенъ, и повелѣвалъ бы народами... Такъ бы и сдѣлалъ иной — только не русскій человѣкъ.

Куда бы ни зашелъ русскій человѣкъ, какою бы славою ни возвеличился, или какую бы дурь на себя ни напустилъ—

онъ только о святой Руси и думаетъ, и сердце его отъ нея не отрывается.

Принималъ Ермакъ эти почести — а думалъ о другомъ. Молча и подолгу поглядывалъ онъ въ ту сторонушку, гдѣ Русь православная: все-то тамъ живетъ честной народъ... для него же тамъ, на великой Руси, поставлены, стоятъ-дожидаются — два столбика съ перекладинкой, на ней петелька шелковая... Хоть полсвѣтомъ завладѣй, все онъ тамъ — воровской казакъ, государевъ измѣнникъ. Такъ въ царскомъ указѣ объ немъ сказано, пятно на имячко его крестное положено: это-то пятно и прожигало его душу, а смыть его могло тоже — только слово царское.

Воротился Ермакъ изъ похода, позвалъ попа, заперся въ своей земляночкѣ, караулъ поставилъ, чтобъ никто къ нему не входилъ, и велѣлъ попу писать. Самъ ходитъ по земляночкѣ, а попъ со словъ его пишетъ къ царю грамоту, — простую грамоту, гдѣ о себѣ Ермакъ ни слова не говоритъ и ничего не указываетъ, что̀ бы дѣлать государю. «Всемилостиваго въ Троицѣ славимаго Бога изволеніемъ, Пречистыя Его Матери и Святыхъ Угодниковъ и Чудотворцевъ Россійскихъ заступничествомъ, и тебя, Государя, Царя и Великаго Князя Іоанна Васильевича ко всещедрому Богу праведною молитвою и твоимъ государевымъ счастіемъ, царство Сибирское взяли и царя Кучума съ воями его побѣдили; и подъ твою высокую руку покорили многихъ жи-

вущихъ въ Сибири инородцевъ, Татаръ, Остяковъ и Вогуличей; и къ присягѣ ихъ привели, чтобы быть имъ подъ твоею государскою высокою рукою до вѣку, покамѣстъ Богъ изволитъ вселенной стояти; и чтобы имъ ясакъ давати тебѣ, великому Государю, безпереводно. А на русскихъ людей имъ зла никакого не мыслить: а которые похотятъ въ твою службу государскую, и тѣмъ служить прямо; недругамъ твоимъ государевымъ ни въ чемъ не спускать, и самимъ не измѣнять; къ царю Кучуму и въ иные орды и улусы не отъѣзжать, и во всемъ правомъ постоянствѣ стоять».

Велѣлъ онъ написать и другую грамоту—свои слова къ именитымъ людямъ Строгановымъ, увѣдомлялъ ихъ о дѣлахъ своихъ и просилъ переправить съ его грамотой посланца къ самому царю въ Москву. Написавши грамоты, позвалъ онъ атамановъ и есауловъ своихъ и спросилъ: «Кому ѣхать въ Москву передъ грознаго царя за воровскія дѣла отвѣтъ держать и бить челомъ царствомъ Сибирскимъ?»

«Кому же ѣхать, какъ не мнѣ», вызвался Иванъ Кольцо, Ермаковъ ближайшій другъ,—«имя мое великому государю свѣдомо; въ царскомъ указѣ написано; велѣлъ меня сыскать великій государь: самъ приду, свою голову принесу, а отъ тебя дорогой подарочекъ».

Поѣхалъ Иванъ Кольцо съ пятьюдесятью казаками. Остались Ермакъ съ товарищами дожидать, что̀ велитъ имъ сказать великій государь.

Иванъ Кольцо пріѣхалъ въ Москву въ самое печальное время. Только что заключенъ былъ съ Польшею миръ. По этому миру царь потерялъ всѣ свои завоеванія въ Ливонской землѣ, берега Балтійскаго моря, столь для Россіи необходимые, и Полоцкъ, и другіе города. Мраченъ былъ грозный царь. Это былъ уже не тотъ красивый юноша, что ровно тридцать лѣтъ тому назадъ бралъ Казань. Онъ ужь постарѣлъ и хворалъ, подозрѣвалъ, что окруженъ измѣною бояръ. Послѣ московскаго пожара, послѣ его покаянія и рѣчи на Лобномъ мѣстѣ, когда всѣ подданные его проливали слезы умиленія и простили всѣ другъ другу вины свои,—онъ думалъ, что всѣ, вмѣстѣ съ нимъ, перемѣнились къ добру; и точно приблизились къ нему тогда совѣтники умные и люди ратнаго дѣла храбрые, которые славно казанскій походъ справили, и всѣ казались государю преданы и готовы служить ему, не жалѣючи живота своего. Но по возвращеніи же изъ-подъ Казани съ царемъ случилось событіе, дозволившее ему, такъ-сказать, заглянуть въ душу всѣхъ его окружавшихъ: онъ заболѣлъ огненною болѣзнію, т. е. горячкою. Всѣ думали, что ужь онъ кончается; онъ самъ приготовился къ смерти и приказывалъ царство младенцу сыну своему. Но почти всѣ его вельможи и совѣтники не захотѣли присягать младенцу, боясь неурядицы при малолѣтнемъ царѣ, а выбирали на престолъ царскаго двоюроднаго брата Владиміра Андреевича, уже показавшаго умъ и храбрость при взятіи Казани. Три дня вокругъ

постели умирающаго царя спорили, кричали и ругались. На царя уже никто не обращалъ вниманія, словно его тутъ не было. Жадные власти бояре словно сняли съ себя личины свои, выказали всѣ свои затаенныя желанія. Царь все слышалъ, все видѣлъ, — и вдругъ ему стало легче: онъ выздоровѣлъ, словно изъ мертвыхъ возсталъ. Ничего онъ не сказалъ, когда поправился; но подозрѣніе залегло въ его душу противу всѣхъ его окружавшихъ: онъ помнилъ, что каждый говорилъ и дѣлалъ въ то время, когда почиталъ царя почти умершимъ. Еще восемь лѣтъ таился онъ, пока жила первая супруга его, кроткая царица Анастасія, изъ роду Романовыхъ; ее онъ называлъ своею юницею, любилъ до безумія, чувствуя, что только подлѣ нея, какъ подъ крыломъ тихаго ангела, отдыхала уязвленная душа его и воспламенялась ко всему доброму и великому. Скончалась «юница» его — и царь вдругъ почувствовалъ себя одинокимъ среди людей, которые когда-то, при немъ, во время его болѣзни, поносили царицу и отвергали ее отъ соправительства малолѣтнему сыну. Все это вспомнилось ему еще живѣе при видѣ ея бездыханнаго трупа, — и, указывая на покойную, онъ, въ изступленіи горести, говорилъ боярамъ: «Радуйтесь, радуйтесь, нѣтъ уже той, которую вы ненавидѣли! А за что вамъ неугодна была? За то ли, что Богъ при ней, видя ея ангельскую кротость и чистоту голубиную, намъ славу и побѣду подавалъ, и со смертнаго одра насъ воздвигъ,

сиротства ея жалѣючи?..» У самыхъ лучшихъ людей есть всегда завистники; нашлось много и тутъ такихъ, которые думали воспользоваться горестью царя, чтобъ избавиться отъ супротивныхъ имъ, — и стали царю нашептывать, что Анастасія умерла отъ отравы... Мать царя тоже нѣкогда скончалась отъ яду... Царь повѣрилъ и рѣшилъ истребить враговъ своего рода: начались въ Москвѣ опалы и казни... И жизнь самого царя пошла самая ужасная. Новые приближенные старались ему доказать, что только они ему вѣрны, и постоянно пугали его измѣной и лихими умыслами людей имъ неугодныхъ, дабы погубить ихъ; сами же льстили царю и тѣшили его, пробудили въ немъ привычки дѣтства его,—и онъ предался всѣмъ ихъ злокозненнымъ боярскимъ обычаямъ, къ которымъ навыкъ отъ юности своея... Правда, продолжалъ царь имя свое передъ иностранными государями честно и грозно держать, о державѣ Россійской и о всемъ христіанствѣ радѣть; продолжалъ онъ давать посламъ своимъ мудрые наказы, и дивилъ умомъ и знаніями даже самыхъ хитрыхъ папскихъ посланныхъ, препираясь съ ними о вѣрѣ; не нарушилъ ничего изъ своего мудраго земскаго устроенія; попрежнему хотѣлъ правды, казнилъ лихоимцевъ; самъ какъ Соломонъ творилъ судъ народу, и народъ славилъ его судъ,—но тутъ же, при неудачѣ, вдругъ падалъ духомъ, пугался и готовъ былъ унижаться; вдругъ опалялся и губилъ по одному непонравившемуся ему взгляду, губилъ людей, цѣлые роды, города, гдѣ полагалъ измѣну. Чтя въ

счастьѣ—милость къ себѣ Господню, а въ бѣдѣ—казнь за свои прегрѣшенія, — онъ постоянно самъ надъ собой произносилъ строгій судъ: въ сей жизни самъ непрестанно судилъ себя, помня образъ христіанскаго царя, какъ онъ долженъ быть, и какимъ онъ самъ цѣлыя тринадцать лѣтъ быть старался,—помня страшный отвѣтъ, который долженъ онъ дать Богу и за судьбу царства своего и всего христіанства и за кровь, имъ проліянную,—отвѣтъ какъ царя и какъ человѣка. Тогда, исчисляя всѣ свои прегрѣшенія, называя себя окаяннымъ, кровопійцею, чревоугодникомъ и «псомъ смердящимъ», онъ жаждалъ совсѣмъ оставить міръ, принять постриженіе и схиму; уѣзжалъ въ самые отдаленные монастыри; жилъ тамъ въ покаяніи, постѣ и молитвѣ; самъ писалъ имена имъ казненныхъ и съ богатыми вкладами оставлялъ въ монастыряхъ для вѣчнаго поминовенія. Отъ душевныхъ мукъ своихъ онъ получилъ падучую болѣзнь... Несчастный конецъ ливонской войны, разрушившій его великіе для Россіи замыслы, повергъ его въ скорбь, казалось, безъисходную. Вся Москва трепетала, словно передъ бурей...

И вдругъ докладываютъ царю, что пріѣхалъ гонецъ отъ Строгановыхъ и съ нимъ какіе-то казаки изъ Сибири.

Обыкновенно государь принималъ гонцовъ самъ, сидя на креслахъ, а кругомъ его по лавкамъ—бояре. Вводятъ Ивана Кольцо съ товарищами. Они пали передъ государемъ на землю какъ преступники; Иванъ Кольцо положилъ

себѣ на голову грамоту. Царь велѣлъ дьяку взять, распечатать и читать грамоту. Дьякъ прочелъ. Государь велѣлъ Ивану Кольцо встать и все дѣло разсказать — и что они за люди. И повѣдалъ Кольцо, безъ утайки, всю правду истинную, что они тѣ самые воровскіе казаки, о которыхъ писано въ царскихъ указахъ, и какъ они пришли къ Строгановымъ, и какъ въ Сибирь пошли, и прочее. И объ Ермакѣ все доподлинно разсказалъ. Царь выспрашивалъ все до мелочи. Иванъ Васильевичъ не пропускалъ случая кольнуть бояръ своихъ измѣною нѣкоторыхъ изъ нихъ, тутъ вышелъ ему поводъ сказать имъ: «Вотъ вамъ примѣръ: и незнатнаго рода люди, простые казаки; я ихъ казнить велѣлъ — они же не побѣжали служить моимъ недругамъ, а пошли на меня же поработать, царство мнѣ покорили, чтобы я только снялъ съ нихъ вины ихъ старыя». И обратясь къ казакамъ, объявилъ, что всѣ вины ихъ онъ съ нихъ сымаетъ, и за службу жалуетъ великимъ своимъ государевымъ жалованьемъ. «А къ храброму воеводѣ нашему, заключилъ онъ, — князю Сибирскому Ермаку Тимоѳеевичу, помощь пошлю и велю отписать къ нему мою царскую грамоту». И допустилъ онъ казаковъ къ рукѣ, и одарилъ ихъ, и велѣлъ ихъ продовольствовать съ царскаго стола. Потомъ всталъ съ креселъ — поднялись и бояре — и приказалъ государь тотчасъ же служить въ Успенскомъ соборѣ молебенъ, и по всей Москвѣ. и по всему царству звонить въ колокола и объ-

явить народу, что Богъ въ милостяхъ своихъ къ нему не оскудѣваетъ, послалъ державѣ Россійской великое приращеніе: третье мусульманское царство — Сибирь покорилась скипетру христіанскаго царя. И великое было на Москвѣ ликованіе.

На помощь Ермаку отряженъ былъ князь Болховской и съ нимъ пятьсотъ стрѣльцовъ. Казакамъ царь послалъ денегъ, суконъ, камки; Ермаку — шубу съ своего плеча, двѣ брони, серебряный кубокъ, и въ милостивой грамотѣ своей, назвавъ его княземъ Сибирскимъ, поручилъ ему главное распоряженіе и начальство надо всею покоренною страною. Плѣннаго Мегметъ-Кула велѣлъ прислать въ Москву.

Радость казаковъ была неописанная, когда воротился Иванъ Кольцо съ царскими милостями. Но Ермаку не долго пришлось ими пользоваться. Онъ попалъ таки въ засаду къ Кучуму. Кучумъ распустилъ слухъ, что къ казакамъ идутъ бухарскіе купцы. Ермакъ вышелъ съ пятьюдесятью казаками имъ для прикрытія. Купцовъ на сказанномъ мѣстѣ не нашли и расположились на островкѣ, на Иртышѣ, ночевать. Ночь была бурная, вѣтеръ выл, рѣка шумѣла. Казаки спали богатырскимъ сномъ. Кучумъ переправился черезъ рукавъ рѣки, напалъ — и сонныхъ перерѣзалъ казаковъ. Ермакъ вскочилъ было на крики, бросился къ судамъ своимъ, отмахиваясь саблей, перепрыгивалъ съ лодки на лодку, оступился и упалъ въ бурную и глубокую рѣку; тяже-

лая царская броня была на немъ — и была причиной его гибели.

Какъ умеръ Ермакъ—тутъ-то и оказалось, что это былъ за человѣкъ. Стрѣльцы и казаки остались безъ него какъ безъ головы. Душа всего дѣла—исчезла. Иванъ Кольцо незадолго передъ тѣмъ былъ убитъ измѣною. Никита Панъ, Иванъ Гроза тоже погибли. Оставшись какъ овцы безъ пастыря, казаки и стрѣльцы устрашились. Думали ужь только о томъ, какъ бы уйти въ Россію. Оставшійся въ живыхъ одинъ изъ Ермаковыхъ атамановъ, Матвѣй Мещерякъ, повелъ ихъ къ Строгановымъ...

Но ужь путь въ Сибирь былъ указанъ: царскія войска уже двигались туда. Мещерякъ встрѣтилъ ихъ на дорогѣ— и слѣпой Кучумъ не долго процарствовалъ въ занятой имъ вновь столицѣ своей, на казацкихъ могилахъ. Какъ сказалъ когда-то Ермакъ взбунтовавшимся казакамъ: «Постоимъ крѣпко, и память наша не оскудѣетъ въ сихъ странахъ, и слава объ насъ пойдетъ во вѣки» — такъ и сбылось. Имя Ермака стоитъ надо всею Сибирскою страною, живетъ тамъ въ названіяхъ урочищъ, живетъ по всей Руси въ пѣсняхъ народныхъ. Оно съизмала любезно намъ всѣмъ и каждому, ибо знаменуетъ великаго, но притомъ чисто русскаго человѣка, который, — соединяя въ себѣ умъ, богатырскій духъ, могучую волю, съ дивной благостью душевной, — совершилъ, въ простотѣ сердца, великія дѣла, единственно для очистки совѣсти

своей передъ царемъ и всѣмъ православнымъ людомъ, въ прославленіе имени русскаго и на возвеличеніе державы Россійской.

Смерть Ермака приключилась въ одинъ годъ съ кончиною царя Ивана Васильевича Грознаго: въ 1584 году; только царь скончался 18-го марта, а Ермакъ погибъ 5-го августа. Въ Тобольскомъ синодикѣ до сихъ поръ поминаются имена всѣхъ его казаковъ, первыхъ покорителей Сибири.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА

СТРАН.

I. **Три смерти.** Лирическая драма 1
II. **Странникъ** 33
III. **Изъ Апокалипсиса.** Гл. IV—X. 77
IV. **Бальдуръ.** Пѣснь о солнцѣ, по сказаніямъ Скандинавской Эдды 93
V. **Пульчинелль** 125
VI. **Княжна ***.** Трагедія въ октавахъ 143
VII. **Кассандра.** Сцены изъ Эсхиловой трагедіи «Агамемнонъ». 197
VIII. **Два міра.** Трагедія 239
IX. **Брингильда.** Поэма. 377

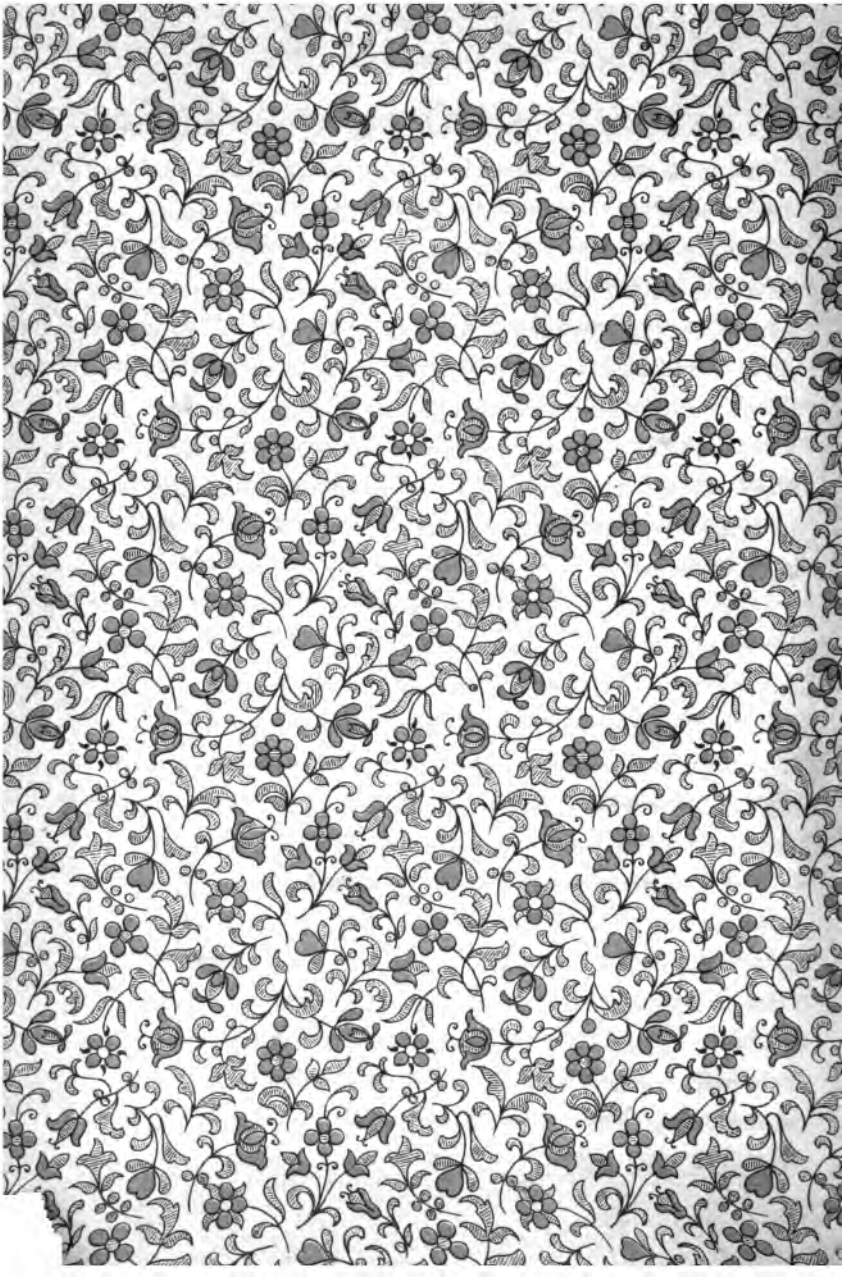
Разсказы изъ Русской исторіи.

(Для дѣтей и народа).

Разсказъ первый. *О святыхъ Московскихъ митрополитахъ Петрѣ и Алексѣѣ и о славномъ Мамаевомъ побоищѣ* 401

Разсказъ второй. *(Начало восточнаго вопроса).*

I. Взятіе Турками Константинополя 427
II. Москва—Третій Римъ 445
III. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Покореніе Казани и Астрахани 459
IV. Завоеваніе Сибири 480



Stanford University Libraries
3 6105 124 445 763

PG
3337
M2
1901
v.3

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

JUN 8 - 1974